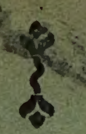
АЛЕКСАНДРОВЪ СОЦ. ДЕМ. ФР. В 3-Й ГОСУД. ДУМѢ

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Александровъ.

Семашко Н.А.

Соц.-Дем. фракція въ III-й Государственной Думѣ.

Изданіе Центральнаго Органа
Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи
„СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ".

3 экз.

1910.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

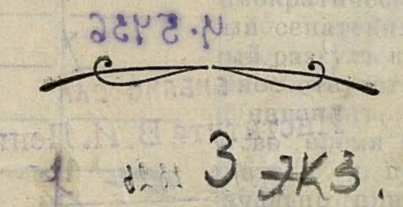
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Александровъ.

Важнѣйшія опечатки, замѣченныя въ текстѣ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Надо читать
11	11 сверху	стѣсненій	стѣсненіи
17	5 сверху	граждаанскихъ	гражданскихъ
22	5 сверху	проводивъ	породивъ
35	9 снизу	или	и
38	1 снизу	національнымъ	религіознымъ
63	7 сверху	Финляндія	финляндскія

Изданіе Центральнаго Органа Р. С.-Д. Р. П. „Соціальдемократъ“.

1910

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

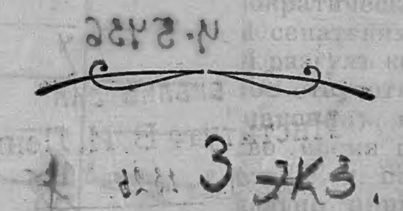
Н. Александровъ.

Семашко Н. А.

Соціальдемократическая фракція въ III Государственной Думѣ.

Изданіе Центральнаго Органа Р. С.-Д. Р. П. „Соціальдемократъ“.

1910

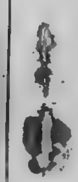
Введеніе.

Государственная Дума приступаетъ къ 4-ой сессіи своихъ «трудовъ». Истекли такимъ образомъ 3 года дѣятельности черно-желтаго «парламента» и тяжелой работы въ немъ нашей с.-д. фракціи. Дѣятельность этой послѣдней служила за все это время предметомъ оживленныхъ и острыхъ дебатовъ въ нашей партіи; въ оцѣнкѣ ея не только намѣтились, но и сложились, оформились опредѣленныя теченія.

Дать систематическій очеркъ трехлѣтней дѣятельности нашей фракціи, подвести итоги этой дѣятельности является такимъ образомъ задачей во всѣхъ отношеніяхъ необходимой — не только для фракціи, но и для всей партіи.

Въ дальнѣйшемъ мы и намѣрены облегчить товарищамъ (и товарищамъ рабочимъ въ особенности) работу пропаганды и агитаціи въ связи съ дѣятельностью думской фракціи; мы представимъ систематизированный, сгрупированный по отдѣльнымъ вопросамъ, очеркъ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ выступленій фракціи, дадимъ ихъ краткій разборъ; попытаемся освѣтить основные моменты текущей дѣйствительности, которые обсуждались въ Думѣ; а въ заключеніи постараемся указать, какой урокъ должна вывести партія изъ трехлѣтней дѣятельности ея думской фракціи.

Систематическому обзору и критикѣ дѣятельности с.-д. фракціи въ 3-ьей Думѣ необходимо предпослать хотя бы краткую характеристику условій и обстановки работы нашихъ товарищей въ Думѣ.

Выборы въ 3-ью Думу дали для с.-д. благопріятный результатъ: несмотря на антидемократическій избирательный законъ, еще болѣе ухудшенный сенатскими «разъясненіями»; несмотря на безшабашный разгулъ контръ-революціи, отчаянныя репрессіи, абсолютное отсутствіе свободы избирательной борьбы; несмотря, наконецъ, на бойкотистское настроеніе, господствовавшее во время выборовъ въ значительныхъ кругахъ пролетаріата, с.-д. партія провела въ Думу 15 депутатовъ (первоначально примкнули еще трое «попутчиковъ», потомъ, къ счастью, освободившихъ фракцію отъ своего балласта). *Всѣ* представители рабочей куріи оказались *членами и кандидатами* Р. С.-Д. Р. П.

Однако репрессіи и полицейскія преслѣдованія сдѣлали то, что въ число депутатовъ не попалъ никто не только изъ видныхъ дѣятелей нашей партіи, но и изъ нашихъ депутатовъ первыхъ двухъ Думъ, которые могли бы значительно облегчить работу фракціи своимъ знакомствомъ съ парламентской процедурой. А численная слабость нашей фракціи не только вела къ постоянному и чрезмѣрному обремененію депутатовъ работой, но порой дѣлала невозможнымъ ихъ самостоятельное выступленіе. Такъ, по думскимъ правиламъ, для предъявленія запроса правительству требуются подписи по крайней мѣрѣ 30 депутатовъ; такимъ образомъ, для запросовъ нашей фракціи приходится обращаться за подписями къ «сосѣдямъ», чаще всего, конечно, къ трудовикамъ. Легко понять, какъ это отражается на такой важной дѣятельности, какъ агитація путемъ запросовъ; и напримѣръ протестъ нашихъ товарищей противъ государственнаго переворота 3 іюня, который помогъ бы вскрыть контръ-революціонный характеръ 3-ей Думы, выяснилъ бы передъ страной отношеніе партій къ іюньскому перевороту, ихъ дальнѣйшую тактику и т. д., — этотъ протестъ, въ формѣ запроса, не могъ осуществиться только потому, что демократизма трудовиковъ не хватило настолько, чтобы дать свои подписи подъ нашимъ запросомъ.

Малочисленность и слабость нашей фракціи могла бы съ избыткомъ вознаградиться помощью и воздѣйствіемъ на нее со стороны партіи. Опытъ соц.-дем. всего міра учитъ, что с.-д. парламентскіе представители сильны не числомъ занимаемыхъ ими креселъ, а поддержкой организованнаго пролетаріата; и въ наши дни *единственный* соціалистическій депутатъ въ реакціоннѣйшемъ испанскомъ парламентѣ, при поддержкѣ своей партіи, съ честью держитъ тамъ знамя соціальдемократіи. Не такъ давно онъ отъ лица испанскаго пролетаріата заявилъ въ палатѣ такой яркій и гнѣвный протестъ противъ прошлогоднихъ репрессій, что пришли въ ужасъ не только представители правительства но и буквально всѣ буржуазные депутаты, включая крайнихъ лѣвыхъ республиканцевъ.—Иное дѣло у насъ. Революціонный приступъ 1905—6 г. г. отбитъ; массовое движеніе замерло; контръ-революція торжествуетъ. Упадочное настроеніе охватило широкіе слои пролетаріата. Сама партійная организація переживаетъ серьезный кризисъ. Отзовистское крыло партіи не только не содѣйствовало фракціи, но самымъ рѣшительнымъ образомъ противодѣйствовало ей. Одно время отзовистское теченіе получило распространеніе и въ Петербургѣ, въ центрѣ работъ думской фракціи, гдѣ ей особенно важна была ближайшая помощь, непосредственныя сношенія, доставленія свѣдѣній и матеріаловъ и т. д., и гдѣ отзовисты, совмѣстно съ с.-р-ами, синдикалистами и другими противниками нашей партіи, подбивали рабочихъ не помогать *нашей соц.-дем.* фракціи.

Контръ-революція довела «обмѣнъ веществъ» между фракціей и всей партіей [illegible]. [illegible]егальная партія [illegible] [illegible] отс[illegible] [illegible] [illegible]ія депута-

товъ съ партійными организаціями до крайности затруднены; стѣна воздвигнута даже между депутатами и избирателями.

Въ томъ же направленіи отчужденія между партіей и фракціей дѣйствовали и ошибки, вначалѣ довольно серьезныя, которыя допускала фракція въ своей дѣятельности.

Между тѣмъ положеніе депутатовъ въ Думѣ до крайности трудное. Трудность эта не только и не столько въ хулиганской атмосферѣ черносотеннаго, съ позволенія сказать, парламента; не только и не столько въ томъ, что всякую революціонно-с.-д. позицію, всякое революціонное выступленіе нашимъ товарищамъ приходится брать съ боя, разрывая тѣ загражденія, которыя ставитъ имъ думское большинство и ихъ ставленникъ на предсѣдательскомъ креслѣ[1]. Трудность эта еще больше обусловливается тѣмъ, что нашимъ депутатамъ приходится быть по-истинѣ энциклопедистами, поднимать на принципіальную высоту и освѣщать съ нея послѣдовательно с.-д-и самые разнообразные вопросы, выдвигаемые «органическимъ» законодательствованіемъ 3-ей Думы, — и очень часто такіе, которые никогда до тѣхъ поръ не разрабатывались въ партійной печати.

А работа думской фракціи въ высшей степени отвѣтственная. Особенность момента заключается въ томъ, что, говоря словами партійной конференціи (декабрь 1908 г.), «открыто закрѣпленъ и признанъ государственнымъ переворотомъ 3-го іюня и учрежденіемъ 3-ьей Думы союзъ царизма съ черносотенными помѣщиками и верхами торгово-промышленной буржуазіи». И задача фракціи—*въ самомъ центрѣ контръ-революціонныхъ силъ*, въ самомъ «логовищѣ звѣря», *передъ всей страной* разоблачать этотъ союзъ, бить контръ-революціонныхъ союзниковъ на каждомъ шагу ихъ дѣятельности, раскрывать контръ-революціонную натуру либеральной буржуазіи, отрывать онъ нея плетущіеся за ней по традиціи демократическіе элементы, содѣйствовать сплоченію разстроившейся арміи для дальнѣйшей борьбы за демократію и соціализмъ, вообще «использовать Думу и думскую трибуну для революціонной соц.-дем. пропаганды и агитаціи».

Какъ-же исполнила фракція эти свои основныя задачи?

I. ДЕКЛАРАЦІЯ ФРАКЦІИ.

Первымъ крупнѣйшимъ выступленіемъ фракціи былъ ея отвѣтъ на декларацію правительства. Не только партійные

---

1. По думскому оффиціальному справочнику 1910 г. депутаты въ Думѣ по партіямъ распредѣлялись такъ: правыхъ — 51, націоналистовъ — 89, «группа правыхъ октябристовъ — 124, «польско-литовско-бѣлорусская группа»— 7, польское коло — 11, прогрессистовъ — 39, мусульманъ — 9, кадетъ—52, трудовиковъ — 14, с.-д. — 15, безпартійныхъ — 18. Сводя въ крупныя группы получаемъ: контръ-революціонеровъ 275 (151 прав. + 124 окт.), націоналовъ и безпартійныхъ 45; умѣренныхъ либераловъ (к.-д. + прогр.) 91; буржуазныхъ демократовъ 14 (труд.) и с.-д. 15.

крути, но и широкія массы населенія, взволнованныя переворотомъ 3-го іюня, съ нетерпѣніемъ ждали, какъ выступятъ наши представители въ Думѣ, какъ они отнесутся къ создавшемуся политическому положенію, какъ они опредѣлятъ свою задачу. Положеніе фракціи было трудное, задача была тяжела, но въ высшей степени благодарна. Правительство, устами Столыпина, вновь бросило вызовъ странѣ, грозя «репрессіями силы», прославляя «историческую *самодержавную* власть и *свободную* волю монарха», какъ «драгоцѣнное достояніе русской государственности». Правые всѣхъ оттѣнковъ открыто солидаризировались съ правительствомъ. Октябристы іезуитски молчали. Кадеты, устами Маклакова, умоляли правительство о реформахъ («кто не проведетъ ихъ сейчасъ, тотъ будетъ виноватъ передъ исторіей»)[1], заявляли себя «противниками крамолы, которая принесла намъ много разочарованій», выражали пожеланіе, чтобы «правительство не слагало оружіе передъ революціей» и приглашали Столыпина «стать на одну почву, а въ деталяхъ мы сговоримся». Даже убогіе демократы изъ трудовиковъ, въ лицѣ своего лидера Розанова, меланхолически скорбѣли, что «въ странѣ негдѣ и не отъ кого было воспитываться въ уваженіи къ закону, къ семьѣ, къ собственности (!), въ уваженіи къ жизни человѣка», свидѣтельствовали о своей благонадежности, о своемъ «искреннемъ желаніи посвятить всѣ силы на то, чтобы переходъ страны къ новымъ нормамъ государственнаго строя [illegible] совершился мирно».

При такихъ условіяхъ передъ нашей фракціей стояла благодарная задача быть единственной выразительницей съ думской трибуны не только соціалистическихъ, но и послѣдовательно-демократическихъ взглядовъ. Къ сожалѣнію, это первое важное выступленіе совпало съ такимъ моментомъ, когда у фракціи было меньше всего возможности провести его, какъ слѣдуетъ: работа фракціи только еще начинала организовываться; приходилось дорожить услугами всякихъ, хотя бы и случайныхъ и неудовлетворительныхъ «свѣдущихъ» совѣтчиковъ; Ц. К. не могъ во время оказать должной помощи; т-щи депутаты выступали тогда впервые передъ черной Думой, постоянно прерывавшей нашихъ ораторовъ, не дававшей имъ говорить, сопровождавшей ревомъ каждую ихъ революціонную фразу.

Рѣчь тов. Покровскаго была неудачна. Насилуя историческую правду и вопреки неоднократнымъ рѣшеніямъ партіи, т. Покровскій восхвалялъ и идеализировалъ первыя двѣ Думы, какъ Думы «народныя», доходилъ до прямой неправды, говоря, будто 1-ая и 2-ая Думы, которыми руководили кадеты, «рѣшили необходимость и неизбѣжность принудительнаго безвозмезднаго отчужденія всѣхъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ». Отдѣльныя удач-

---

1. Цитаты здѣсь, какъ и *во всемъ* дальнѣйшемъ изложеніи (если нѣтъ особой оговорки) взяты по оффиціальнымъ стенографическимъ отчетамъ.

ныя мѣста его рѣчи (клеймленіе политики правительства, какъ «разорительной, убійственной и кровавой», характеристика 3-ьей Думы, какъ «Думы контръ-революціи», а ея большинства, какъ «представителей народныхъ эксплуататоровъ» и т. д.) не могли сгладить общихъ недостатковъ ея. Неудовлетворительна была и программная декларація, прочитанная имъ отъ имени фракціи. Она гласила:

«Государственная Дума, передъ которой выступаетъ въ настоящее время наша фракція, есть Дума 3-го іюня, т. е. Дума переворота, пытающагося поставить предѣлъ всему освободительному движенію Россіи. Россія стояла и продолжаетъ стоять до сихъ поръ передъ задачей своего обновленія, передъ трудной работой кореннаго измѣненія всѣхъ распорядковъ своей общественно-политической жизни: переходъ земли изъ рукъ крѣпостниковъ въ пользованіе народныхъ массъ, полное раскрѣпощеніе личности и устраненіе административнаго произвола, демократизація мѣстнаго самоуправленія и суда и освобожденіе этихъ учрежденій отъ административной опеки, дѣйствительная, не фиктивная защита рабочаго класса и свободы его организацій и, какъ вѣнецъ, но въ то же время и необходимая предпосылка всѣхъ этихъ реформъ — уничтоженіе власти бюрократіи и дѣйствительный переходъ этой власти въ руки народнаго представительства.

Такую коренную ломку могло бы произвести только полновластное народное представительство, избранное на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Ясно, что представительство первыхъ двухъ Думъ было безсильно рѣшить эту задачу цѣликомъ, но оно вышло изъ нѣдръ освободительной борьбы, какъ уступка, отвоеванная народомъ у власти, какъ средство успокоить стихію народа и поэтому, при всемъ несовершенствѣ закона 11 декабря, несмотря на разъяснительную практику сената, оно все же было представительствомъ широкихъ массъ населенія Россіи, и какъ таковое, оно имѣло на своемъ знамени эти освободительныя задачи.

Третья Госуд. Дума есть Дума контръ-революціи, Дума той власти, которая оправилась отъ нанесеннаго ей пораженія, и съ тѣмъ вмѣстѣ Дума того привиллегированнаго меньшинства, которое заинтересовано въ томъ, чтобы обновленія Россіи не происходило.

Цѣлыя національности лишены значительной части своихъ избирательныхъ правъ; широкія массы народа остались за бортомъ политическаго представительства. И поэтому своимъ лозунгомъ эта Дума имѣетъ ликвидацію освободительнаго движенія и своей очередной задачей — политику болѣе или менѣе откровенной реакціи.

Приступая къ своей дѣятельности въ третьей Госуд. Думѣ, соц.-дем. фракція отчетливо сознаетъ положеніе, сложившееся для нея, какъ для представительства пролетаріата, въ результатѣ совершившагося переворота. Конечно, соц.-дем. фракція въ нужный моментъ не откажется отъ попытокъ использовать слагающіяся внутри Думы комбинаціи для того, чтобы вырвать, что можно, у думскаго большинства въ интересахъ освободительнаго движенія вообще и борющагося пролетаріата въ частности. Но она предвидитъ также, что ея дѣятельность будетъ проявляться главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на практикѣ думской работы, во всемъ ея объемѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, отстаивая эти интересы, противополагать точку зрѣнія с.-д-тіи точкѣ зрѣнія всѣхъ партій, выдвигая въ тоже время общіе интересы демократіи. Неустанно принимая участіе въ этой думской работѣ, широко пользуясь своимъ правомъ запросовъ и внесенія законопроектовъ, с.-д. фракція позаботится о томъ, чтобы въ настоящіе дни народнаго отлива ея голосъ звучалъ по всему пространству Россіи, будя къ сознательной жизни, къ планомѣрной работѣ и борьбѣ.

Соц.-дем. фракція не скрываетъ отъ себя предстоящихъ ей трудностей на этомъ пути. Но она почерпаетъ свою силу въ сознаніи, что она — часть огромнаго цѣлаго, что ее несетъ волна того движенія, которое нельзя остановить на продолжительное время никакими полицейскими рогатками. Она сознаетъ, что исторія возложила на нее почетную отвѣтственность — былъ непосредственной преемницей той фракціи второй Госуд. Думы, которую контръ-революція посадила на скамью подсудимыхъ. Съ презрѣніемъ отметая клеветы и нападки враговъ, она будетъ идти къ единой поставленнной цѣли — къ соціализму черезъ демократическій строй, какъ россійскій отрядъ великой международной арміи соціалистическаго пролетаріата». (Засѣданіе 16 ноября 1907 г.)

Какъ видимъ, въ этой деклараціи отсутствуетъ опредѣленно выраженное классовое и соціалистическое содержаніе: нѣтъ классоваго анализа современнаго положенія; не указано на роль и значеніе III Думы въ группировкѣ и организаціи контръ-революціонныхъ силъ; лишь мимоходомъ указано на соціалистическія задачи пролетаріата, отчего самая декларація получила скорѣе демократическій, чѣмъ *соціальдемократическій* характеръ.

Но и демократическія задачи въ этой деклараціи были выражены недостаточно ясно: онѣ были или затушеваны, какъ, напр., въ требованіи «перехода земли въ пользованіе народныхъ массъ» (вмѣсто нашего опредѣленнаго требованія *конфискаціи* земли) или урѣзаны до такой степени, что подъ ними могъ бы подписаться и не с.-д. (въ родѣ требованія «дѣйствительной защиты рабочаго класса»).

Наконецъ, въ этой деклараціи были недостаточно опредѣленно выражены революціонныя задачи с.-д. фракціи въ III Гос. Думѣ: цѣли пропаганды, агитаціи и организаціи.

Формула перехода, предложенная фракціей, гласила:

«Выслушавъ декларацію правительства и констатируя, что правительство по прежнему ведетъ политику исключительно въ защиту интересовъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и хищническихъ слоевъ буржуазіи, фактически возстановляя самодержавіе и безгранично усиливая административно-полицейскій произволъ, подрывая основы матеріальнаго и культурнаго существованія страны, ожесточенно борясь противъ жизненно-необходимыхъ требованій рабочаго класса и широкихъ массъ малоземельнаго крестьянства и продолжаетъ истребительную войну съ освободительнымъ движеніемъ народа, Госуд. Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Неудача перваго, отвѣтственнаго и важнаго выступленія фракціи возбудила въ партійныхъ кругахъ много толковъ, неблагопріятныхъ для фракціи. Какъ извѣстно, эту плохую декларацію писали для фракціи «свѣдущіе люди» типа нынѣшнихъ ликвидаторовъ; эта ихъ первая, по-истинѣ медвѣжья, услуга фракціи показала еще разъ, чего можно ждать отъ этихъ людей даже въ такой «легальной» области партійной дѣятельности. Партійныя организаціи и партійная печать категорически признали неудовлетворительность этого выступленія. И общепартійная декабрьская (1908 года) конференція[1] лишь свела воедино эту всеобщую критику.

1. Резолюціи ея приведены въ «Приложеніи».

Во время обсужденія деклараціи правительства, въ день суда надъ фракціей 2-ой Думы, наши товарищи, сами бывшіе тогда подъ Дамокловымъ мечомъ «изъятія», смѣло солидаризировались съ второ-думской фракціей и громко заявили свой протестъ «противъ неслыханнаго во всемірной исторіи факта—суда надъ народнымъ представительствомъ за исполненіе имъ своихъ мандатовъ». Къ сожалѣнію вой и ревъ «высокаго собранія» и приставанія предсѣдателя не дали возможности т. Косоротову, выступавшему тогда отъ фракціи, подробнѣе мотивировать свой протестъ.

Во всякомъ случаѣ выступленіе с.-д. въ III Думѣ по поводу суда надъ с.-д. фракціей 2-ой Думы показало с.-д. депутатовъ, какъ *партійныхъ* людей, способныхъ исправить недостатки своихъ первыхъ шаговъ.

II. ОТНОШЕНІЕ ФРАКЦІИ КЪ БЮДЖЕТУ.

Главнѣйшая часть «работы» 3-ей Думы за всѣ 3 сессіи (чуть не 1/4 всѣхъ засѣданій) свелась къ разсмотрѣнію и утвержденію бюджета.

Какъ только въ 1-ю сессію бюджетъ былъ внесенъ правительствомъ въ Думу и возникъ вопросъ, передавать ли его въ комиссію, т. Гегечкори опираясь на чрезвычайно яркія статистическія данныя, указалъ на «непрерывное и чрезмѣрное напряженіе матеріальныхъ силъ трудящихся массъ» (у насъ въ формѣ налоговъ берется 20% народнаго дохода, тогда какъ въ Сѣв. Америкѣ — 7%, въ Англіи — 10½%, въ Германіи — 13%, причемъ въ Сѣв. Америкѣ народный доходъ на 1 жителя въ 5½ разъ больше, чѣмъ у насъ въ Россіи, въ Англіи—въ 4½ раза, въ Германіи — въ 3 раза); т-щъ обратилъ вниманіе на то, какъ ростъ государственныхъ доходовъ «обогналъ у насъ развитіе производительныхъ силъ страны»; на хроническія недоѣданія и періодическія голодовки, происходящія отсюда; на неравномѣрность обложенія, падающаго главнымъ образомъ на малоимущіе слои населенія, и предложилъ слѣдующую формулу перехода:

«Соц.-дем. фракція, принимая во вниманіе: 1) что государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1098 г. построена на чрезмѣрномъ обремененіи налогами трудящихся массъ и спаиваніи населенія водкой въ фискальныхъ интересахъ; 2) что собираемые съ трудящихся классовъ налоги идутъ главнымъ образомъ на борьбу правительства съ народомъ для сохраненія самодержавно-бюрократическаго строя; 3) что правила 8-го марта (опредѣляющія бюджетныя права Думы) не даютъ Государственной Думѣ возможности контролировать правительство въ расходованіи имъ народныхъ средствъ; 4) что принятіе бюджета Госуд. Думой было бы равносильно признанію за бюрократіей права на дальнѣйшее безконтрольное хозяйничанье въ странѣ, — Госуд. Дума отвергаетъ бюджетъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». (Засѣд. 27 ноября 1907 г.).

Критика правительственнаго бюджета, данная въ рѣчи т. Гегечкори и въ этой формулѣ перехода, удовлетворительная съ демократической точки зрѣнія, страдала однимъ кореннымъ недостаткомъ въ устахъ с.-д.: ораторъ не указалъ *соціалистической* мотивировки голосованія с.-д. противъ бюджета не только современнаго русскаго правительства, но и противъ *всякаго* бюджета буржуазнаго государства, служащаго ему орудіемъ угнетанія пролетаріата.

Когда бюджетъ былъ разсмотрѣнъ въ думской коммиссіи и поступилъ на утвержденіе общаго собранія, возникъ вопросъ о порядкѣ обсужденія его. Октябристы и правые, правильно почуявъ, что общія пренія по бюджету обнаружатъ во всей наготѣ картину хищническаго государственнаго хозяйства въ Россіи, а это въ значительной мѣрѣ можно было бы затушевать и скрыть, если разсматривать роспись по отдѣльнымъ статьямъ, предложили раздробить обсужденіе бюджета по отдѣльнымъ смѣтамъ. Къ этому поспѣшили присоединиться и кадеты ради «практическихъ соображеній» «скорѣйшаго обсужденія» бюджета. И лишь соц.-дем., въ лицѣ т. Покровскаго, протестовали противъ угодливости Думы, отказывающейся отъ своихъ, даже самодержавнымъ закономъ признанныхъ, правъ, и требовали, чтобы Дума, «начала свое дѣло съ пересмотра, реорганизаціи всего государственнаго хозяйства».

Контръ-революціонное большинство Думы не допустило обсужденія бюджета въ цѣломъ и въ слѣдующемъ году, при новомъ протестѣ с.-д. Однако, тов. Покровскому удалось въ эту же сессію, въ дебатахъ по смѣтѣ Гос. Контроля, дать эту общую характеристику самодержавнаго хозяйничанія, а также исправить прошлую ошибку фракціи и указать на отношеніе соц.-дем. ко всякому буржуазному бюджету. «С.-д. фракціи всѣхъ европейскихъ государствъ», заявилъ товарищъ, «вотирують противъ буржуазнаго бюджета въ цѣломъ, но наши европейскіе товарищи вотирують за отдѣльныя ассигновки на культурныя надобности. Мы не думаемъ вотировать ни за какія ассигновки въ распоряженіе правительства, которое даже съ такой ассигновкой, какъ на продовольствіе голодающихъ, распоряжается, передавая въ руки грабителей — Гурко, Лидвалей и Фредериксовъ; мы не будемъ голосовать ни за какую ассигновку въ пользу правительства, которое изъ святого дѣла народнаго образованія ухитряется сдѣлать оружіе моральнаго и интеллектуальнаго угнетенія. Но мы думаемъ, что голосовать за русскій бюджетъ не должны даже въ 3-ей Гос. Думѣ и представители крестьянства, если только они и здѣсь не состоятъ въ кабалѣ у дворянъ, не должны голосовать за бюджетъ всѣ представители интересовъ трудящихся массъ. Голосовать за этотъ бюджетъ — значитъ предавать интересы этихъ массъ».

И лишь въ нынѣшнемъ году, когда двухлѣтнимъ дробленіемъ преній по бюджету вниманіе населенія въ значительной мѣрѣ притупилось и, когда, благодаря случай- [illegible]

лась, наконецъ, разсмотрѣть роспись въ цѣломъ, чтобы воспѣть хвалебный гимнъ «первому бездефицитному бюджету».

И въ холопски-ликующія рѣчи контръ-революціонной буржуазіи, начиная съ правыхъ и кончая кадетами, рѣзкимъ диссонансомъ ворвался протестъ т. Бѣлоусова, указавшаго, какъ получено это «бюджетное благополучіе» и что оно означаетъ при нашемъ 10 миллiардномъ долгѣ, при высасываніи налоговымъ насосомъ не только всего излишка народнаго труда, но и средствъ народнаго пропитанія, при полномъ разгулѣ произвола и стѣсненій самодѣятельности населенія, при разореніи крестьянства и его хроническихъ голодовкахъ, при промшленномъ застоѣ, разореніи и расхищеніи производительныхъ силъ страны.

Въ самомъ началѣ 1-ой сессіи, передъ обсужденіемъ бюджета, кадеты внесли законопроектъ «объ измѣненіи правилъ о порядкѣ обсужденія бюджета». Чтобы оцѣнить существующій теперь «порядокъ», достаточно сказать, что по такъ называемымъ «правиламъ 8-го марта, дѣйствующимъ теперь, у насъ «сильно забронировано», (т. е. совершенно отнято отъ разсмотрѣнія Думы) 27 % бюджета, «достаточно забронировано» — 42%. «незабронировано» — 29 %, т. е. лишь меньше одной третьей части бюджета Дума можетъ обсуждать свободно.

По существу кадетскій законопроектъ сводился къ самымъ мизернымъ измѣненіямъ въ «перекраиваніи» бюджета. Образчикомъ самаго чистопробнаго холопства была рѣчь ихъ докладчика Аджемова: «мы въ своемъ проектѣ не идемъ такъ далеко», извивался этотъ «демократъ», чтобы поставить наше бюджетное право на одну равную степень съ бюджетнымъ правомъ любого западнаго парламента»; онъ «не возражаетъ» противъ 18 статьи «правилъ», требующей тайны отъ народа при обсужденіи вопросовъ такъ называемой государственной обороны. «Абсолютно забронированная часть бюджета», распинался онъ дальше, «въ нашемъ проектѣ не затронута». «Никакихъ посягательствъ въ проектѣ, который мы внесли, нѣтъ, никакихъ заднихъ мыслей въ немъ нѣтъ», увѣрялъ Шингаревъ; нынѣшнія правила «являются ненужными излишними путами, ненужными даже съ точки зрѣнія правительства», убѣждалъ онъ октябристовъ («отъ имени правительства я отъ этого облегченія отказываюсь», отрѣзалъ Коковцевъ).

Въ концѣ концовъ кадеты не удержались даже на такой позиціи, сняли свой проектъ и присоединились къ октябристамъ, предложившимъ признать «измѣненіе правилъ 8 го марта, *не касаясь объема этихъ измѣненій*, желательнымъ.»

Въ противоположность такимъ защитникамъ бюджетныхъ правъ т. Покровскій выставилъ послѣдовательно-демократическую точку зрѣнія. «Госуд. бюджетъ для правитель...

ства», говорилъ тов., самое чувствительное мѣсто, это — вопросъ сердца для него»;«поступаться правами въ пользу народнаго представительства—значитъ поступаться властью». «Для правительства вопросъ о бюджетныхъ правахъ — вопросъ шкурный; для народа — вопросъ его силы и вліянія». «Мы, соц.-дем., требуемъ полноты бюджетныхъ правъ, не только права перекраивать бюджетъ; мы требуемъ права въ извѣстное время вотировать и отказъ въ бюджетѣ; мы требуемъ уничтоженія всѣхъ ограниченій, *отмѣны правилъ 8 марта цѣликомъ*; мы требовали, требуемъ и будемъ требовать *полноты народовластія*».

Слабой стороной этого въ общемъ хорошаго выступленія было то, что тов. Покровскій не связалъ бюджетнаго безправія Думы съ ея общимъ безправіемъ, не указалъ, что и для завоеванія бюджетныхъ правъ путь единственный — сверженіе самодержавія.

Жаль также, что и въ этомъ случаѣ наша фракція не дала съ трибуны должной оцѣнки уже совсѣмъ неприкрытому соглашательству кадетъ, ихъ половинчатой позиціи даже въ такомъ, казалось бы, совершенно очевидномъ для каждаго либерала (не говоря уже о демократѣ) вопросѣ.

Вкратцѣ разсмотримъ теперь выступленія фракціи по отдѣльнымъ смѣтамъ.

Наиболѣе бурныя пренія разгорались въ Думѣ каждый годъ по *смѣтѣ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ*, такъ какъ при этомъ обсуждалась общая политика правительства.

Въ первую сессію т. Покровскій выяснилъ, какъ Мин. Внутр. Дѣлъ, съ его полицейскими функціями, «держитъ въ подчиненіи, подъ постояннымъ непосредственнымъ своимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ» всѣ другія вѣдомства — народнаго просвѣщенія, юстиціи; какъ оно окутало всю страну сѣтью исключительныхъ положеній и гнетомъ голаго произвола и насилія; подробно разобралъ смѣту этого Мин., указавъ, что 90 % ея остаются «забронированными», т. е по закону не подлежащими обсужденію Гос. Думы. Гегечкори въ своей рѣчи остроумно вышутилъ контръ-революціонную выдумку кадета Маклакова, будто существуетъ какой-то «конфликтъ» между «констиуціоннымъ центромъ» (т. е. Столыпинымъ) и «реакціонными мѣстными властями». Т. Предкальнъ обрисовалъ вкратцѣ положеніе Прибалтійскаго края, указалъ на закабаленіе прибалтійскаго крестьянства нѣмецкими дворянами, какъ на основную причину прибалтійской революціи; напомнилъ, какъ удачно само населеніе въ 1905 6 гг.—черезъ посредство выбранныхъ имъ революціоннымъ путемъ органовъ, устраивало свои мѣстныя дѣла, и какую анархію внесли потомъ карательные отряды, разстрѣливая, истязая населеніе, сжигая усадьбы, опустошая край.

Спеціально о репрессіяхъ противъ рабочихъ говорилъ т. Кузнецовъ — о преслѣдованіи ихъ организацій, о [illegible] помощи безработнымъ и т. д. — и внесъ слѣ-
[illegible]

«Принимая во вниманіе, 1) что Мин. Внутр. Дѣлъ, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ полицейскія функціи государства, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе органы власти, носитъ всѣ отрицательныя черты современнаго политическаго строя, основаннаго на насильственномъ угнетеніи и безправіи народныхъ массъ; 2) что изъ 95.000.000 рублей, составляющихъ смѣту обыкновенныхъ расходовъ этого мин-а, почти 63 мил. или 66 % поглащается [1] полиціей, дѣятельность которой направляется главнымъ образомъ на борьбу со всякими проявленіями народной свободы и народной самодѣятельности; 3) что въ смѣтѣ именно этого мин-а значится ассигнованіе на содержаніе административныхъ чиновъ, которые, пользуясь различными видами исключительнаго положенія, распространяющагося почти на всю страну, безнаказанно попираютъ самыя элементарныя гражданскія и политическія права населенія, а особенно городскихъ массъ и возводятъ вопіющій личный произволъ въ настоящую систему управленія; 4) что даже тѣ органы мин-а, которые по своему назначенію могли бы приносить извѣстную пользу (медиц. и ветеринарныя управленія, статистич. комитетъ и др.), крайне неудовлетворительно выполняютъ возложенныя на нихъ задачи, — Гос. Дума отвергаетъ расходную смѣту Мин-а Вн. Дѣлъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Въ слѣдующемъ году (во 2-ую сессію) гегемонію полиціи и жандармеріи надъ «правосудіемъ» и «просвѣщеніемъ» обстоятельно выяснилъ т. Бѣлоусовъ; подробнымъ анализомъ смѣты этого мин-а, а также разборомъ его дѣятельности т. Бѣлоусовъ доказалъ дворянски-крѣпостническій характеръ его; именно для дворянства оно служитъ «онлотомъ, надежной опорой, орудіемъ для продленія ихъ счастливаго «аркадскаго бытія».

Тов. Чхеидзе рѣзкими примѣрами изъ жизни послѣднихъ лѣтъ показалъ, какъ разрѣшаетъ Столыпинъ демократическія задачи, выдвинутыя революціей и стоящія сейчасъ передъ страной; какъ осуществляются «незыблемыя начала» неприкосновенности личности, свободы совѣсти, печати, собраній. Формула перехода, предложенная фракціей гласила:

«Принимая во вниманіе: 1) что современная внутренняя политика, являясь отраженіемъ крѣпостническаго уклада общественной жизни въ странѣ, сводится исключительно къ борьбѣ правящихъ классовъ дворянства и крупной буржуазіи съ народомъ за сохраненіе сословныхъ и классовыхъ привиллегій и права безконтрольнаго распоряженія средствами государства; 2) что въ этой борьбѣ съ народомъ, добивающимся политической свободы и удовлетво-

---

1. Въ текстѣ, на стр. 2531, вслѣд. опечатки стоитъ: «погашается»; на стр. 2755 резолюція приведена правильно. Отмѣтимъ кстати, что въ стенографическихъ отчетахъ (зас. 70, стр. 1100) ошибочно приписана нашей фракціи формула перехода, внесенная на самомъ дѣлѣ трудовикомъ Кропотовымъ отъ имени крестьянъ, Въ виду этихъ (и другихъ подобныхъ) ошибокъ и опечатокъ желательно, чтобы тт. депутаты болѣе внимательно пользовались своимъ правомъ просмотра и исправленія стенограф. отчетовъ,

ренія своихъ матеріальныхъ и культурныхъ потребностей, правительство покрыло страну сѣтью военныхъ положеній, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ, военныхъ судовъ и висѣлицъ и отдало населеніе во власть охранныхъ отдѣленій и полицейскаго произвола; 3) что вся эта борьба съ освободительнымъ движеніемъ организуется и ведется министерствомъ Вн. Дѣлъ, — Госуд. Дума отвергаетъ смѣту Министерства Внутр. Дѣлъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 25 февраля, 1909 г.)

Въ нынѣшнемъ году, въ дебатахъ по той же смѣтѣ, т. Чхеидзе ѣдко высмѣялъ извѣстное «не вѣрю больше въ правительство» кадетскаго лидера-Маклакова. Этотъ господинъ, какъ извѣсто, убѣждалъ, что «общество провалилось на экзаменѣ революціи, правительство—на экзаменѣ реакціи», и уже давно отказавъ въ своей «вѣрѣ» революціи, онъ заявилъ теперь о лишеніи «довѣрія» и правительства. Тов. Чхеидзе справедливо выразилъ сомнѣніе, чтобы эта «потеря вѣры» въ правительство со стороны героя контръреволюціи была окончательной; указалъ на перемѣщеніе вѣры кадетской съ правительства на нынѣшнее думское большинство и на всю контръ-революціонность упованія на октябристовъ и закончилъ:

«Подводя итоги прошлогодней политикѣ правительства, мы приходимъ къ тому же заключенію, къ которому приходили неоднократно: отказать правительству въ утвержденіи Смѣты Мин. Внутрен. Дѣлъ, и тѣмъ выразить ему полное недовѣріе, а во-вторыхъ, съ этой трибуны обратиться съ призывомъ ко всѣмъ живымъ силамъ страны для того, чтобы объединиться, сърганизоваться для рѣшительной борьбы съ правительствомъ и его сторонниками, той рѣшительной борьбы, которая только и можетъ вывести страну изъ того тупика, въ который она теперь загнана».

По смѣтѣ Мин. Народ. Просвѣщенія наиболѣе обстоятельные дебаты фракція развернула въ прошломъ году. Тов. Гегечкори указалъ тогда на ростъ производительныхъ силъ и общественныхъ отношеній, какъ на основную причину развитія народнаго образованія; подробно остановился на репрессіяхъ правительства по отношенію къ высшей школѣ; досказалъ то, что обыкновенно не договариваютъ буржуазные демократы, распинающіеся за «свободу преподаванія» — именно: что при настоящихъ условіяхъ дѣти пролетаріевъ лишь въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ могутъ пользоваться благами народнаго просвѣщенія; «мы не скрываемъ отъ представляемаго нами рабочаго класса», сказалъ тов., «что даже при существованіи автономной школы пролетаріатъ фактически, какъ классъ, непосредственно занятый въ производствѣ, не можетъ воспользоваться плодами автономной школы, не можетъ пользоваться и не пользуется и наукой, такъ какъ и наука, при настоящемъ строѣ, буржуазна, т. е. она подчинена интересамъ господствующихъ классовъ. Мы этого не скрываемъ ни отъ себя, ни отъ пролетаріата.

Пусть пролетаріатъ знаетъ, что только въ сознаніи своихъ интересовъ, углубленіи своихъ классовыхъ интересовъ, можетъ онъ найти тотъ рычагъ, которымъ можно измѣнить существующій общественный и политическій строй и сдѣлать какъ науку, такъ и автономію общимъ достояніемъ всего человѣчества» (зас. 17 апр. 1909 г.).

О положеніи низшей, начальной школы говорилъ т. Бѣлоусовъ. Цитируя рядъ писемъ, полученыхъ имъ съ мѣстъ, отъ народныхъ учителей, тов. разсказалъ, какія препятствія ставитъ правительство развитію народнаго сознанія; сравнительной статистикой доказалъ отсталость Россіи по сравненію съ Западными государствами (въ Россіи тратится на просвѣщеніе на каждую душу населенія 11 коп., въ Швейцаріи, Англіи — около $2^1/_2$ руб.; въ Россіи одна школа приходится на 64 (а въ нѣкорыхъ мѣстахъ 256) квадратныхъ верстъ; въ Бельгіи, Италіи — на 4 квад. версты и т. д.); рядомъ рѣзкихъ примѣровъ онъ показалъ, сколько лжи и лицемѣрія въ утвержденіи октябристовъ, будто они и рады бы насадить всеобщее обученіе, да денегъ нѣтъ (Азефъ, высчитывалъ тов., стоитъ 28 школъ ежегодно; ассигновки на чистоту въ домѣ генералъ-губернаторовъ равны расходамъ на 120 школъ; содержаніе принцессы Мюратъ — 420 школъ и т. д. и т. д.); привелъ рядъ яркихъ примѣровъ калѣченія министерствомъ школьныхъ программъ, гоненій на мало-мальски толковыя книги, газеты, журналы, даже на грамофонныя пластинки; остановился спеціально на преслѣдованія «инородцевъ» въ нашихъ школахъ.

Какъ «насаждала» русская бюрократія образованіе на Кавказѣ за 100 лѣтъ своего тамъ владычества подробно выяснилъ въ своей рѣчи т. Чхеидзе; поразительная картина гоненій на народ. образованіе развернута была т-щемъ: на 150 верстъ кругомъ на Кавказѣ имѣется въ среднемъ одна только школа, и $3^1/_2$ тысячъ населенія должны пользоваться и удовлетворяться ей! Невѣжественные учителя (50%, т. е. половина ихъ съ *низшимъ* образованіемъ), получающіе жалованіе очень часто въ 9 разъ меньше, чѣмъ городовой, урядникъ, стражникъ; насильственная руссификація въ школахъ, вмѣсто обученія; превращеніе учителей въ полицейскихъ сыщиковъ. Такое-же гоненіе на народное образованіе и насильственную руссификацію, вмѣсто обученія, констатировалъ тов. Предкальнъ въ дѣятельности правительства и въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Основныя наши положенія въ области народнаго образованія фракція развивала и въ дебатахъ, происходившихъ въ двѣ другія сессіи. Наши требованія въ этой области т. Бѣлоусовъ резюмировалъ такъ: «всеобщее безплатное начальное обученіе, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями; принятіе всѣхъ мѣръ, которыя такъ или иначе обезпечивали-бы доступность образованія; преподаваніе на родномъ языкѣ во всѣхъ типахъ школъ; согласованіе программъ всѣхъ школъ; введеніе безплатности обученія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; признаніе преподаванія религіи частнымъ дѣломъ; уничтоженіе правъ и

привиллегій, сопряженныхъ съ окончаніемъ курса; уничтоженіе правъ и ограниченій въ области образовательныхъ нуждъ населенія; признаніе права частной инициативы и явочнаго порядка въ дѣлѣ развитія школьнаго образованія, въ дѣлѣ открытія народныхъ учебныхъ заведеній; признаніе за учителями права профессіональныхъ организацій; поднятіе матеріальнаго и правового ихъ положенія; коренная реорганизація Мин. Народнаго Просвѣщенія съ цѣлью ввести туда общественный элементъ — **вотъ** программа-минимумъ, которую можно было-бы ввести» (зас. 10-го іюня 1908 г.).

Тѣмъ непонятнѣе было голосованіе фракціи, въ началѣ ея дѣятельности, за ассигновку 7 милліоновъ руб. яко-бы на введеніе всеобщаго обученія, а на самомъ дѣлѣ въ безконтрольное распоряженіе черносотеннаго министра Шварца. Это голосованіе было тѣмъ болѣе непонятно, что оно противорѣчило и рѣшеніямъ Ц. К. партіи и тѣмъ рѣчамъ, которыя тов. высказывали при обсужденіи этого законопроекта: такъ т. Бѣлоусовъ подробно и ясно обрисовалъ, какъ уродуетъ правительство школьное преподаваніе, какъ оно старается не обучать, а развращать въ школахъ; т. Кузнецовъ справедливо указывалъ на лицемѣріе криковъ и правительства, и правящихъ классовъ о пользѣ всеобщаго обученія, на ихъ стремленіе, наоборотъ, затемнить народное сознаніе, и все-же... фракція голосовала *за*.

Впрочемъ, и эту ошибку фракція исправила впослѣдствіи: въ слѣдующемъ году она внесла то совершенно правильное изложеніе своего отношенія къ голосованіямъ на такъ наз. «культурныя потребности», которое мы привели выше (см. стр. 10). И когда зашелъ вопросъ объ ассигнованіи на ремесленныя школы тому-же министру Шварцу, фракція правильно *воздержалась* отъ голосованія, съ соотвѣтствующей мотивировкой.

Пренія *по смѣтѣ мин. Юстиціи* дали возможность фракціи выяснить отношеніе соц.-дем. къ суду вообще и нашему самодержавному — въ частности. Удачную рѣчь произнесъ въ этомъ отношеніи т. Гегечкори въ 1-ую сессію. Указавъ, что «при капиталистическомъ строѣ судъ, какъ одна изъ организацій государственной власти, является организаціей классоваго господства», Гегечкори особенно подробно остановился на «лакейской угодливости» и прислуживаніи нашего суда; онъ напомнилъ о практикѣ «высшаго блюстителя закона» — Сената въ отношеніи рабочихъ, о расправѣ съ соц.-дем. фракціей 2-ой Думы — «одной изъ самыхъ позорнѣйшихъ страницъ русской казенной юстиціи; о «вопіющемъ беззаконіи» Сената, опубликовавшаго актъ 3-го іюня; о репрессіяхъ противъ судей, проявившихъ хоть тѣнь самостоятельности,—и сдѣлалъ выводъ, что «судъ сдѣлался ареной самой разнузданной и оголенной партійной мести и расправы». Отъ имени фракціи онъ предложилъ слѣдующую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе. 1) что организація судебнаго [illegible] при [illegible] условіяхъ [illegible] [illegible] той степени, въ

какой это вообще возможно въ классовомъ государствѣ; 2) что судъ по политическимъ и литературнымъ дѣламъ превратился въ совершенно послушнаго исполнителя даже случайныхъ желаній администраціи; 3) что даже въ области граждаанскихъ дѣлъ, гдѣ суды больше проявляли свою независимость, наблюдается въ новыхъ рѣшеніяхъ высшаго суда — Сената сознательная борьба съ интересами рабочаго класса; 4) что дѣятельность Мин. Юстиціи, преслѣдующаго сколько-нибудь независимыхъ судей, не даетъ никакихъ основаній предполагать измѣненіе системы угодничества администраціи и господствующимъ классамъ; 5) что при такихъ условіяхъ народъ не только не заинтересованъ въ судебной организаціи въ ея теперешнемъ видѣ, но, наоборотъ, долженъ стремиться къ коренному измѣненію существующей судебной системы, — Гос. Дума отвергаетъ смѣту Мин. Юстиціи и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ (зас. 28 апр. 1908 г.).

Эта формула еще болѣе выиграла бы, по нашему мнѣнію, если бы въ ней было опредѣленно выставлено требованіе выборности судей, какъ это указано въ нашей программѣ.

При обсужденіи той-же смѣты Чиликинъ (тогда еще путавшійся между служеніемъ партіи и приамурскимъ обывателямъ) остановился на смѣтѣ тюремнаго вѣдомства, объяснилъ, что причины преступности въ капиталистическомъ обществѣ коренятся въ соціальномъ и имущественномъ неравенствѣ, указалъ на невыносимыя условія жизни политическихъ заключенныхъ въ тюремныхъ застѣнкахъ и внесъ отъ имени фракціи слѣдующую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе, 1) что тюрьмы въ рукахъ господствующихъ классовъ являются средствомъ угнетенія классовъ трудящихся; 2) что въ рукахъ русскаго правительства тюрьмы служатъ способомъ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ цѣляхъ закрѣпленія отжившихъ формъ дворянско-крѣпостническаго строя и орудіемъ мести своимъ политическимъ противникамъ; 3) что въ тюрьмы бросаются всѣ заподозрѣнные во враждѣ къ дворянско-бюрократическому господству; 4) что тюремная администрація и тюремная инспекція насаждаютъ въ тюрьмахъ вопіющій произволъ, на который заключенные могутъ отвѣчать только гибельными для здоровья голодовками; 5) что инструкція о порядкѣ примѣненія оружія отдаетъ въ руки каждаго тюремщика жизнь заключенныхъ, — Гос. Дума отвергаетъ смѣту Мин. Юстиціи по тюремной части и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 28 апр. 1908 г.).

Въ прошломъ году, при дебатахъ по смѣтѣ Мин. Юстиціи, произошелъ инцидентъ, вокругъ котораго подняла шумъ праздно-болтающая либеральная печать, осыпая нашу фракцію инсинуаціями. Представитель польской буржуазіи (польскаго Коло) Дымша внесъ слѣдующее предложеніе: «обращая вниманіе правительства на то, что принадлежность къ польской національности не должна служить

препятствіемъ къ назначенію на служебныя должности въ губерніяхъ царства польскаго, — Госуд. Дума переходитъ къ постатейному чтенію смѣты Мин. Юстиціи». Какъ видно, здѣсь: 1) говорится только о полякахъ, и ни слова не упоминается о всѣхъ національностяхъ, населяющихъ царство польское (литовцахъ, евреяхъ и т. д.); 2) въ заключеніе говорится, что польское Коло принимаетъ смѣту. Указавъ на оба эти обстоятельства, выразивъ рѣзкій протестъ отъ имени польскаго пролетаріата противъ поведенія Коло, холопствующаго передъ правительствомъ, послѣ того, какъ министръ въ томъ же засѣданіи оскорбилъ всю польскую націю (извѣстная фраза Щегловитова о «засореніи судовъ поляками»), Гегечкори заявилъ, что сод.-дем. фракція будетъ голосовать *противъ* предложенія Дымши. Тов. Гегечкори не ошибся, что «польскій пролетаріатъ не похвалитъ польское Коло за этотъ вотумъ довѣрія». Какъ извѣстно, польскіе товарищи единодушно одобрили поведенія нашей фракціи и рѣшительно осудили предательское выступленіе Коло. «Мы клеймимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ политику Польскаго Коло», гласилъ одинъ изъ пунктовъ резолюціи, принятой по этому поводу Главнымъ Правленіемъ с.-д. Польши и Литвы.

Въ дебатахъ *по смѣтѣ Министерства Торговли и Промышленности* нашимъ товарищамъ удавалось особенно обстоятельно разбирать политику правительства по отношенію къ рабочему классу. На исторіи нашего фабричнаго законодательства т. Полетаевъ доказалъ, что «законодательная дѣятельность правительства прямо пропорціональна активности и организованности рабочаго класса», что каждая, даже самая микроскопическая «рабочая реформа» неизмѣнно слѣдовала за предшествовавшимъ ей волненіемъ рабочихъ; товарищъ говорилъ далѣе объ убогости нашей фабричной инспекціи, превратившейся въ слѣпое орудіе Мин-а Вн. Дѣлъ, о томъ, какъ покровительствуетъ правительство организаціи промышленниковъ и какъ преслѣдуетъ оно организаціи рабочихъ. Совершенно непонятно только, почему т. Полетаевъ счелъ нужнымъ представить требованія рабочихъ въ формѣ тезисовъ, выработанныхъ нѣкогда «демократами» въ Московскомъ Политехническомъ Обществѣ, съ ихъ «побужденіями гуманитарными», какъ «основаніями охраны труда», вздыханіемъ о «неравномѣрности (!) участія въ промышленности труда и капитала», съ туманными пожеланіями «сокращенія установленныхъ нормъ рабочаго времени» и т. д. Несравненно правильнѣе было бы, если бы т. Полетаевъ, вмѣсто всѣхъ этихъ полулиберальныхъ пожеланій, привелъ и обосновалъ пункты нашей рабочей программы.

Отъ имени фракціи по этой смѣтѣ была предложена слѣдующая формула перехода: «Принимая во вниманіе, 1) что Мин. Торгов. и Промышл. за два года своего существованія не выработало никакого плана дѣятельности, ведущаго къ дѣйствительному подъятію производительныхъ силъ страны, а продолжаетъ лишь традиціонную политику

Министерства Финансовъ, сводящуюся къ поддержкѣ монополистовъ и къ полному игнорированію интересовъ трудящихся массъ; 2) что оно не сдѣлало никакихъ шаговъ въ дѣлѣ развитія фабричнаго законодательства, а наоборотъ, представило интересы рабочихъ въ вѣдѣніе Мин. Внутр. Дѣлъ, которое своимъ преслѣдованіемъ рабочихъ организацій и ограниченіемъ существующихъ фабричныхъ законовъ беретъ назадъ завоеванныя рабочимъ классомъ права, и 3) что фабричная инспекція, находящаяся въ вѣдѣніи Мин. Торг. и Промышл., выполняетъ лишь полицейскія функціи и является защитницей интересовъ предпринимателей, а не рабочихъ, — Госуд. Дума отвергаетъ смѣту Мин. Торг. и Промышл. и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 7 мая 1908 г.).

Товарищамъ удалось также разобрать и охарактеризовать должнымъ образомъ съ думской трибуны внесенныя правительствомъ въ Думу законопроекты по рабочему страхованію, показать, какая ничтожная часть россійскаго пролетаріата подлежитъ, по этимъ проектамъ, страхованію, какой нищенской подачкой хотятъ облагодѣтельствовать этихъ «избранныхъ», какъ всю организацію страхованія правительство хочетъ поставить подъ неусыпный административно-полицейскій надзоръ. Наши депутаты, въ дебатахъ по этой смѣтѣ, заклеймили также «ликвидаціонную политику въ области рабочаго законодательства Думы 3-го іюня», хоронящей въ комиссіяхъ даже правительственные законопроекты. «Не черезъ 3-ью Госуд. Думу, бросилъ тов. Покровскій въ лицо помѣщикамъ, купцамъ и промышленникамъ, «можетъ осуществить рабочій классъ свои гражданскія права; для этого у него — путь одинъ: черезъ ненавистное для всѣхъ васъ всеобщее избирательное право, и не черезъ 3-ью Думу, а черезъ *Учредительное Собраніе*».

Такъ въ разгаръ контръ-революціи былъ провозглашенъ снова и съ думской трибуны нашъ революціонно-демократическій лозунгъ; тотъ лозунгъ, который не выноситъ буржуазія всѣхъ оттѣнковъ — реакціонная и либеральная, и который не давалъ произносить въ первой Думѣ товарищу Рамишвили кадетскій предсѣдатель Муромцевъ.

Случай этотъ еще разъ показываетъ, какъ близоруки были тѣ, кто предсказывалъ, будто наша фракція въ черносотенной Думѣ не въ силахъ будетъ выполнять свои революціонныя задачи. Конечно, препятствій здѣсь больше, чѣмъ въ первыхъ двухъ Думахъ, но чѣмъ крѣпче рогатки и загражденія, тѣмъ съ большей энергіей должна разрывать ихъ фракція и тѣмъ больше должна помогать ей въ этомъ вся партія.

«Большой парламентскій день», т. е. попросту сплошное холопское ликованіе было въ Думѣ въ прошломъ году по поводу выступленія министра Извольскаго въ связи съ преніями *по смѣтѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*. Патріотическій восторгъ охватилъ всю «національную» часть Думы, включая, конечно, и кадетъ. Милюковъ заявилъ свое

«удовлетвореніе» рѣчью министра, ухитрившись «усмотрѣть» въ ней «признаки перехода отъ прошлаго періода, когда у насъ была политика династическая, къ временамъ истинной національной политики»; «и мы», раскланялся кадетскій лидеръ, «этотъ переходъ горячо привѣтствуемъ».

Лишь соц.-дем. ораторъ внесъ трезвую ноту въ думскіе пьяные дебаты и подробно разъяснилъ контръ-революціонный характеръ дѣятельности нашей дипломатіи на Балканахъ и въ Персіи. Опьянѣвшая банда, именуемая большинствомъ Государственной Думы, не могла переварить присутствія трезваго человѣка и, придравшись къ одной совершенно невинной фразѣ тов. Покровскаго, исключила его на 3 засѣданія.

Однако похмѣлье скоро наступило, русская дипломатія зарвалась въ реакціонномъ усердіи и получила «на ближнемъ востокѣ» (въ связи съ захватомъ Австріей Босніи и Герцеговины) пощечину на всю Европу; и тѣмъ неотразимѣе была критика тов. Покровскаго въ слѣдующемъ году, когда онъ характеризовалъ реакціонную политику Россіи и въ Китаѣ, и въ Персіи и разбойническое нападеніе на небольшую Финляндію.

Общее принципіальное отношеніе къ иностранной политикѣ наши ораторы дали во время дебатовъ въ 1-ую сессію. Формула перехода, предложенная тогда фракціей, гласила:

«Принимая во вниманіе, 1) что Мин. Иностран. Дѣлъ и иностранная политика стоятъ внѣ контроля Гос. Думы, даже въ той слабой степени, въ какой ему подчинены нѣкоторыя другія министерства и отрасли политики; 2) что русская иностранная политика, какъ призналъ самъ Министръ Иностр. Дѣлъ, ведется даже не однимъ этимъ, неподчиненнымъ Думѣ Министерствомъ Иностр. Дѣлъ, но также и совсѣмъ уже безотвѣтственными совѣтниками, дѣйствующими за кулисами; 3) что наша внѣшняя политика всегда носила характеръ авантюризма; 4) что эта политика, совершенно игнорируя интересы широкихъ народныхъ массъ, направлялась своекорыстными интересами отдѣльныхъ группъ изъ привиллегированныхъ классовъ; 5) что она всегда и вездѣ поддерживала соціальную и политическую реакцію всѣми средствами, вплоть до вооруженнаго вмѣшательства; 6) что русскіе граждане не пользовались заграницей правовой защитой, — Гос. Дума отвергаетъ ассигнованія по смѣтѣ Мин. Иностр. Дѣлъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 4 апр. 1908 г.) [1]

1. Приведемъ здѣсь же и то заявленіе, которымъ отвѣтила фракція на предложеніе принять участіе въ «чествованіи» французскихъ «гостей»—буржуазныхъ парламентаріевъ — въ нынѣшнемъ году.

«Мы, члены с.-д. фракціи, получили приглашеніе на банкетъ, устраиваемый въ честь французской депутаціи. Это приглашеніе мы принуждены отклонить по слѣдующимъ мотивамъ:

1. При современныхъ соціальныхъ отношеніяхъ всѣ подобные акты такъ называемой международной вѣжливости и соли-

Патріотическія литавры гремѣли также при обсужденіи *смѣтъ Военнаго и Морского Министерствъ.* Еще въ первый годъ дебатовъ по нимъ т. Бѣлоусовъ выяснилъ классовую основу милитаризма и обосновалъ наше программное требованіе замѣны постояннаго войска народной милиціей; т. Покровскій далъ критику морского вѣдомства, въ которомъ все основано на воровствѣ и кумовствѣ, и должнымъ образомъ оцѣнилъ либеральничаніе октябристовъ противъ морского министерства (въ морскомъ цензѣ и «отсутствіи программы» октябристскіе «политики» усматриваютъ причины Цусимскаго разгрома). А тов. Гегечкори воспользовался смѣтой Военнаго министерства, чтобы возвысить свой голосъ противъ смертной казни и привелъ рядъ поразительныхъ случаевъ изъ практики «закономѣрнаго убійства» военныхъ судовъ.

Въ нынѣшнемъ году по поводу смертныхъ казней нашей фракціей была предложена слѣдующая резолюція:

«Принимая во вниманіе, 1) что правящіе классы и защищающее ихъ интересы правительство пользуются институтомъ смертной казни, какъ орудіемъ политической борьбы и политической мести противъ народныхъ массъ; 2) что русское правительство въ своей реакціонной политикѣ, въ массовомъ примѣненіи смертной казни видитъ главное средство укрѣпленія своей власти и народнаго безправія;

дарности въ дѣйствительности являются лишь проявленіемъ солидарности господствующихъ классовъ разныхъ національностей и направлены или къ заговору противъ другихъ народовъ, или къ коалиціи господствующихъ интересовъ противъ рабочаго класса. Вотъ почему истинные представители интересовъ трудящихся, а именно соціалистическія партіи и соціалистическія парламентскія фракціи всего міра отказываются принимать участіе въ демонстраціяхъ якобы международной солидарности, противопоставляя этимъ лицемѣрнымъ заявленіямъ и манифестаціямъ принципы и практику интернаціональной солидарности пролетаріата. Именно потому, между прочимъ, европейскіе соціалисты не принимали участія въ пріемѣ русской думской делегаціи, развозившей по всей Европѣ позоръ своего прислужничества передъ реакціей. По той же причинѣ въ составѣ настоящей французской делегаціи нѣтъ ни одного представителя французскаго рабочаго класса, ни одного соціалиста.

2. Настоящій визитъ французскихъ парламентаріевъ въ Россію, являясь отвѣтомъ на прошлогоднюю поѣздку самозванныхъ представителей русскаго народа за границу, угрожаетъ насущнымъ интересамъ русскихъ трудящихся массъ.

Русская реакція, до сихъ поръ умѣло использовавшая союзъ съ французской буржуазіей для безпощаднаго угнетенія русскаго народа, стремится закрѣпить эти узы для поднятія своего престижа, упавшаго благодаря систематическимъ внѣшнимъ и внутреннимъ неудачамъ, для дальнѣйшаго пополненія своихъ опустѣвшихъ кассъ французскими капиталистами, для продолженія безостановочной внутренней войны со своимъ народомъ и подавленія борьбы русскаго рабочаго класса за свое освобожденіе.

Французская буржуазія, заинтересованная въ сохраненіи своихъ старыхъ и въ расширеніи поля дѣятельности новыхъ капи-

3) что вопреки лицемѣрнымъ заявленіямъ правительства объ успокоеніи страны, смертныя казни не только не прекращаются, но изъ года въ годъ растутъ; 4) что повседневная кровавая расправа окончательно деморализовала всѣ органы аммнистраціи, проводивъ всевозможныя формы провокаціоннаго террора и 5) что это развращающее вліяніе смертной казни идетъ все дальше вглубь и послѣднее время, какъ показываютъ событія на Сѣв. Кавказѣ, вовлекаетъ въ преступную практику провокаціи также и реакціонные слои имущихъ классовъ — Госуд. Дума, осуждая смертную казнь, отклоняетъ смѣту Главн. Воен. Суд. Управленія и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Въ дебатахъ прошлаго года т. Воронинъ простымъ языкомъ бывшаго солдата разсказалъ объ ужасныхъ условіяхъ казарменной жизни и фактами, непосредственно взятыми изъ пережитой имъ дѣйствительности, обрисовывалъ вопіющее издѣвательство надъ личностью солдата.

Слѣдуетъ, однако, признать, что за три года существованія Думы нашими депутатами сдѣлано все же недостаточно еще для защиты съ думской трибуны дѣйствительныхъ солдатскихъ нуждъ и требованій. Конечно, это не такъ легко сдѣлать въ обстановкѣ черносотеннаго «парламента», весьма чувствительнаго къ колебанію «опоры власти» — арміи. Товарищамъ удастся еще, надо надѣяться, шире развернуть солдатскія нужды и огласить для

таловъ, высылаетъ къ намъ свои делегаціи, предлагая россійской реакціи свою моральную и матеріальную поддержку.

Мы, какъ соц.-дем., какъ представители интересовъ городской и деревенской бѣдноты, не можемъ присоединиться къ вашему торжеству, сулящему трудящимся классамъ Россіи новыя цѣпи и новыя лишенія.

Участники прошлогодней экскурсіи членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта въ Европу пытались увѣрить европейское общественное мнѣніе въ томъ, что у насъ господствуетъ конституціонный строй и что они являются представителями русскаго народа. Отвѣтный визитъ французской парламентской делегаціи санкціонируетъ это громадное недоразумѣніе и можетъ придать ему извѣстный кредитъ въ глазахъ цивилизованныхъ народовъ. На предстоящихъ торжествахъ съ той и другой стороны прозвучатъ снова лицемѣрныя рѣчи о русской конституціи и русскомъ парламентѣ. И это въ то время, когда всѣ завоеванія народа отнимаются, когда права народнаго представительства урѣзываются при содѣйствіи участниковъ торжества встрѣчи французской делегаціи; когда въ странѣ ежедневно совершаются смертныя казни, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и когда истинные защитники интересовъ народа томятся на каторгѣ и въ изгнаніи.

Мы, представители русскаго рабочаго класса, не приложимъ своихъ рукъ къ этой мистификаціи. Мы не примемъ участія въ торжествѣ временныхъ побѣдителей и не присоединимъ своего голоса въ хору лицемѣрныхъ славословій. Мы протестуемъ противъ всякихъ сдѣлокъ за счетъ русск. народа и черезъ голову эксплуататоровъ протягиваемъ братскую руку солидарности французскому и международному пролетаріату, искренне желающему русскому народу успѣха въ борьбѣ за его освобожденіе».

этого тѣ требованія, которыя сами солдаты выставляли въ революціонные дни, и тѣ «наказы», которые они присылали нашимъ депутатамъ первыхъ двухъ Думъ.

Вообще думскіе соц.-дем., по нашему инѣнію, недостаточно пользовались тѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ, которое оставило намъ время революціоннаго подъема. Именно тогда различные классы, слои и группы населенія сплачивались, оформливались, сознавали и выражали свои интересы. И этотъ свободный голосъ самого населенія полезно бы почаще противопоставлять народолюбивымъ рѣчамъ буржуазныхъ депутатовъ. Такъ думскіе демагоги не разъ брались благодѣтельствовать солдатъ, казаковъ, почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и т. д. и т. д. Противопоставить ихъ лицемѣрнымъ подачкамъ свободно выраженное требованіе самихъ «благодѣтельствуемыхъ» значило бы не только указать истинную цѣну благдѣяній думскихъ законодателей, но и содѣйствовать развитію сознанія среди этихъ группъ населенія.

Въ дебатахъ по *смѣтѣ Синода* нашимъ товарищамъ приходилось освѣщать вопросъ, почти не затрагивавшійся до тѣхъ поръ въ нашей партійной печати—объ отношеніи с.-д. къ религіи.

Очень назидательная картина для характеристики буржуазныхъ партій сложилась тогда въ Думѣ. Нашъ отечественный клерикализмъ воинственно поднялъ голову; думскіе попы требуютъ, чтобы не государство церкви, а, наоборотъ, церковь государству предписывала свои законы, ибо «церковь есть учрежденіе божественное и вѣчное, ея законы непреложны, а идеалы жизни государственной подвергаются, какъ извѣстно, постояннымъ измѣненіямъ» (епископъ Евлогій). «Золотыя слова» (о «божественности и вѣчности» церкви), отвѣчаетъ ему кадетъ Карауловъ. Этотъ «демократъ» (ренегатъ изъ народовольцевъ) желаетъ, чтобы церковь, не срамила и не унижали себя союзомъ съ черносотенцами *только для того*, чтобы она «въ высшей силѣ и славѣ, чѣмъ теперь, дѣлала свое великое, святое дѣло». Онъ находитъ «ужаснымъ», что массы «обезвѣриваются» «къ громадному вреду не только для дѣла церковнаго, но и для дѣла государственнаго». О томъ-же «скорбитъ» и лѣвый октябристъ, проф. Капустинъ: «если мы обратимся къ народной жизни», плачется онъ, «то сейчасъ, теперь мы видимъ печальное явленіе: колеблется религіозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственнаго житья населенія... Чѣмъ замѣнить понятіе грѣха, чѣмъ замѣнить указанія совѣсти? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы это было замѣнено понятіемъ классовой борьбы или правъ того или другого класса. Это — печальное понятіе, которое вошло въ жизнь нашего обихода»...

Словомъ, по всему буржуазному стану, отъ праваго и до

лѣваго фланга—сплошной плачъ о томъ, что народъ освобождается отъ поповскаго дурмана. Весь буржуазный станъ заботится объ «укрѣпленіи православія» и мечтаетъ о другой, менѣе устарѣлой, а болѣе культурной и ловкой формѣ религіознаго одурманиванія народа.

И въ этомъ вопросѣ трудовики не смогли подняться на принципіальную высоту, достойную демократа. Трудовикъ Розановъ очень туманно и вскользь упомянулъ объ отдѣленіи церкви отъ государства; и лишь крестьянинъ Рожковъ въ своей безыскусственной рѣчи, отъ всего «мужицкаго нутра» протестовалъ противъ церковныхъ поборовъ и противъ гнетущихъ крестьянъ православныхъ «батюшекъ».

Какую же позицію заняли представители пролетаріата?

Тов. Бѣлоусовъ въ 1-ую сессію пытался выяснить принципіальное отношеніе с.-д. къ религіи. Къ сожалѣнію, его формулировка («религія — частное дѣло каждаго отдѣльнаго человѣка») была неправильна: с.-д. требуютъ, чтобы религія была признана частнымъ дѣломъ со стороны *государства*, они всегда возстаютъ *противъ насильственнаго вмѣшательства правительственной власти* въ религіозныя дѣла, всегда требуютъ «свободы совѣсти», но никогда не забывая, что «религія есть опіумъ народа», с.-д. не относятся къ религіознымъ предразсудкамъ индифферентно; напротивъ, они вели, ведутъ и будутъ вести постоянную и непримиримую борьбу со *всякимъ* резлигіознымъ туманомъ, вплоть до «современныхъ» «богоискательства» и «богостроительства».

Очень удачна, наоборотъ, была въ рѣчи т. Бѣлоусова критика Синодской смѣты. Картина воровства «высшими пастырями и князьями церкви» народныхъ средствъ развернута была имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Резолюція, предложенная фракціей, была составлена такъ:

«Признавая религію частнымъ дѣломъ каждаго отдѣльнаго человѣка; отстаивая принципъ отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви и свободы вѣроисповѣданій; и констатируя небрежное отношеніе къ средствамъ народа со стороны правительства въ лицѣ его органа Синода,—Гос. Дума отвергаетъ смѣту Синода на 1908 г. и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 22 марта 1908 г.).

Резолюція эта вопреки дѣйствительности и наперекоръ рѣчи представителя фракціи, говоритъ мягко о «небрежномъ отношеніи къ народнымъ средствамъ». 10-ти тысячные оклады духовныхъ чиновниковъ, кормленіе богатѣйшихъ монастырей и ожирѣвшихъ монаховъ, жирныя мѣстечки для миссіонеровъ, 30 милліонная смѣта (причемъ 29 милліон. «забронировано»!) на предметъ одурманиванія народа— это не только «небрежное» отношеніе.

Обстоятельнѣе (хотя и съ тѣмъ же неточнымъ утвержденіем о религіи, какъ «частномъ дѣлѣ») выяснилъ отрицательное значеніе религіи, т, Сурковъ въ слѣдующей сессіи Думы: «всякая религія есть для народа опіумъ, которымъ правящіе клас-

сы всегда отравляютъ народное сознанiе и парализуютъ дѣятельную народную волю»; приведши нѣсколько фактовъ изъ «исторiи сожительства церкви съ государствомъ», т. Сурковъ доказывалъ, что «правительство давило народъ, держало его въ рабствѣ, а церковь благословляла это»; что теперь господствующая церковь «представляетъ политическую группу, тѣсно сплоченную и дѣлающую свою политику не только по указанiю дворянства и правительства, но берущую тонъ по камертону «Союза Русск. Народа», «стоявшую и стоящую за самую дикую реакцiю» «во враждебной позицiи къ соцiальному равенству, къ свободѣ, культурѣ, просвѣщенiю и вообще ко всему тому, что дорого и нужно народнымъ массамъ». «Чиновники въ рясахъ сдѣлались такими же врагами народа, какъ и чиновники въ мундирахъ», бросилъ ораторъ въ лицо черной саранчѣ, покрывшей правыя скамьи Думы: «Мы видимъ вездѣ присутствiе клобука и камилавки рядомъ съ палачами и извергами».

А Бѣлоусовъ очень кстати воспользовался картиной думскихъ дебатовъ и отмѣтилъ единодушныя симпатiи всѣхъ буржуазныхъ представителей (включая и кадетскаго богоискателя Караулова) къ одурманиванiю народа религiей.

Къ сожалѣнiю, даже послѣ того, какъ вопросъ объ отношенiи с.-д. къ религiи былъ подвергнутъ обсужденiю въ партiйной печати, т-щи изъ фракцiи не воспользовались ея указанiями и въ дебатахъ нынѣшняго года не выяснили съ полной опредѣленностью съ думской трибуны, какъ понимаетъ с.-д-iя «частное дѣло» религiозныхъ убѣжденiй. Тов. Сурковъ, выступавшiй въ нынѣшнемъ году, всю свою рѣчь построилъ почти исключительно на разборѣ расходовъ по Синодской смѣтѣ.

При обсужденiи смѣтъ другихъ, болѣе второстепенныхъ, вѣдомствъ, фракцiя неизмѣнно старалась поднимать дебаты на принципiальную высоту, исходя всюду изъ защиты интересовъ пролетарiата.

По *смѣтѣ канцелярiи главноуправляющаго землеустройствомъ*, Бѣлоусовъ обосновывалъ слѣдующую формулу перехода фракцiи:

«Принимая во вниманiе, что основная дѣятельность Глав. Управ. Земледѣлiя и Землеустройства направлена на проведенiе аграрной программы помѣщиковъ и насажденiе отдѣльныхъ крѣпкихъ хозяйствъ при помощи дворянской бюрократической организацiи землеустроительныхъ комиссiй и крестьянскаго банка; что государственныя и купленныя за народныя деньги земли землеустроительныя комиссiи и Крестьянскiй банкъ продаютъ не наиболѣе нуждающемуся въ землѣ бѣдному крестьянству, а зажиточнымъ и богатымъ слоямъ его; что правительство тратитъ народныя деньги на хуторское разселенiе крестьянства исключительно въ цѣляхъ разъединенiя крестьянъ, а не въ цѣляхъ поднятiя благосостоянiя ихъ; что майоратныя

имѣнія и аренды [1] представляютъ ничѣмъ неоправдываемое расхищеніе народнаго имущества и народныхъ средствъ — Государственная Дума отвергаетъ смѣту Канц. Гл. Земл. и Землеуст. и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». (зас. 27 марта 1908 г.).

По *переселенческой смѣтѣ* наши ораторы обстоятельно выясняли цѣль и характеръ переселенческой политики правительства, обрисовали подробно положеніе переселенцевъ на Кавказѣ (Чхеидзе, Гайдаровъ) и въ Сибири (Войлошниковъ) и внесли слѣдующую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе: 1) что единственнымъ средствомъ удовлетворить земельную нужду крестьянства является безвозмездная передача крестьянамъ всѣхъ земель помѣщичьихъ, государственныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ; 2) что правительство, желая отвлечь вниманіе крестьянъ отъ борьбы за указанное разрѣшеніе аграрнаго вопроса, подстрекаетъ малоземельныхъ крестьянъ къ переселенію; 3) что при современной бюрократической организаціи переселенческаго дѣла переселеніе грозитъ крестьянамъ тяжелыми страданіями въ пути и на мѣстахъ и часто ведетъ ихъ къ окончательному разоренію; 4) что при этомъ правительство, столь заботливо охраняющее интересы помѣщиковъ, насильственно отнимаетъ землю у инородцевъ и нарушаетъ интересы старожиловъ; 5) что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство своими переселенческими мѣропріятіями преслѣдуетъ чисто политическія цѣли, какъ то: возбужденіе національной розни между переселенцами и туземнымъ населеніемъ, насильственную руссификацію окраинъ и пр.; 6) что такимъ образомъ переселенческія мѣропріятія русскаго правительства, какъ и вся его аграрная политика, преслѣдуетъ не интересы малоземельныхъ крестьянъ, а интересы крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, — Государственная Дума отвергаетъ переселенческую смѣту и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 12 марта 1909 г.)

При обсужденіи *смѣты Мин. Путей Сообщенія*, т-щи Кузнецовъ и Захаровъ подробно обрисовали матеріальное и правовое положеніе желѣзно-дорожнаго пролетаріата, пользуясь для этого цѣлымъ рядомъ писемъ и заявленій, полученныхъ ими отъ желѣзно-дорожн. служащихъ съ мѣстъ; на примѣрѣ октябрьскихъ завоеваній т-щи доказывали, что «рабочій классъ можетъ добиться своего освобожденія лишь своею собственной могучей рукой» и что «желѣзно-дорожный пролетаріатъ всегда будетъ отвѣчать тѣмъ же самымъ, чѣмъ отвѣчалъ въ 1905 г.» А Предкальнъ освѣтилъ положеніе нашего желѣзно-дорожнаго хозяйства: постройка желѣзныхъ дорогъ производилась по соображеніямъ, ничего общаго съ экономическими требованіями страны не имѣющими; движеніе грузовъ медлен-

---

1 Въ смѣтѣ 15 милліон. рублей предназначались на «доходы» наслѣдникамъ сіятельныхъ князей, которымъ нѣкогда были «дарованы» громадныя имѣнія.

ное: постоянныя хищенія и грабежи; отсюда—возрастающая убыточность желѣзныхъ дорогъ. Констатирующая все это формула перехода, предложенная фракціей, гласила:

«Признавая: 1) что хозяйничанье правительства въ области желѣзно-дорожнаго дѣла влечетъ за собою ростъ убыточности сѣти; 2) что эта убыточность покрывается за счетъ налоговъ, тѣмъ самымъ истощая податныя силы населенія; 3) что желѣзно-дорожная политика правительства проникнута антинароднымъ характеромъ и служитъ главнымъ образомъ цѣлямъ милитаризма и покровительства господствующимъ классамъ, — Госуд. Дума отвергаетъ смѣту и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 24 апрѣля 1908 г.).

Октябристы рѣшили использовать безпорядки и воровство на желѣзн. дорогахъ для демонстраціи своего «либерализм» и предложили учредить парламентскую комиссію для обслѣдованія желѣзно-дорожнаго хозяйства. Конечно, соц.-дем. поддержали это предложеніе (хотя совершенно напрасно т. Предкальнъ убѣждалъ Думу тѣмъ, что это «не опасное» рѣшеніе. Парламентское слѣдствіе, несомнѣнно, очень «опасно» для безконтрольнаго хозяйничанья самодержавія). Предложеніе это вызвало гнѣвъ министра Коковцева, и тономъ барина, разносящаго ропчущую челядь, онъ пригрозилъ октябристамъ: «у насъ парламента, слава Богу, нѣтъ».

Буря поднялась въ думскомъ болотѣ. Милюковъ въ негодованіи отвѣчалъ: «я полагалъ, что Дума и есть парламентъ, и только тѣ могутъ утверждать обратное, кто вслѣдъ за этимъ можетъ повторить: слава Богу, у насъ нѣтъ конституціи». И среди газетной и словесной шумихи на тему: «слава Богу, у насъ есть конституція», съ думской трибуны раздалась единственная трезвая рѣчь рабочаго депутата, т. Гегечкори; рѣчь эту мы приведемъ полностью. Кстати она наглядно иллюстрируетъ тѣ условія, въ которыхъ нашимъ товарищамъ приходится заявлять свои демократическіе взгляды.

Гегечкори. Господа, мы кромѣ большущей благодарности ничего не можемъ чувствовать по отношенію къ представителю правительства за ту откровенность, которая была проявлена съ этой трибуны вчера, потому что его историческія слова «слава Богу, что у насъ нѣтъ парамента»...

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу благоларности за произнесенныя слова, которыя мы обсуждать не должны, не выражать.

Гегечкори. Виноватъ, объ этомъ говорили.

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу Васъ подчиняться.

Гегечкори. Эти слова лишній разъ подтверждаютъ ту истину и тѣ положенія, которыя выдвигались не разъ съ этой трибуны нашими ораторами. Эти историческія слова разрушаютъ безпощадно иллюзію безпочвенныхъ конституціоналистовъ, которые думаютъ, что путемъ сдѣлокъ,

путемъ компромиссовъ съ самодержавной бюрократіей можно установить у насъ конституціонный строй. Мы, господа, заявляемъ сейчасъ также, какъ заявляли и раньше, что у насъ не можетъ быть дѣйствительнаго парламента, дѣйствительной конституціи до тѣхъ поръ, пока во главѣ государственнаго управленія...

Предсѣдатель. Прошу Васъ объ этомъ не говорить.

Гегечкори. Стоитъ безотвѣтственное правительство...

Предсѣдатель. Я Васъ покорнѣйше прошу слушать, что я Вамъ говорю. Покорнѣйше прошу говорить объ исключеніи или оставленіи въ предлагаемомъ переходѣ тѣхъ словъ, которыя подлежатъ нашему обсужденію[1].

Гегечкори. Наша фракція считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ, своей обязанностью отвѣтить на тѣ слова, которыя были высказаны здѣсь представителемъ правительства.

Гегечкори. Мы не можемъ не касаться (*Голоса справа:* вонъ, вонъ, шумъ).

Предсѣдатель. (*Звонитъ*) Я требую!..

Гегечкори. Мы не можемъ, господа, оставить...

Предсѣдатель. Я покорнѣйше прошу не шумѣть.

Гегечкори. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта тѣ слова, которыя были произнесены, потому что въ этихъ словахъ проявляется явное посягательство на тѣ права, которыя вырваны народомъ у правительства. (*Шумъ справа и въ центрѣ. Звонокъ предсѣдателя. Рукоплесканія слѣва. Голоса справа:* вонъ).

И въ такой атмосферѣ нашимъ т-щамъ приходится выступать нерѣдко.

Однимъ изъ неудачнѣйшихъ выступленій фракціи была рѣчь т. Покровскаго въ 1-ую сессію *по смѣтѣ Государ. Контроля*. Сбиваясь на точку зрѣнія либерализма, т. Покровскій все зло усмотрѣлъ въ «неправильной организаціи» контроля и предложилъ «проектъ реформы» его въ слѣдующей формулировкѣ:

«Признавая, 1) что для правильнаго функціонированія Госуд. Контроль долженъ быть преобразованъ въ совершенно самостоятельное вѣдомство, имѣющее во главѣ коллегіальный органъ и не связанное съ Совѣтомъ Министровъ; 2) что отчетъ въ своей дѣятельности Государ. Контроль долженъ представлять Госуд. Думѣ; 3) что дѣятельность Госуд. Контроля по повѣркѣ расходованія государственныхъ средствъ должна быть распространена на всѣ исполнительные органы безъ изъятія; 4) что Госуд. Контролю въ области ревизіонной дѣятельности должна быть представлена вся полнота слѣдственной власти; 5) что чины Госуд. Контроля должны пользоваться судейской несмѣняемостью, — Госуд. Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (Зас. 18 марта 1908 г.).

---

1. Рѣчь шла о формулѣ перехода, требовавшей назначенія парламентской слѣдственной комиссіи.

Такимъ образомъ, вмѣсто выдвиганія демократическихъ требованій, осуществленіе которыхъ *единственно* могло бы «реформировать» контроль, с.-д. фракція сочла возможнымъ говорить о «самостоятельности», «коллегіальности», даже «судейской несмѣняемости», какъ о гарантіяхъ правильной реформы.

По смѣтѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства т. Бѣлоусовъ обосновывалъ слѣдующую формулу перехода, предложенную фракціей:

«Принимая во вниманіе, что: 1) почтово-телеграфное дѣло въ Россіи не столько преслѣдуетъ культурныя цѣли, сколько является органомъ полицейскаго государства и фиска; 2) что тайна корреспонденціи не соблюдается, и почтамство эксплуатируетъ почтово-телеграфныя учрежденія въ цѣляхъ полицейскаго сыска и политической борьбы; 3) что вся организація почтово-телеграфнаго дѣла преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, фискальныя цѣли, тарифы крайне высоки и населеніе плохо обслужено почтово-телеграфными учрежденіями; 4) что условія труда почтово-телеграфныхъ служащихъ, особенно низшихъ, какъ въ отношеніи чрезвычайной обременительности работы, такъ и въ отношеніи недостаточнаго вознагражденія, невыносимы, и почтамтство эксплуатируетъ ихъ выше всякой мѣры; 5) что почтово-телеграфные служащіе не пользуются правомъ союзовъ и собраній, — Госуд. Дума, вполнѣ сознавая культурное значеніе почтово-телеграфнаго дѣла, но констатируя вмѣстѣ съ тѣмъ, что почтамтство неспособно и не желаетъ осуществлять культурныя цѣли этихъ учрежденій, отказываетъ въ ассигновкѣ» (зас. 3 апр. 1908 г.).

Устами Захарова т-щи заявили въ прошломъ году, что «фракція соц.-дем. не можетъ голосовать за всю смѣту въ цѣломъ, она будетъ голосовать только за отдѣльные параграфы, ассигнованія по которымъ идутъ на улучшеніе матеріальнаго положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ и рабочихъ, а также низшихъ чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства — за параграфы, по которымъ идутъ ассигнованія на содержаніе этихъ служащихъ» (засѣд. 26 февраля 1909 г.).

Когда обсуждалась *Смѣта Интендантскаго Управленія* т. т. Бѣлоусовъ, Полетаевъ и Воронинъ, въ противоположность дутымъ возмущеніямъ либераловъ изъ лагеря октябристовъ и кадетъ и ихъ разглагольствованіямъ на тему: «гласность и контроль», указали, что интендантскія воровства — лишь одно изъ проявленій «произвола, насилія, грабежа, обмана и хищническихъ набѣговъ двуногихъ шакаловъ» самодержавнаго строя; что смѣшно надѣяться искоренить это только путемъ контроля, гласности, организаціи общественнаго мнѣнія, сенаторскихъ ревизій и прочихъ выдумокъ либераловъ. «Опытъ исторіи насъ учитъ», заявилъ въ заключеніе т. Бѣлоусовъ, «что для этого путь одинъ логически и исторически неизбѣжный; это—*насильственно-революціонная* ломка старья, которое вы никакими мѣрами не исправите».

Система косвеннаго обложенія и винной монополіи была подвергнута критикѣ нашими товарищами въ связи съ об-

сужденіемъ *смѣты Главнаго Управленія окладныхъ и неокладныхъ сборовъ*; т. Предкальнъ указалъ на то, какъ воровски-незамѣтно косвенные налоги вытягиваютъ деньги изъ кармана потребителей; какъ они ложатся главнымъ образомъ на плечи неимущихъ и малоимущихъ классовъ населенія, и внесъ слѣдующую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе: 1) что косвенное обложеніе всею своею тяжестью ложится на неимущія массы трудового народа; 2) что за вычетомъ приблизительно 177 милл. руб. прямого обложенія всѣ государственные доходы покоятся преимущественно на косвенномъ обложеніи Госуд. Дума отвергаетъ смѣту»... (Зас. 10 мая 1908 г.).

А т. Кузнецовъ остановился въ слѣдующемъ году спеціально на вопросѣ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, вскрылъ лицемѣрный характеръ противоалкогольной борьбы правительства и поддерживающихъ его партій и заявилъ: «мнѣ думается, что борьба съ алкоголизмомъ могла бы быть успѣшна, если бы въ странѣ не существовало деспотическое правленіе, именуемое самодержавнымъ русскимъ правительствомъ, поддерживаемое г. г. Пуришкевичами и сидящими здѣсь представителями различныхъ партій въ лицѣ Совѣта объединеннаго дворянства и торгово-промышленной буржуазіи; пока же такое правленіе будетъ существовать, борьба съ пьянствомъ будетъ безусловно неуспѣшна. Зло заключается еще въ томъ, что у насъ отсутствуетъ свободная печать, свободное слово; это является главнымъ тормазомъ въ борьбѣ съ пьянствомъ... Мнѣ думается, что достигнуть успѣшности въ борьбѣ съ алкоголизмомъ можно единственно только тогда, когда крестьянство свою организованную силу противопоставитъ силѣ самодержавнаго правительства и имущихъ классовъ» (зас. 6 марта 1909 г.).

Дебатами *по Смѣтѣ Горнаго Департамента* т. Егоровъ пользовался неизмѣнно, чтобы указывать на расхищеніе производительныхъ силъ страны и особенно, чтобы обрисовать детально положеніе горныхъ рабочихъ. Формула перехода, предложенная имъ въ 1-ую сессію, гласила:

«Принимая во вниманіе, что: 1) политика горнаго вѣдомства на всемъ пространствѣ Россіи ведетъ къ систематическому расхищенію тѣхъ національныхъ народныхъ богатствъ, которыя ему ввѣрены; 2) дѣятельность Горнаго Департамента согласована болѣе съ интересами частныхъ предпринимателей, чѣмъ съ нуждами страны и интересами мѣстнаго горнозаводскаго населенія; 3) дѣятельность казенныхъ горныхъ предпріятій, равно какъ и завѣдованіе минеральными водами, ведется безсистемно и убыточно въ хозяйственномъ отношеніи; 4) политика Горнаго Департамента по отношенію къ горнорабочимъ ведетъ къ явному попиранію интересовъ горнорабочихъ, Госуд. Дума отвергаетъ смѣту и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». (Зас. 7 мая 1908 г.).

За недостаткомъ мѣста, опустимъ изложеніе рѣчей и ре-

золюцій по смѣтамъ другихъ, болѣе мелкихъ вѣдомствъ (Госуд. Коннозаводства, Лѣсного и Таможеннаго вѣдомствъ и т. д.) и перейдемъ прямо къ итогамъ.

Какова же общая оцѣнка выступленій фракціи въ бюджетныхъ преніяхъ?

По вопросу объ отношеніи с.-д. къ бюджету буржуазнаго государства въ соціалистическихъ партіяхъ всѣхъ странъ велась и ведется упорная борьба между двумя теченіями — революціонныхъ с.-д. и оппортюнистовъ, сторонниковъ соціальной революціи и поклонниковъ соціальной реформы, ортодоксальныхъ марксистовъ и ревизіонистовъ. Ортодоксы, вѣрные старинному принципу: «современному государству ни одной копейки и ни одного солдата», требуютъ всегда вотированія *противъ* бюджета классоваго государства, причемъ въ цѣломъ бюджетъ долженъ быть отвергаемъ безусловно, а за отдѣльныя статьи бюджета признается возможнымъ голосовать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда несомнѣнна польза тѣхъ или иныхъ расходовъ для рабочаго класса, когда нѣтъ на лицо побочныхъ цѣлей полицейскаго или классоваго характера (напр., подкупъ одного слоя рабочихъ или раздѣленіе пролетаріата, ослабленіе его борьбы и т. п.). Оппортюнисты—реформисты—ревизіонисты со ступенечки вотированія «культурныхъ потребностей» вообще, чрезъ ступенечку голосованія «за неотложныя нужды защиты государства» спускаются (какъ это было не такъ давно съ баденскими оппортюнистами) даже до голосованія бюджета въ цѣломъ.

Конечно, современное государство, какъ организація классового господства буржуазіи, пользуется бюджетомъ для угнетенія и подавленія пролетаріата — то прямымъ, непосредственнымъ путемъ (армія, жандармерія, полиція), то болѣе или менѣе косвеннымъ (церковь, судъ и т. п.). Даже такъ называемыя «культурныя цѣли», какъ напримѣръ народное образованіе, которыя пролетаріатъ, *вопреки желаніямъ и намѣреніямъ буржуазіи*, использует въ цѣляхъ развитія своего сознанія, — даже и эти «культурныя цѣли» превращаются въ рукахъ буржуазіи въ орудіе духовнаго развращенія и закабаленія пролетаріата, и обязанность рабочихъ представителей голосовать противъ ассигновокъ на *такія* «культурныя цѣли» (примѣръ: правительство Франціи до самыхъ послѣднихъ лѣтъ путемъ поповскихъ (клерикальныхъ) школъ систематически одурманивало и развращало подрастающее поколѣніе французскаго пролетаріата).

Наконецъ, даже такъ называемыя «рабочія реформы» (какъ страхованіе рабочихъ — во всѣхъ странахъ, гдѣ оно введено) буржуазныя правительства обставляютъ такъ съ финансовой стороны, что главною тяжестью онѣ ложатся на пролетаріатъ и лишь незначительная часть (перелагаемая

на потребителей и на заработную плату тѣхъ же рабочихъ) приходится на толстую мошну государства и предпринимателей.

Понятно поэтому, что бюджетная позиція оппортюнистовъ грубѣйшимъ образомъ нарушаетъ (или лучше: разрушаетъ) элементарнѣйшіе принципы революціоннаго соціализма.

А у насъ положеніе еще болѣе усложняется (а въ смыслѣ выбора тактики — упрощается) тѣмъ, что нашъ бюджетъ — бюджетъ самодержавнаго правительства, ни въ малѣйшей степени не отвѣтственнаго передъ народомъ, правительства дворянъ-крѣпостниковъ. «Культурныя задачи» въ рукахъ его — явная безсмыслица; «рабочія реформы» — прямое издѣвательство.

И въ полномъ согласіи съ тактикой революціонной соціальдемократіи наша общепартійная декабрьская конференція постановила:

«По вопросу о бюджетѣ конференція полагаетъ, что голосованіе за бюджетъ въ цѣломъ признается принципіально недопустимымъ. Голосованіе за отдѣльныя статьи бюджета классового государства, узаконяющія расходы на орудія угнетенія массъ (войско, полиція, администрація, судъ и т. д.) признается также недопустимымъ.

При голосованіи за реформы или за статьи о расходахъ на культурныя потребности во главу угла слѣдуетъ положить тотъ принципъ нашей программы, по которому с.-д. отвергаютъ тѣ реформы, которыя связаны съ полицейско-чиновничьей опекой надъ трудящимися классами.

Поэтому общимъ правиломъ должно быть голосованіе противъ проводимыхъ въ 3-ей Думѣ т. н. реформъ и статей расходовъ на такъ наз. культурныя потребности.

Въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда имѣются серьезные шансы на улучшеніе положенія рабочихъ и низшихъ служащихъ или на дѣйствительное удовлетвореніе культурныхъ потребностей широкихъ массъ населенія, — фракція, смотря по обстоятельствамъ, воздерживается (со внесеніемъ особой мотивировки) или голосуетъ за, обсудивъ предварительно вопросъ съ Ц. К. и представителями партійныхъ и профессіональныхъ организацій.»

Какой же тактики держалась наша думская фракція?

Она, конечно, голосовала каждый разъ *противъ* правительственнаго бюджета; конечно, она голосовала неизмѣнно противъ статей смѣты, направленныхъ къ угнетенію массъ (армія, полиція, судъ, церковь и т. д.). Совершенно правильно она голосовала противъ статей на такъ наз. «культурныя потребности». На примѣрѣ ассигновки черносотенному министру Шварцу (о чемъ мы говорили выше) лучше всего видно, что черносотенное правительство *каждое* культурное дѣло «связываетъ съ полицейско-чиновничьей опекой надъ трудящимися классами».

Фракція голосовала за ассигновки низшимъ почтовымъ

служащимъ. Это — тотъ *исключительный* случай, который предусмотрѣнъ послѣднимъ пунктомъ резолюціи конференціи.

Такимъ образомъ, позиція нашей фракціи въ отношеніи бюджета была правильной; выступленія ея были принципіальны и обоснованы цѣнными данными; рѣчи нашихъ депутатовъ могутъ служить хорошимъ подспорьемъ для товарищей въ ихъ пропагандистско-агитаціонной партійной работѣ.

III. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЧЕРНОЖЕЛТОЙ ДУМЫ.

Поднимать рабочій вопросъ и защищать интересы пролетаріата наша фракція, разумѣется, стремилась во всѣхъ своихъ выступленіяхъ; это мы видѣли уже при разсмотрѣніи бюджетныхъ выступленій фракціи; увидимъ позже, когда рѣчь будетъ идти объ ея отношеніи къ думскому законодательствованію вообще, объ ея запросахъ правительству и т. д. Въ этой главѣ мы систематизируемъ лишь выступленія фракціи при обсужденіи, такъ называемыхъ, рабочихъ законопроектовъ думскихъ фракцій и правительства.

Дума 3-го іюня, какъ понятно само собой, инціативы въ рабочемъ законодательствѣ никакой не проявляла; наоборотъ, она клала подъ сукно или гноила въ комиссіяхъ даже тѣ немногіе «рабочіе» законопроекты, которые вносило правительство.

Ораторы нашей фракціи не упускали ни одного случая разоблачать такое отношеніе думскаго большинства къ рабочимъ.

Еще въ самомъ началѣ думской работы (когда Дума еще только конституировалась), когда зашелъ вопросъ о выборѣ рабочей комиссіи, фракція наша вскрыла антинародный характеръ 3-ей Думы. Т. Шуркановъ, отъ имени фракціи, изложилъ задачи, которыя должна была бы поставить себѣ дѣйствительная, а не самозваная рабочая комиссія (свобода профес. союзовъ, охрана труда женщинъ и дѣтей, сокращеніе рабочаго времени, реорганизація фабричной инспекціи, борьба съ безработицей и т. д.). А т. Кузнецовъ тутъ же далъ оцѣнку думскому рабочелюбію: «мы знаемъ», сказалъ онъ, «что при теперешнемъ составѣ Государственной Думы, если отдать рабочій вопросъ въ эту комиссію, то мы устраиваемъ этимъ самымъ торжественныя похороны рабочему вопросу».

И дѣйствительно, правительственные законопроекты о страхованіи фабрично-заводскихъ рабочихъ еще до сихъ поръ не вышли изъ тайниковъ комиссіи на обсужденіе общаго собранія Думы.

Насчитывающій уже 5-ти лѣтнюю давность правительственный законопроектъ о страхованіи рабочихъ въ заведеніяхъ

Министерства Финансовъ, гнившій въ этой комиссіи, какъ бы въ прямое издѣвательство, то ставился на повѣсткѣ думскихъ засѣданій, то опять снимался какой-то таинственной рукой. Наша фракція тогда же протестовала противъ такого цинизма и устами т. Покровскаго заявила: «пролетаріатъ, конечно, не ждетъ рѣшенія рабочаго вопроса отъ 3-й Думы; но мы, представители пролетаріата, не можемъ допустить, чтобы вопросъ о рабочемъ законодательствѣ служилъ предметомъ игры для господствующихъ думскихъ фракцій».

Наконецъ, въ ноябрѣ 1908 года Дума постановила, чтобы комиссія поторопилась и представила докладъ по этому законопроекту въ мѣсячный срокъ. Однако, онъ всплылъ на повѣсткѣ не черезъ мѣсяцъ, а ровно черезъ ½ года, и притомъ въ изуродованномъ видѣ: комиссія предлагала часть проекта, устанавливающую принципъ вознагражденія за профессіональныя болѣзни, «отложить» въ угоду промышленникамъ. Тов. Покровскій, отъ лица с.-д. фракціи, рѣзко протестовалъ противъ этого и требовалъ обсужденія законопроекта всего въ цѣломъ. Конечно, антирабочая Дума отвергла это предложеніе; она механически, почти безъ преній, путемъ простого подавленія большинствомъ голосовъ, отвергла поправки с.-д. объ увеличеніи нормы вознагражденія (въ законопроектѣ максимальный размѣръ премій — ²/₃ заработка; с.-д. требовали вознагражденія, равнаго полному заработку пострадавшаго), объ устраненіи обходовъ закона со стороны финансоваго вѣдомства, о расширеніи круга страхуемыхъ и т. д.

Замѣтимъ кстати, что участь этого законопроекта рѣшилась не въ Думѣ, а позднѣе (въ маѣ нынѣшняго года) въ Гос. Совѣтѣ; здѣсь рѣчи промышленниковъ были гораздо откровеннѣе, и циничнѣе всѣхъ распоясался членъ Совѣта, предсѣдатель общества фабрикантовъ, Глезмеръ: онъ упрекалъ россійское законодательство въ «излишней добродѣтельности» по отношенію къ рабочимъ; «въ Россіи рабочаго пролетарія нѣтъ», храбро доказывалъ онъ, и потому «все, что выработано Европой, что насаждалось и теперь насаждается у насъ, совершенно не авторитетно»; и забывши, что языкъ данъ буржуазнымъ политикамъ, чтобы скрывать свои мысли, онъ проболтался: «расходы по страхованію мы переложимъ на потребителей, на всѣхъ васъ, господа члены Гос. Совѣта».

И лишь успокоенный завѣреніями Коковцева, что «съ принятіемъ законопроекта съ головы частной промышленности не упадетъ ни единый волосокъ», Совѣтъ не отклонилъ законопроектъ вовсе, какъ предлагала его комиссія, а только еще болѣе изуродовалъ его по сравненію съ думской редакціей (еще болѣе съузилъ кругъ страхуемыхъ, затруднилъ условія полученія пенсій и т. д.).

Характеръ думскаго рабочелюбія особенно сказался, при обсужденіи *единственнаго* большого законопроекта, принятаго Думой—«о нормальномъ отдыхѣ торгов. служащихъ[1]».

1. Законопроектъ этотъ обсуждался въ Думѣ въ апрлѣ и маѣ мѣсяцѣ 1910.

Сущность этого законопроекта достаточно обрисована слѣдующимъ заявленіемъ, доложеннымъ въ Думѣ нашей фракціей.

«Внесенный комиссіей по рабочему вопросу проектъ закона... не только не обезпечиваетъ нормальнаго отдыха для торговыхъ служащихъ, но является прямо враждебнымъ ихъ интересамъ. Провозглашая въ ст. I закона принципъ не восьми, а десяти-часового рабочаго дня, комиссія слѣдующими статьями значеніе этого принципа сводитъ къ нулю. Дальнѣйшія статьи узаконяютъ сверхурочныя работы въ теченіи 40 дней въ году по два часа въ сутки, допускаютъ привлеченіе «служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ къ исполненію неотложно необходимыхъ работъ сверхъ времени, указаннаго въ ст. I, съ ихъ согласія и за особую плату въ теченіе двухъ часовъ въ сутки», разрѣшаютъ торговлю въ теченіе 15 час. въ сутки въ цѣломъ рядѣ торговыхъ заведеній, вводятъ право хозяевъ привлекать къ работѣ служащихъ сверхъ времени, указаннаго въ предыдущихъ статьяхъ, въ случаяхъ, угрожающихъ товару или торговому помѣщенію, требуютъ, чтобы служащіе продолжали работу и по наступленіи времени закрытія торговаго заведенія съ покупателями, прибывшими въ заведеніе до наступленія времени закрытія. Установленіе времени перерывовъ представляется свободному соглашенію хозяевъ и служащихъ безъ обязательности закрытія заведенія, что влечетъ за собой обращеніе перерывовъ въ фикціи... Ст. 9 проекта гарантируетъ только три дня въ году абсолютнаго праздничнаго отдыха — первые дни трехъ больщихъ праздниковъ: Рождества Христова, Пасхи и Троицына дня. Ст. 10 предоставляетъ, вмѣсто установленія обязательнаго еженедѣльнаго 42 часового отдыха, мѣстному самоуправленію и мѣстной администраціи издавать обязательныя постановленія о праздничной работѣ «по соображеніямъ съ мѣстными условіями и нуждами». Но и этого простора въ установленіи праздничной работы для комиссіи оказалось мало, и ст. 12 устанавливаетъ длинный рядъ торговыхъ заведеній, имѣющихъ право праздничной торговли безъ всякихъ соображеній. Въ составъ смѣшанныхъ комиссій представители торговыхъ служащихъ входятъ только въ количествѣ одной трети общаго числа и рѣшенія комиссій имѣютъ только совѣщательный характеръ, а контроль надъ соблюденіемъ закона возлагается на выбираемыхъ городскими думами попечителей и на полицію, что на практикѣ уже привело къ повсемѣстному или безнаказанному нарушенію закона 15 ноября 1906 г.

Все это, вмѣстѣ взятое, лишаетъ разсматриваемый законъ всякаго значенія для защиты торговыхъ служащихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны хозяевъ, и поэтому с.-д. фракція будетъ голосовать противъ перехода къ постатейному чтенію, считая, что для установленія дѣйствительнаго нормальнаго отдыха для торговыхъ служащихъ необходимо установить въ законодательномъ поряд-

кѣ: 1)восьми-часовой рабочій день безъ всякихъ исключеній; 2) обязательный еженедѣльный 42 часовой отдыхъ безъ всякихъ исключеній; 3) дѣйствительный контроль надъ соблюденіемъ закона, осуществляемый выборными отъ торговыхъ служащихъ[1]».

Характерная картина сложилась въ Думѣ и здѣсь, при обсужденіи этого перваго рабочаго законопроекта. Правые, какъ и подобаетъ истиннымъ реакціонерамъ, выступили защитниками старины, того «добраго, стараго времени», когда купецъ безгранично эксплуатировалъ приказчиковъ. На поддержку реакціонеровъ выступилъ и старомодный купецъ, октябристъ Корякинъ: «40 л. назадъ не считались ни съ какимъ временемъ», говорилъ онъ, «только требовалось дѣло», а теперь говорятъ «о какой-то борьбѣ» между хозяевами и служащими, возмущался онъ. «Хозяинъ и служащіе это — своего рода семья», поучалъ этотъ патріархальный купчина, «хозяинъ провѣряетъ его (приказчика) характеръ, его честность, онъ замѣчаетъ за нимъ, нѣтъ ли въ немъ какихъ-нибудь склонностей къ нечестности, дѣлаетъ ему всевозможныя испытанія. Когда вотъ всѣ эти испытанія онъ вынесетъ, онъ станетъ человѣкомъ такимъ, который имѣетъ твердую дорогу и движеніе по службѣ... Если же служащій сходитъ съ правильнаго направленія жизни, онъ, конечно, въ силу необходимости увольняетъ его».

Другіе ораторы правыхъ старались выставить себя защитниками мелкихъ лавочниковъ. Конечно, защита эта выражалась въ томъ, что они требовали «не мѣшать» имъ надрывать себя за работой. «Если даже я одинъ, самъ или съ женой желаю торговать», заявлялъ графъ Бобринскій, увѣренный, что «торговать» ему не придется, «вы мнѣ говорите, нѣтъ... я, законъ, запрещаю тебѣ торговать сверхъ 12-15 часовъ». «Не смѣть стѣснять бѣдняковъ-хозяевъ, которые часто работаютъ по 17 часовъ въ сутки», поддакивалъ ему выбранный дворянами правый крестьянинъ Сушковъ.

Большинство ораторовъ октябристовъ выступали «современными» купцами по сравненію съ этими допотопными Китъ-Китычами. Они стоятъ за «государственное вмѣшательство». «Идея государственнаго невмѣшательства въ эту область отношеній заклеймлена, какъ архаическая», провозглашалъ «ученымъ» «современнымъ» языкомъ ихъ предсѣдатель рабочей комиссіи, баронъ Тизенгаузенъ. Они не прочь козырнуть своимъ знакомствомъ съ буржуазными экономистами-писателями и вслѣдъ за буржуазнымъ «ученымъ» Мальтусомъ «знаютъ», что «причина эксплуатаціи дѣтскаго труда кроется не въ чемъ иномъ, какъ въ многосемейности нашего рабочаго класса».

И какъ всѣ буржуа, стоящіе за «вмѣшательство государства», октябристы «вмѣшались» и провели этотъ законопроектъ, который наши думскіе товарищи правильно

1. Цитировано по стенографическимъ отчетамъ газеты «Россія».

назвали каторжнымъ закономъ *противъ* торговыхъ служащихъ.

Хитрѣе вели себя кадеты. Они хорошо знали, что именно среди приказчиковъ еще значительна та часть демократіи, которая плететя за ними; еще недавно кадетъ Кутлеръ прошелъ въ Петербургѣ главнымъ образомъ голосами приказчиковъ. И они не скупились на «демократизмъ» въ... рѣчахъ. Но сшитое бѣлыми нитками ихъ рабочелюбіе рвалось на каждомъ шагу. Кадетъ Щепкинъ прямо заявлялъ, что сокращеніе рабочаго времени нужно ему затѣмъ, «что эти вопросы должны рѣшаться не путемъ стачекъ, а государственнымъ законодательствомъ», также прямо Маклаковъ говорилъ, что государство должно вмѣшиваться, «поскольку оно... можетъ обезоружить рабочій торговый людъ».

Словомъ, кадеты болѣе умные и дальновидные контръ-революціонеры, чѣмъ правые и октябристы; они понимаютъ, что *одними* репрессіями не обезоружишь «рабочій людъ» и стараются поймать *и* на удочку мнимыхъ «реформъ». Въ демагогическихъ цѣляхъ они не прочь поговорить и о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ («этотъ лозунгъ не есть уже классовый, не есть лозунгъ эгоистическій, соціалистическій, это уже лозунгъ несомнѣнно научный», говорили и октябристы, *но*... но для проведенія его «требуется соблюденіе и извѣстной постепенности, и извѣстной планомѣрности», т. е. вводить его не слѣдуетъ). Но кадеты рѣшительно противъ установленія празднованія рабочаго праздника 1 мая, и они противъ поправки въ этомъ духѣ с.-д. и трудовиковъ, ибо въ этой поправкѣ «церковные праздники поставлены наравнѣ... съ такими условными и мало кѣмъ (!) признаваемыми праздниками, какъ праздникъ труда (1 мая)».

Недурно выступали трудовики. Петровъ III сообщилъ много фактическихъ данныхъ, рисующихъ положеніе приказчиковъ; между прочимъ, онъ огласилъ рядъ резолюцій бывшихъ приказчичьихъ союзовъ и съѣздовъ. Но когда голосовался переходъ къ постатейному чтенію этого антирабочаго законопроекта, они опять споткнулись: голосовали за переходъ и внесли слѣдующее путаное заявленіе: «трудовая группа будетъ голосовать за переходъ къ постатейному обсужденію законопроекта, такъ какъ она признаетъ, что условія труда торговыхъ служащихъ должны быть урегулированы въ законодательномъ порядкѣ». Почему для регулированія труда приказчиковъ нужно голосовать за законодательное издѣвательство надъ приказчиками, которое этотъ трудъ вовсе не «регулируетъ» въ смыслѣ сокращенія, — это остается секретомъ демократизма трудовиковъ.

Послѣдовательно до конца защищала интересы приказчиковъ только наша фракція. С.-д. подвергли законопроектъ безпощадной критикѣ и при общихъ дебатахъ, и при обсужденіи отдѣльныхъ статей; они вносили рядъ поправокъ по всѣмъ существеннымъ пунктамъ проекта (о 8 ч.

рабочемъ днѣ; объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ въ 42 часа; о томъ, чтобы число рабочихъ дней не превышало 300 въ году; чтобы смѣшанныя комиссіи, издающія обязательныя постановленія объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, составлялись поровну изъ представителей отъ служащихъ и хозяевъ; чтобы контроль надъ соблюденіемъ закона выполнялся выборными отъ рабочихъ и т. д.).

С.-д. клеймили «грубую форму издѣвательства» надъ рабочими правыхъ и «болѣе хитрую и тонкую» либераловъ. Не оставилъ безъ критики т. Кузнецовъ и теорію кадета Щепкина о примиреніи труда и капитала путемъ «разумнаго законодательства». «Если положеніями, выставляемыми деп. Щепкинымъ, можно было затемнять классовое сознаніе пролетаріата нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то въ настоящее время онъ не достигнетъ своей цѣли... Жизнь толкнула теперь приказчиковъ впередъ и они идутъ рука объ руку съ фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ и совмѣстными усиліями организованной борьбы добиваются отъ правительства осуществленія того или другого законодательства по рабочему вопросу».

Законопроектъ этотъ затрагивалъ еще очень важный вопросъ объ установленіи *дня* еженедѣльнаго отдыха. Правительство, правые и октябристы, какъ и слѣдовало ожидать, стояли за принудительное празднованіе воскресенія, безразлично, будутъ ли служащіе христіанами, мусульманами или евреями, будетъ ли это городъ, населенный русскими, татарами или евреями. Кадеты подыгрывались на оба фронта. Съ одной стороны, они старались выставить себя «государственными людьми» и возражали противъ поправки с.-д. фракціи, которая «изложена такъ, какъ будто никакой преобладающей религіи у насъ въ Россіи не имѣется, какъ будто безразлично, какой день будетъ установленъ для празднованія: воскресенье, понедѣльникъ или какой нибудь другой день»; такъ говорилъ кадетскій бывшій министръ Кутлеръ, *подъ апплодисменты правыхъ и октябристовъ*. Съ другой стороны, имъ нужно было играть на національныхъ предразсудкахъ и дешевенькой демагогіи, ибо много татаръ и евреевъ — особенно зажиточныхъ — числится въ ихъ партіи и въ рядахъ изъ избирателей. Поэтому они внесли предложеніе: «мусульманамъ и евреямъ предоставляется избирать для прекращенія торговли и занятій служащихъ, взамѣнъ воскресенья, пятницу или субботу, причемъ о выборѣ такого дня должно быть заявлено хозяиномъ торговаго учрежденія»... Какъ видно отсюда, они 1) выборъ дня предоставляли *хозяевамъ*, а не *служащимъ*; 2) предлагали разбить празднованіе по отдѣльнымъ предпріятіямъ; такимъ образомъ въ той же мѣстности христіанскія заведенія были бы закрыты по воскресеньямъ, мусульманскія — по пятницамъ, еврейскія — по субботамъ.

Наша фракція не могла, конечно, пойти ни на насильственную руссификацію правительства и думскаго большинства, ни поступаться въ угоду національнымъ пред-

разсудкамъ *единовременностью* отдыха, когда торговый пролетаріатъ, вмѣстѣ съ промышленнымъ, могъ бы организовывать совмѣстныя выступленія, демонстраціи, общія собранія и т. д.

Поэтому, проектируя составъ смѣшанныхъ комиссій изъ представителей поровну отъ служащихъ и хозяевъ, фракція предложила передать такимъ смѣшаннымъ комиссіямъ установленіе дня еженедѣльнаго отдыха «*единообразно* для каждой мѣстности, *въ зависимости* отъ мѣстныхъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ условій».

Какъ и слѣдовало ожидать, право-октябристское большинство Думы отвергло и эти поправки, толкая и такимъ образомъ на сторону революціи не только тѣ отсталые элементы полуторамилліонной арміи торговаго пролетаріата, которые еще питались конституціонными иллюзіями, но и демократическіе элементы угнетенныхъ національностей, которые и на этомъ примѣрѣ должны были понять, что только послѣ низверженія третье-іюньской банды можно надѣяться на равноправіе національностей.

Одинъ изъ дней обсужденія этого законопроекта пришелся на 1-ое мая. С.-д. удачно воспользовались этимъ, чтобы съ думской трибуны призвать пролетаріатъ Россіи къ празднованію интернаціональнаго праздника: «с.-д. фракція», заявилъ т. Покровскій, «считаетъ своимъ долгомъ указать пролетаріату, что ни отъ третьей Думы, ни отъ буржуазнаго правительства нельзя ожидать созданія условій истинно-свободнаго труда. Такія условія дастъ только соціализмъ, и путь къ нему — единственно черезъ планомѣрную борьбу пролетаріата, черезъ классовую борьбу; и въ день 1-го мая с.-д. фракція шлетъ русскому пролетаріату свое привѣтствіе и пожеланіе успѣха въ этой классовой борьбѣ».

Этотъ призывъ имѣлъ бы еще большее значеніе, если-бы онъ раздался съ думской трибуны *передъ* 1-ымъ мая; разнесшись по странѣ ко дню празднованія, онъ подкрѣпилъ бы нашу партійную агитацію и придалъ бы еще больше энергіи россійскому пролетаріату въ его тяжелой борьбѣ за празднованіе этого рабочаго праздника.

О приказчикахъ радѣли по своему въ третьей Думѣ и кадеты. Чтобы не упустить симпатій отсталыхъ слоевъ торговаго пролетаріата, кадеты еще въ прошломъ году внесли *свой* законопроектъ «о наймѣ торговыхъ служащихъ». Тов. Полетаевъ однако въ томъ же засѣданіи разоблачилъ истинный характеръ этого продукта кадетскаго рабочелюбія: въ кадетскомъ проектѣ ничего не говорится о регулированіи ученичества, «этой злой язвы нашей торговли», какъ выразился т-щъ; въ проектѣ договорныхъ книжекъ тщательно предусмотрѣны обязанности служащихъ, но ни звука нѣтъ объ обязанностяхъ хозяевъ по отношенію къ служащимъ; сроки расторженія договоровъ установлены послѣсезонные, т. е. такіе, когда торговцы менѣе всего нуждаются въ служащихъ, а приказчикамъ, наоборотъ, труднѣе всего найти себѣ работу; не запреща-

ется расплата товарами, которая не допускается даже дѣйствущимъ теперь фабричнымъ законодательствомъ и т. д. Такимъ фиговымъ листкомъ рабочелюбія хотѣли прикрыться кадеты, и такъ этотъ фиговый листокъ былъ сорванъ съ нихъ ораторомъ с.-д. фракціи.

Дума, по обычаю, рѣшила передать въ архивъ комиссій и этотъ законопроектъ, какъ «матеріалъ»... очевидно, для архивныхъ крысъ.

Мимоходомъ 3-я Дума постановила уничтожить «дороговизну жизни рабочихъ» путемъ устройства потребительныхъ обществъ при фабрикахъ и заводахъ, «ссужаемыхъ» деньгами правительствомъ и фабрикантами и «законодательно-урегулированныхъ» Думой 3-го іюня и Столыпинымъ. Тов. Кузнецовъ справедливо вышутилъ эту смѣхотворную форму «борьбы съ дороговизной жизни», указалъ, что эту борьбу успѣшно могутъ вести лишь свободныя, основанныя на послѣдовательно-демократическихъ принципахъ, кооперативныя общества рабочихъ, а не принудительныя фабричныя потребилки, находящіяся въ денежной и организаціонной зависимости отъ фабрикантовъ; и фракція голосовала противъ «кабальной системы» (какъ выразился т. Кузнецовъ) этихъ «потребилокъ по усмотрѣнію начальства».

Если прибавить сюда еще два мелкихъ законопроекта «объ улучшеніи быта почтовыхъ служащихъ», которые удосужилось разсмотрѣть думское большинство, то это — *буквально все*, что сдѣлала въ области рабочаго законодательства Дума 3-го іюня за всѣ три года своего существованія. А что представляютъ собою оба эти законопроекта, насколько они дѣйствительно «улучшаютъ бытъ» служащихъ, это съ думской трибуны выяснилъ тов. Кузнецовъ, обрисовавшій всю бездну нужды почтово-телеграфныхъ служащихъ и всю мизерность думской подачки (750 тыс. руб. на 20 тыс. служащихъ, причемъ благодѣтельствуются, главнымъ образомъ, тѣ чиновники, которые получаютъ наивысшіе оклады); справедливо замѣтилъ с.-д. ораторъ, что это «не ассигновка на улучшеніе быта почтово-телеграфныхъ служащихъ, а не что иное, какъ насмѣшка надъ ними».

Практика парламентскихъ фракцій западныхъ соціалистическихъ партій даетъ богатѣйшій матеріалъ для установленія тактики с.-д-тіи по отношенію къ рабочему законодательству правительства и буржуазныхъ партій. Особенно цѣненъ въ этомъ отношеніи опытъ германской с.-д-іи.

Въ 80-хъ годахъ Бисмаркъ «для защиты отъ с.-д. требованій» предпринялъ цѣлый рядъ «соціальныхъ реформъ», вокругъ которыхъ необычайную шумиху подняли буржуазные политики, журналисты и профессора.

Въ 81-мъ году правительство вноситъ первый законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

«Защита» отъ с.-д. оказалась неудачной, ибо проектъ этотъ ни въ какой мѣрѣ не удовлетворялъ интересовъ пролетаріата: онъ охватывалъ лишь небольшую часть рабочихъ, назначалъ нищенскую пенсію и т. д. С.-д. фракція подвергла рѣзкой критикѣ этотъ законопроектъ, вносила въ него радикальныя поправки (о расширеніи круга страхуемыхъ, о повышеніи нормы пенсій и т. д.), и когда эти поправки были отвергнуты, она голосовала противъ правительственнаго законопроекта. «Если бы с.-д. депутаты позволили себя одурачить этимъ, они бы предали за нѣсколько серебренниковъ неотъемлемыя права пролетаріата», писалъ потомъ с.-д. Мерингъ.

То же случилось и съ законопроектомъ о страхованіи отъ болѣзней (1883 г.), отъ старости (1889 г.): с.-д. подвергли и эти уродливые проекты безпощадной критикѣ, раскрывали истинный характеръ «соціальной монархіи», разоблачали скромное значеніе для пролетаріата «соціальныхъ реформъ», вокругъ которыхъ поднимали шумъ либералы, вносили свои поправки; и когда дѣло доходило до голосованія, они голосовали *противъ* «рабочихъ» законопроектовъ Бисмарка. С.-д-ты, конечно, не смущались при этомъ клеветой и демагогическими выходками своихъ политическихъ противниковъ, которые старались натравить отсталыхъ рабочихъ противъ «непримиримыхъ с.-д.» (точно такъ же, какъ у насъ октябристы кричали, при обсужденіи приказчичьяго законопроекта, о «непримиримости с.-д. фракціи, которая хочетъ все, или ничего», а сами отвергали даже такія невинныя поправки с.-д., какъ требованіе достаточнаго числа сидѣній для приказчиковъ); «соціалисты голосовали противъ превосходнаго законодательства о страхованіи рабочихъ», клеветали нѣмецкіе либералы и консерваторы. «Совершенно невѣрно», отвѣчалъ имъ с.-д. Грилленбергеръ, «что мы не принимали участія въ соціальномъ законодательствѣ: мы вынуждены были голосовать противъ, но было бы ложно утверждать, будто мы не работали надъ нимъ: мы вырабатывали контръ-проекты къ закону о страхованіи на случай болѣзни, къ закону о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, къ промышленному уставу. Мы съ величайшимъ рвеніемъ работали надъ этими законами, чтобы ихъ улучшить. Послѣ того, какъ не было принято абсолютно необходимое, мы отклонили его».

Наоборотъ, с.-д. поддерживали всякое предложеніе, направленное къ дѣйствительной защитѣ рабочихъ. Въ 1885 году «центръ» рейхстага внесъ предложеніе о защитѣ труда; путемъ этой рабочей реформы «центръ» хотѣлъ «опровергнуть построенія К. Маркса» о неизбѣжности эксплуатаціи труда капиталомъ въ капиталистическомъ обществѣ. С.-д. ораторъ Шумахеръ высмѣялъ желаніе «центра» бороться такимъ путемъ противъ «построеній» Маркса и заявилъ: «мы, с.-д., далеки отъ того, чтобы утверждать, что ограниченіемъ рабочаго дня можно устранить все общественное зло. Совсѣмъ нѣтъ. Мы говорили: нормальный

рабочій день долженъ создать оплотъ противъ духовнаго и физическаго вырожденія массъ. На основаніи этого мы боролись за нормальный рабочій день и по этимъ же причинамъ мы будемъ голосовать за предложеніе центра».

Наоборотъ, оппортюнисты всѣхъ странъ всегда умудряются искать «хорошіе принципы» въ скверныхъ законопроектахъ и голосуютъ поэтому *за*. Не такъ давно, напр., оппортюнистическое большинство французской соціалистической партіи постановило голосовать за законопроектъ ренегата Бріана о страхованіи отъ старости потому, что этимъ законопроектомъ вводится «принципъ» государственнаго страхованія; хотя вслѣдствіи высоты взносовъ со стороны рабочихъ, высокой возрастной нормы (въ 65 лѣтъ) для полученія страховой преміи (до этого возраста не доживаетъ громаднѣйшее большинство французскихъ рабочихъ — въ общемъ доживаетъ только около 5%), нищенскихъ размѣровъ страховыхъ премій и другихъ недостатковъ передовые французскіе рабочіе справедливо прозвали этотъ законопроектъ «мошенничествомъ» и «пенсіями для мертвыхъ».

С.-д. не ограничивались одной критикой; они вносили свои проекты и контръ-проекты; конечно, они не отдѣлывали ихъ юридическими тонкостями «практическаго законодательства», преслѣдуя прежде всего агитаціонныя задачи. «Наше вліяніе возросло», говорилъ с.-д. Газенклеверъ на германскомъ С.-Галленскомъ конгрессѣ, «главнымъ образомъ потому, что мы вносили законопроекты по охранѣ труда рабочихъ. Депутаты никогда не питали надежды, что рейхстагъ въ настоящемъ составѣ можетъ принять эти проекты. Но изъ агитаціонныхъ соображеній мы считали въ высшей степени важнымъ вносить такого рода предложенія».

Законопроектъ французскихъ соціалистовъ, напримѣръ, о воскресномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ состоялъ изъ одной только статьи, а объяснительная записка къ нему занимаетъ половину страницы; ихъ же законопроектъ о стачкахъ устанавливалъ только нѣсколько основныхъ положеній и т. д.

Смѣшно было бы въ законопроектахъ Столыпина или Пуришкевича-Гучкова искать у насъ дѣйствительной защиты интересовъ пролетаріата; странно было бы въ какую угодно оппортюнистическую лупу усмотрѣть въ нихъ «хорошій принципъ». Поэтому, въ полномъ согласіи съ опытомъ революціонной с.-д-тіи всѣхъ странъ, наша фракція голосовала противъ ихъ «соціальныхъ реформъ»; наша фракція сопровождала также каждое свое такое голосованіе соотвѣтствующимъ заявленіемъ и внесеніемъ своихъ поправокъ (какъ въ дебатахъ по законопроекту о приказчикахъ); въ духѣ того же опыта с.-д., фракція разоблачала всегда позицію буржуазныхъ партій, хотя далеко не всегда она дѣлала это съ должной обстоятельностью: досаднымъ упущеніемъ было, наприм., то, что въ приказчичьихъ дебатахъ, гдѣ это было особенно видно, она недостаточно

вскрыла лицемѣрную позицію кадетъ. ихъ отношеніе къ 8 час. дню, организаціи надзора и т. д.; жаль также, что наши т-щи не напоминаютъ почаще, какъ защищали интересы рабочихъ к.-д. въ первыхъ двухъ Думахъ, гдѣ кадеты были въ большинствѣ и гдѣ они высказывались, напримѣръ, противъ помощи безработнымъ, лишившимся работы по случаю стачекъ.

Партіи и фракціи остается еще много поработать въ смыслѣ внесенія собственныхъ проектовъ и контръ-проектовъ (законопроекты о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, о страхованіи, союзахъ, стачкахъ до сихъ поръ не закончены); объясняется это запозданіе, конечно, чрезмѣрной работой нашихъ депутатовъ и безлюдіемъ въ комиссіяхъ, дѣйствующихъ при фракціи. Надо надѣяться, что въ предстоящую сессію наша фракція пополнитъ и этотъ пробѣлъ.

IV. ОТНОШЕНІЕ ФРАКЦІИ КЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ РЕФОРМАМЪ III ДУМЫ.

Крупнѣйшей изъ этихъ реформъ, призванныхъ разрѣшить аграрный кризисъ, было утвержденіе такъ называемаго «Закона 9 ноября», изданнаго Столыпинымъ еще въ 1906 г. Обстоятельства, вызвавшія этотъ законъ и сущность его состоятъ въ слѣдующемъ.

Развитіе капитализма безповоротно подорвало основы стараго аграрнаго порядка въ Россіи, съ его старой сословной общиной, прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, полукрѣпостными отношеніями, существующими въ деревнѣ. Капитализмъ не можетъ развиться дальше, не ломая окончательно всѣхъ этихъ средневѣковыхъ пережитковъ.

Столыпинъ понялъ эти тенденціи капиталистическаго развитія и рѣшительно перевелъ аграрную политику правительства на новыя рельсы.

Прежде и правительство, и господствующіе классы вели въ общемъ политику *охраненія* старыхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, заявляли себя *сторонниками* крестьянской общины и общинной собственности. Теперь Столыпинъ понялъ, что безъ ломки стараго землевладѣнія не можетъ быть экономическаго развитія Россіи; что полукрѣпостническія отношенія въ деревнѣ не задерживали, а наоборотъ обостряли революціонную борьбу крестьянства; что на разсказахъ о былой приверженности крестьянской массы царю нужно окончательно поставить крестъ; что въ нынѣшней деревнѣ соціальную опору монархіи можно создать только изъ — хотя бы небольшого—слоя богатыхъ крестьянъ-собственниковъ. Такъ буквально выразился одинъ разъ Столыпинъ передъ своими помощниками: «для переустройства нашего царства, переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ устояхъ нуженъ крѣпкій личный собственникъ, только онъ является преградой для развитія революціоннаго движенія». А въ Думѣ онъ призывалъ «вѣ-

рить» и работать для «государственно-сознательныхъ» (т. е. преданныхъ монархіи) «землевладѣльцевъ».

И законъ 9 ноября, какъ топоромъ, *насильственно* разрушаетъ общину, даетъ право и возможность богатымъ крестьянамъ захватывать въ свои руки надѣлы малоимущихъ общинниковъ и выдѣляться съ ними изъ общины; весь контроль надъ выдѣлами передаетъ въ руки земскихъ начальниковъ и дворянско-чиновничьихъ «землеустроительныхъ комиссій».

Какъ же отнеслась Дума къ этому закону?

Вся монархическая часть Думы, отъ крайнихъ правыхъ и до кадетъ, признавали необходимость контръ-революціонной реформы въ деревнѣ и лишь расходились въ вопросѣ о томъ, какъ провести ее.

Правые и октябристы открыто и горячо «привѣтствовали» Столыпина. «Указъ 9 ноября имѣетъ цѣлью способствовать насажденію личнаго землевладѣнія», говорилъ ихъ докладчикъ, Шидловскій, а личное землевладѣніе есть несомнѣнно необходимое условіе улучшенія культуры».

Но прежде всего и больше всего они цѣнили этотъ контръ-революціонный характеръ закона 9-го ноября, ибо «г. г. члены Госуд. Думы, мы живемъ во время революціи, которая, по моему глубокому убѣжденію, далеко еще не закончилась», предупреждалъ правый Балаклѣевъ. Дворяне и помѣщики надѣялись, что если создать и упрочить въ деревнѣ *частную* собственность на землю, то это ослабитъ лозунгъ «всей земли», это разслоитъ крестьянъ въ борьбѣ за него. Поэтому, по пути созданія частной собственности они пошли даже дальше Столыпина, и право-октябристское большинство, помимо права на выдѣлъ, признало частной собственностью крестьянъ ихъ участки во всѣхъ тѣхъ общинахъ, гдѣ не производилось передѣла въ теченіи послѣднихъ 24 лѣтъ.

Кадеты недовольны «неосторожностью» реформы. Они много слезъ пролили по поводу насильственнаго разрушенія общины, много шума подняли по поводу «революціонности» Столыпина. Они долго убѣждали Думу въ преимуществахъ ихъ проекта «принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ» передъ «революціонной ломкой исконныхъ началъ». И съ необычной для нихъ откровенностью они разсказывали, какъ они думали бы устроить компромиссъ мужика съ помѣщикомъ и, слѣдовательно компромиссъ крестьянства съ помѣщичьимъ самодержавіемъ. Кадетскій проектъ «гораздо болѣе выгоденъ и для владѣльцевъ», выбалтывалъ ихъ ораторъ Березовскій, ибо «не надо выхватывать голый фактъ отчужденія», убѣждалъ онъ октябристовъ, «а надо посмотрѣть и оцѣнить, во что выльется онъ». И чтобы доказать, что «вылиться» по плану кадетъ онъ долженъ въ дураченіе мужика, онъ рисовалъ слѣдующую картину, какъ сталъ бы «примѣняться фактъ отчужденія» земель помѣщиковъ: онъ долженъ былъ бы пройти черезъ «земельныя комиссіи», которыя кадеты пред-

лагали составлять изъ 5 помѣщиковъ и чиновниковъ и изъ 5 крестьянъ *съ обязательнымъ предсѣдателемъ изъ чиновниковъ*, т. е. съ противо-крестьянскимъ большинствомъ голосовъ; законъ объ отчужденіи долженъ былъ бы «переработаться», какъ выразился Березовскій, въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ (такъ!) и затѣмъ «дойти до Высочайшей санкціи» главы крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Профильтрованнный такимъ образомъ «фактъ» принудительнаго отчужденія по своему издѣвательству надъ земельнымъ голодомъ деревенской бѣдноты, конечно, могъ бы поспорить съ Столыпинской «реформой»; но «внести истинное удовлетвореніе и связанное съ нимъ успокоеніе», какъ мечталъ Березовскій, онъ не могъ бы не только потому, что годы революціи выжгли соглашательскія и прмиренческія иллюзіи, но и потому, что даже соглашательства, т. е. уступокъ, въ кадетскомъ проектѣ не осталось: кадетская реформа предстала въ голомъ видѣ откровеннаго обмана мужика помѣщикомъ.

Иную позицію заняли въ Думѣ всѣ крестьянскіе депутаты. Одинъ кадетъ справедливо признался про думскихъ крестьянъ, что въ аграрномъ вопросѣ правый крестьянинъ лѣвѣе кадета. Еще въ началѣ думской работы 41 депутатъ изъ крестьянъ (правыхъ и лѣвыхъ) подали заявленіе съ требованіемъ *принудительнаго* отчужденія помѣщичьей земли въ пользу малоземельныхъ крестьянъ и учрежденія мѣстныхъ земельныхъ комиссій, выбранныхъ *всѣмъ населеніемъ*. Это требованіе — по сути дѣла революціонное; ибо проведеніе реформы земельными комиссіями, выбранными всеобщимъ избирательнымъ правомъ, несовмѣстимо съ оставленіемъ власти въ рукахъ царя и помѣщиковъ.

Но, конечно, связь «земли» съ «волей» правые крестьяне понимаютъ очень неясно. «Дай Богъ государю здоровья», говорилъ въ Думѣ правый крестьянинъ Сторчакъ: «онъ хорошо сказалъ народу» (рѣчь идетъ о словахъ Николая депутаціи изъ крестьянъ, что онъ «не допуститъ» нарушенія права собственности на землю); а кончаетъ этотъ «монархистъ»: «конечно, если я сижу на 3-хъ десят. земли, а рядомъ 30 тыс. дес., то это не есть порядокъ и правда».— Наоборотъ, лѣвые крестьяне выражали революціонность крестьянства болѣе опредѣленно и болѣе сознательно. «Мои избиратели», говорилъ трудовикъ Кропотовъ, «задавали мнѣ вопросы:... зачѣмъ наши земли отданы въ распоряженіе земскихъ начальниковъ? Наказывали мнѣ избиратели: скажи ты въ Госуд. Думѣ, что такъ жить нельзя дальше... Не требуетъ ли государственная важность заставить обрабатывать земли, праздно лежащія: помѣщичьи, казенныя, удѣльныя, монастырскія. Конечно, ничего хорошаго не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ большинство Гос. Думы, какъ сейчасъ, помѣщики, чиновники и священники». Крестьянинъ Рожковъ: «крестьянство ждало отъ Госуд. Думы не закона 9 ноября, не того закона, который дѣлитъ между нами землю, которой у насъ нѣтъ, а закона, на основаніи котораго увеличился бы сначала загонъ, а по-

томъ уже стали дѣлить... Хозяевами земли являются земскіе начальники, а настоящіе хозяева этой земли связаны усиленной охраной». Трудовикъ Томиловъ: «наша завѣтная крестьянская мечта добыть земли и воли» и т. д. и т. д.

Тов. Гегечкори, выступавшій отъ имени нашей фракціи, напомнилъ исторію крестьянскихъ реформъ, изданныхъ за послѣднія десятилѣтія нашимъ правительствомъ, реформъ, насквозь проникнутыхъ дворянски-бюрократическимъ духомъ; въ противоположность тому, какъ захлебывались октябристы и кадеты, вспоминая о реформѣ 61 г., тов-щъ показалъ, что и Положеніе 61 г. было «насквозь крѣпостническимъ»: «въ самомъ дѣлѣ, кто такіе были, гг., эти освобожденные крестьяне 1861 г.? Это были государственные тяглецы, связанные круговой порукой, обложенные непомѣрными налогами и высокими выкупными платежами». И т-щъ такъ охарактеризовалъ «деспотическій контроль» міра и крестьянской общины: «для исправнаго отбыванія государственной повинности крестьянство было отдано подъ надзоръ міра, замѣстившаго собою надзоръ прежняго барина—помѣщика. Государствомъ были навязаны міру всѣ аттрибуты власти прежняго помѣщика барина: міръ уже ссылалъ своихъ членовъ въ Сибирь, міръ наказывалъ на дѣлѣ своихъ недоимщиковъ, міръ отдавалъ на работы неаккуратныхъ плательщиковъ, міръ вмѣшивался во всѣ интимныя стороны крестьянской жизни, онъ регулировалъ земельные раздѣлы, онъ имѣлъ право не разрѣшать отлучки изъ деревни, онъ регулировалъ земельныя дѣла; міръ вмѣшивался въ жизнь и подворщиковъ, и общинниковъ, но власть его у общинниковъ была сильнѣе, такъ какъ тутъ эта власть въ свои руки захватила самый существенный нервъ крестьянской жизни — землю; на общинномъ же правѣ земля была отдана 90% населенія»... Отмѣтивъ, что «господствующіе классы съ давнихъ поръ пользовались общиной въ своихъ собственныхъ интересахъ и для угнетенія крестьянства», т. Гегечкори анализировалъ, *какъ* законъ 9 ноября борется съ «крестьянскимъ коммунизмомъ»: «законъ этотъ оставляетъ крѣпостническіе устои деревни нетронутыми, но за то даетъ право свободнаго выхода изъ общины»; «даетъ преміи за выходъ изъ общины, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было условіяхъ»; стремится «разобщить интересы крестьянства», а «столкновеніе этихъ интересовъ должно было разрушить солидарность крестьянства». «Эксплоатація крестьянъ», продолжалъ т-щъ, «носитъ двойной характеръ—хозяйственно-правовой, и, слѣдовательно, мѣры раскрѣпощенія должны быть хозяйственно-правовыя. По нашему, крестьяне должны получить землю не путемъ покупки по чрезмѣрнымъ цѣнамъ, а путемъ *безвозмезднаго отчужденія всѣхъ некрестьянскихъ земель въ руки крестьянъ*; а безправіе крестьянъ должно быть уничтожено демократизаціей всѣхъ сторонъ его общественной и личной жизни и уничтоженіемъ сословности; только такая реформа... можетъ дать раскрѣпощеніе деревнѣ».

Такъ с.-д. ораторъ, въ противоположность мѣщанскимъ утопіямъ трудовиковъ, истолковалъ нашу борьбу за конфискацію земель не въ духѣ «перехода земли въ руки всѣхъ трудящихся» (тогда какъ даже при побѣдѣ демократической революціи она перейдетъ въ руки *хозяевъ*, т. е. обладающихъ орудіями производства), не въ смыслѣ «уравнительности» (которой *не можетъ быть въ капиталистическомъ обществѣ*); а въ смыслѣ полнаго раскрѣпощенія деревни и полнаго простора для развитія производительныхъ силъ страны.

Общую оцѣнку закона 9 ноября[1] наша фракція дала въ слѣдующей формулѣ:

«Принимая во вниманіе, что указъ 9-го ноября представляетъ одно изъ звеньевъ дворянско-бюрократической системы рѣшенія вопросовъ, выдвинутыхъ движеніемъ послѣдняго времени; этимъ указомъ, наряду съ дугими земельными мѣропріятіями (дѣятельностью Крестьянскаго банка, распродажей казенныхъ и удѣльныхъ земель, переселеніями) бюрократія, покровительствуя болѣе сильнымъ экономически слоямъ деревни, имѣетъ въ виду усилить и укрѣпить классъ зажиточной сельской буржуазіи, надѣясь найти въ ней опору въ борьбѣ съ эконом. и политич. притязаніями массъ, чтобы тѣмъ сохранить господствующее положеніе за землевладѣльческимъ классомъ и бюрократіей; что подъемъ большинства крестьянскихъ хозяйствъ, улучшеніе положенія десятковъ милліоновъ гражданъ-земледѣльцевъ возможны только при переходѣ» (отмѣтимъ опущеніе требованія *безвозмездности* отчужденія, — тѣмъ болѣе досадное, что лозунгъ безвозмездности конфискаціи не одинъ разъ выставлялъ въ своей рѣчи т. Гегечкори) «земель среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, а также земель государственныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ въ руки крестьянъ; что своей земельной политикой правительство увеличиваетъ земельную площадь незначительнаго слоя крестьянства, такъ какъ размѣръ мобилизуемаго фонда недостаточенъ для удовлетворенія широкихъ массъ, а высота земельныхъ цѣнъ и условія расплаты дѣлаютъ землю недоступной для нуждающагося въ землѣ большинства земледѣльческихъ хозяйствъ; что законъ 9-го ноября явно покровительствуетъ выходящимъ изъ общины и обдѣляетъ землею остающихся въ ней; что устанавливая произвольныя нормы надѣленія землей выходящихъ изъ общины, указъ поручаетъ разрѣшеніе споровъ между выходящими и остающимися въ ней не демократически организованному суду, а административной власти дворянъ — земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ; что существенной цѣлью указа 9 ноября является стремленіе разбить солидарность крестьянъ, проявившуюся въ экономическомъ и политическомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ, усилить рознь въ его средѣ,—въ интересахъ народныхъ массъ и въ интересахъ экономическаго,

1. Законъ 9 ноября обсуждался въ Думѣ осенью 1908 г., начиная съ 23 октября.

культурнаго и политическаго развитія страны, с.-д. фракція предлагаетъ отвергнуть проектъ земельныхъ комиссій и перейти къ очереднымъ дѣламъ».

Обстоятельна была рѣчь тов. Бѣлоусова, посвященная анализу теперешняго положенія малоземельныхъ крестьянъ. Рядомъ удачныхъ цифровыхъ данныхъ т-щъ показалъ *экономическую* основу борьбы за землю крестьянъ: 76 мил. десятинъ земли принадлежатъ 30 тыс. помѣщиковъ, а 73 мил. дес. принадлежатъ 10-ти мил. крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ отъ 1 до 15 дес. надѣла; и одной только группѣ помѣщиковъ въ 699 чел. принадлежитъ *21 милл. дес. земли*. Фактами, непосредственно взятыми изъ дѣйствительности, т-щъ обрисовалъ полу-крѣпостническое положеніе деревни и резюмировалъ: «и вотъ, гг., передъ нами такая картина: заколдованный кругъ, въ которомъ бьется средній крестьянинъ, и каждая попытка его направить хозяйство приводитъ къ увеличенію арендныхъ и другихъ платежей въ пользу помѣщиковъ; и латифундіи, захватившія огромные земельные запасы и примѣняющія на нихъ тотъ типъ производства, который опирается на большую или меньшую зависимость отъ земли со стороны крестьянскихъ обществъ, т. е. типъ производства кабальнаго, послужили основой того политическаго строя, который проводитъ въ данное время указъ 9 ноября; и никакой прогрессъ, никакая агрикультура невозможны въ странѣ при существованіи этихъ латифундій, и выходъ изъ этого тупика только одинъ: конфискація латифундій, передача ихъ народу. Отъ указа ли 9 ноября ожидать развитіе культуры? Нѣтъ, только отъ передачи народу земли, о чемъ мы твердимъ. А чѣмъ придушена иниціатива, самодѣятельность трудящихся массъ, необходимая для той же интенсификаціи» (усовершенствованія, большей производительности крестьянскаго хозяйства), «о которой печется указъ 9-го ноября? Онѣ придушены политикой власти, которая служитъ отраженіемъ интересовъ 30 тыс. помѣщиковъ». «Мы далеки отъ желанія убѣждать васъ», закончилъ т-щъ, «настаивать передъ вами на отверженіи указа 9-го ноября; въ вашихъ рукахъ сейчасъ власть, въ вашихъ рукахъ и сила, организованная сила государства; и массамъ крестьянства, противъ освободительнаго движенія которыхъ направленъ этотъ указъ, приходится лишній разъ поучиться азбукѣ общественной борьбы у благороднаго сословія; а эта азбука говоритъ, что въ современномъ государствѣ и обществѣ сила диктуетъ законы, сила создаетъ право, надо накопить силы и организовать ихъ».

Въ упоръ вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ всталъ въ Думѣ тогда, когда случайное большинство изъ лѣвыхъ депутатовъ и правыхъ крестьянъ, въ отсутствіе «обѣдавшихъ» октябристовъ, постановило обсудить въ слѣдующемъ засѣданіи заявленіе 41 крестьянскихъ депутата, о которомъ мы говорили выше (о надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ землею путемъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель). На другой день, однако, октябристы

и правые мобилизовали всѣ свои силы и, съ явнымъ нарушеніемъ закона и думскаго наказа, сняли съ обсужденія уже поставленный вопросъ. Т. Гегечкори рѣзко протестовалъ противъ этой наглости думскаго большинства и заявилъ по адресу октябристовъ: «чѣмъ раньше вы, гг., выложите весь арсеналъ своихъ реакціонныхъ вожделѣній, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе страна пойметъ и тѣмъ раньше положитъ предѣлъ вашему господству».

«Надѣливъ» такимъ образомъ крестьянъ землею, помѣщичье большинство Думы принялось за ихъ «землеустройство». Оно проектировало, чтобы выдѣлявшіеся богачи не только вырывали у общинниковъ надѣльные жирные куски земли, но и селились бы на нихъ отдѣльными «хуторами», какъ «западно-европейскіе фермеры». И въ вопросахъ землеустройства думское большинство совмѣстно съ правительствомъ *пыталось* стать на путь очистки земельныхъ отношеній отъ средневѣковыхъ путъ; для нихъ «задача» стояла «гораздо болѣе важная», чѣмъ простое разрушеніе общины: «созданіе мелкаго самостоятельнаго хозяйства, этой ячейки всякаго государства»; «свести Россію съ мертвой точки сельско-хозяйственнаго застоя и призванъ законъ о землеустройствѣ»[1]; «при теперешнемъ землепользованіи поднятіе культуры земли — вещь чрезвычайно трудная»,—такъ говорилъ докладчикъ земельной комиссіи, графъ Капнистъ. Поэтому сіятельный землеустроитель предлагалъ, помимо раздѣла общинныхъ земель, расселять выдѣлившихся на хутора, причемъ выселять ихъ «не мѣрами принужденія», а «мѣрами поощренія»; «и я увѣряю васъ», говорилъ онъ, «что съ несравненно большимъ уваженіемъ къ церкви и школѣ относятся именно хуторяне».

И опять полились кадетскія рѣчи, предостерегающія противъ «революціонности» и «поспѣшности» думско-правительственныхъ мѣръ землеустройства. «Я къ вамъ, представителямъ центра, обращаюсь», говорилъ Родичевъ, «къ вамъ, которые хотятъ стать на точку зрѣнія права» (это контръ-революціонеры-то 3 Думы!) «и хочу указать вамъ, что въ этомъ законопроектѣ не проведенъ *правовой принципъ*»... «Господа, основной признакъ конституціоннаго государства, скажу лучше, основной признакъ правового государства долженъ быть проведенъ въ порядочномъ неограниченномъ самодержавіи». Такъ «боролись» кадеты противъ законопроекта, и такъ кадетскій юристъ еще разъ пытался примирить «конституціонное» и «правовое» государство съ «неограниченнымъ самодержавіемъ», конечно, «порядочнымъ».

С.-д. точку зрѣнія на этотъ законопроектъ выразилъ т. Бѣлоусовъ.

---

1. Зоконъ этотъ обсуждался въ Думѣ осенью 1909 года, начиная съ 12-го октября.

«Улучшеніе условій производительности труда», сказалъ между прочимъ товарищъ, «составляетъ одну изъ основныхъ задачъ с.-д. рабочей партіи. На этой задачѣ мы и строимъ свои ближайшія программныя требованія. Мы говоримъ, что не можетъ процвѣтать трудъ мирнаго мужика подъ сѣнью радостной веселаго штыка; мы говоримъ, что не можетъ быть производительнымъ трудъ тамъ, гдѣ нѣтъ возможности его примѣненія. Въ ряду этихъ двухъ насущныхъ задачъ текущей общественной жизни разверстаніе черезполосицы, разверстаніе однопланныхъ селеній становятся второочередными вопросами». И въ отвѣтъ на рѣчи октябристскаго докладчика, будто «самымъ злѣйшимъ врагомъ всякаго прогресса въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ является черезполосица», существующая при общинной собственности, т. Бѣлоусовъ заявилъ: «мы, соц.-дем., думаемъ, что самымъ злѣйшимъ врагомъ и препятствіемъ къ прогрессу въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ въ данное время являются помѣщичьи латифундіи, дающія кабальный характеръ крестьянскому хозяйству, порождающія малоземелье и голодную аренду». «Докладъ комиссіи, выставляя на пьедесталъ землеустроительныя дѣйствія текущаго времени, сознательно старается затуманить глаза населенію и отводитъ его взоръ отъ насущныхъ задачъ даннаго времени».

Нѣсколькими словами товарищъ отвѣтилъ на выходку противъ с.-д. кадета Кутлера («если дѣятельно проводить землеустройство, не принимая другихъ мѣръ къ устраненію малоземелья, это будетъ марксистская программа», сказалъ этотъ бывшій помощникъ Витте-Дурново). «Я думаю, отвѣтилъ т. Бѣлоусовъ, члену Гос. Думы Кутлеру, какъ представителю народной свободы, и вообще партіи народной свободы слѣдуетъ знать, что с.-д. говорили съ этой трибуны во время обсужденія указа 9 ноября и во время обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся аграрнаго устройства въ странѣ». Указавъ на полнѣйшее невѣжество кадетскаго оратора, думающаго, что марксисты «смѣшиваютъ пауперовъ (т. е. нищихъ) и пролетаріевъ въ одинъ классъ», т-щъ закончилъ: «очевидно, марксисты за послѣднюю избирательную кампанію такъ испугали партію народной свободы, что она растеряла весь свой научный багажъ; ...все это партія народной свободы забыла, потому что она идетъ все правѣе и правѣе къ партіи октбристовъ».

Рѣшающимъ обстоятельствомъ для всего дѣла землеустройства является вопросъ о томъ, кто, какіе органы будутъ проводить это землеустройство на мѣстахъ; понятно, что земельныя комиссіи, составленныя изъ помѣщиковъ, или съ преобладаніемъ помѣщиковъ будутъ «устраивать» не крестьянъ, а помѣщиковъ. Октябристы предложили составъ землеустроит. комиссій изъ предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы, трехъ чиновниковъ, трехъ членовъ отъ земскаго собранія и трехъ членовъ отъ крестьянскихъ волостныхъ сходовъ, т. е. изъ 8

представителей изъ помѣщиковъ и чиновниковъ и изъ 3-хъ крестьянъ; выборы отъ волостей двухстепенные: сходы выбираютъ выборщиковъ, а выборщики — членовъ землеустр. комиссій.

Чтобы прикрыть, что такимъ составомъ они выдаютъ головой мужика помѣщикамъ, октябристы долго распространялись о томъ, будто задачи землеустр. комиссій — чисто техническія, только разверстаніе черезполосицы и другія межевыя дѣла.

Тов. Бѣлоусовъ, однако, разоблачилъ этотъ обманъ и вскрылъ истинный характеръ октябристскаго проекта. Онъ указалъ, что «на землеустроительныхъ комиссіяхъ лежитъ, кромѣ разверстанія черезполосицы, и ликвидація банковыхъ земель, и подысканіе кадра переселенцевъ въ Сибирь, продажа и сдача въ аренду казенныхъ земель и проведеніе указа 9 ноября, вопросъ о правахъ на то или другое владѣніе». И т-щъ привелъ рядъ фактовъ, характеризующихъ направленіе дѣйствующихъ теперь землеустр. комиссій, по составу аналогичныхъ проектируемымъ октябристами: онѣ вздуваютъ цѣну помѣщичьихъ земель, оцѣнивая ихъ *даже выше* Крест. Банка (примѣръ: въ Тверской губ. оцѣнка помѣщикомъ своей земли — 100 руб.; оцѣнка Банкомъ — 75 руб.; оцѣнка землеустр. комиссіи— 100 руб.); какъ онѣ стараются «устроить» главнымъ образомъ богатыхъ крестьянъ-хуторянъ (въ 46 губерніяхъ продано кулакамъ-хуторянамъ около 384 тыс. десятинъ земли, сельскимъ обществамъ около 17 тыс. дес. земли); указалъ, на повсемѣстное сопротивленіе, которое оказываютъ крестьяне этимъ комиссіямъ; и удачно раскрылъ, какія надежды правые и октябристы возлагаютъ на свои «внѣклассовыя», «нейтральныя», «безпристрастныя» комиссіи: гр. Бобринскій говорилъ, что вопросы о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій являются «вопросами, близко граничащими со смутой»; кн. Волконскій доказывалъ, что задачей землеустроительныхъ комиссій должно быть «прирученіе населенія къ взгляду: чужого не трогай».

Характерно, что трудовики даже въ такомъ очевидномъ вопросѣ, такъ рѣзко затрагивающемъ интересы «трудового крестьянства», вновь не выдержали экзамена на послѣдовательныхъ демократовъ: они предложили, кромѣ избранныхъ всеобщ. голосованіемъ членовъ, ввести еще 2 чиновниковъ. Тов. Бѣлоусовъ справедливо отмѣтилъ эту непослѣдовательность трудовиковъ: «трудовая группа идетъ полумѣрами», сказалъ т-щъ; «она предлагаетъ взять отъ Госуд. Думы хотя бы клокъ шерсти для своихъ избирателей; но намъ, гг., думается, что клочка шерсти въ данномъ случаѣ не добудется», а симпатіи демократическихъ избирателей растеряются, слѣдовало бы ему добавить.

Напрасно только т-щъ думалъ, что «такими задачами», какъ трудовики, руководствовались и кадеты, внося свой проектъ землеустроительныхъ комиссій съ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента (какъ мы уже указывали, кадеты

предлагали дать 6 голосовъ помѣщикамъ и 5 голосовъ крестьянамъ). Трудовики предлагали *демократическій* составъ, хотя и непослѣдовательный; кадеты — *обезпечивающій интересы помѣщиковъ*. И жаль, что въ этомъ коренномъ вопросѣ, имѣющемъ рѣшающее значеніе для устройства земельныхъ отношеній въ деревнѣ, помѣщичья позиція партіи «народной свободы» не нашла себѣ должной оцѣнки въ рѣчахъ нашихъ ораторовъ.

Наша фракція предложила: «уѣздныя землеустр. комиссіи состоятъ изъ 10 членовъ, избираемыхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія населеніемъ уѣзда на одинъ годъ. Предсѣдатель комиссіи избирается ею изъ своей среды».

Помѣщичья Дума не удосужилась, конечно, внести ни одного законопроекта, касающагося сельскаго пролетаріата, и ни разу не подняла вопроса о немъ. Тов. Бѣлоусовъ, во время преній о мѣстномъ судѣ, удачно воспользовался случаемъ, чтобы обрисовать положеніе этого наиболѣе угнетаемаго слоя россійскаго пролетаріата; ужасная картина положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ была развернута имъ: чрезмѣрная эксплуатація, достигающая 22 часовъ въ сутки; помѣщики не принимаютъ никакихъ мѣръ по охранѣ рабочихъ при машинахъ и, цинично посмѣиваясь, разсказываютъ, какъ «дрыгалъ ножками» крестьянскій мальчикъ, попавшій подъ дышло лошади, какъ «танцовала» баба, попавшая подъ барабанъ и т. д.; массовые несчастные случаи, очень часто съ тяжелыми послѣдствіями (смертные случаи или лишеніе работоспособности); затруднительность классовой борьбы (путемъ стачекъ, бойкота и т. д.); полная юридическая закабаленность хозяину, такъ какъ дѣйствующій законъ даетъ право хозяину «удалять» рабочаго по самому ничтожному поводу или даже безъ всякаго повода («грубость», «лѣность», «нерадѣніе», «самовольное пользованіе хозяйскимъ имуществомъ», благодаря чему хозяева удаляютъ рабочихъ, если они съѣдятъ лишній кусокъ хлѣба). По поводу статьи закона о мѣстномъ судѣ, касающейся исковъ по договору найма на сельско-хозяйственныя работы, наша фракція внесла слѣдующее заявленіе: «принимая во вниманіе: 1) узко-классовый характеръ закона 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, направленнаго всецѣло на защиту интересовъ предпринимателя и не ограждающаго интересы рабочаго; 2) отсутствіе правительственнаго» (почему правительственнаго, а не выборнаго?) «надзора, ограждающаго интересы труда въ сельско-хозяйственномъ производствѣ; 3) отсутствіе права коалицій и стачекъ для сельско-хозяйств. рабочихъ, какъ средства защиты и отстаиванія ихъ интересовъ, — Государственная Дума признаетъ желательною и необходимою выработку новаго закона о наймѣ на сельско-хоз. работы, а также и закона, разрѣшающаго коалиціи и стачки сельско-хозяйств.

рабочихъ, находитъ желательнымъ распространеніе надзора правительственной фабричной инспекціи на сельскохозяйственное производство и переходитъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшей статьи».

Нѣсколько разъ господская Дума вынуждена была заниматься вопросами о продовольственной помощи голодающимъ крестьянамъ и каждый разъ расщедривалась на подачку голой кости обнищавшей и умирающей съ голоду деревнѣ. Наши ораторы выясняли при этомъ причины крестьянскихъ голодовокъ, сдѣлавшихся у насъ хроническими; указывали на лицемѣрный характеръ борьбы съ ними правительства и думскаго большинства и ничтожность просимой правительствомъ ассигновки (правительство испрашивало на всю Россію 7 милліоновъ рублей, тогда какъ, по вычисленіямъ Черниговскаго земства, чтобы не дать умереть крестьянамъ *одной* этой губерніи, требовались 12 милл. руб.); указывали на никуда негодную организацію продовольственной помощи, когда деньги попадаютъ не голодающимъ крестьянамъ, а въ карманы Гурко и Лидвалей; и мотивировала свое *воздержаніе* при голосованіи.

Вотъ и всѣ мѣры, которыми Дума 3-го іюня надѣялась рѣшить крестьянскій и аграрный вопросъ.

Какова же общая оцѣнка крестьянскаго законодательства 3-ьей Думы и выступленій нашей фракціи по поводу его?

Мы уже говорили, что правительство и думское большинство *сознательно* стали на принципіально новый путь аграрнаго законодательства. 20 ноября 1908 г. Столыпинъ на собраніи чиновниковъ и дворянъ, такъ называемаго «Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства», прямо заявилъ, что черезъ всѣ его аграрныя реформы проведена «единая, объединяющая мысль», что эта мысль «должна быть проведена по всѣмъ статьямъ» закона 9 ноября, что «выдернуть ее изъ отдѣльной статьи, значитъ исказить законъ, лишить его руководящей идеи». Эти «руководящія идеи» Столыпина состоятъ въ слѣдующемъ: 1) надо расчистить путь капиталистическому развитію въ деревнѣ, а потому насильственно сломать «исконные устои» общины; 2) надо бросить навсегда надежду на монархическія привязанности крестьянской массы и попытаться создать опору монархіи въ слоѣ зажиточныхъ мужиковъ, кулаковъ и міроѣдовъ; 3) надо насадить въ деревнѣ частную, личную собственность, чтобы пріучить населеніе, какъ говорилъ кн. Волконскій, къ правилу: «чужого не трогай» и отбить такимъ образомъ извѣстный слой крестьянъ отъ борьбы за конфискацію земли; 4) надо рѣзче расчленить деревню, натравить одни ея элементы противъ другихъ, посѣять тамъ борьбу и раздоръ, чтобы такимъ путемъ ослабить нападеніе крестьянской массы на помѣщичьи земли, отвлечь

вниманіе крестьянской бѣдноты отъ помѣщичьихъ латифундій. А идея, «объединяющая» всѣ эти «руководящія», сводилась къ тому, чтобы провести такую контръ-революціоную аграрную реформу, при которой *вся* власть и *всѣ* доходы оставались въ рукахъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ.

Какъ же осуществляется этотъ планъ и къ чему объективно онъ ведетъ?

Проводникомъ этого «аграрнаго эксперимента» поставленъ помѣщикъ; землеустроительныя комиссіи въ установленномъ Думой составѣ будутъ обогащать помѣщиковъ и тысячи богатыхъ крестьянъ, будущихъ «сознательныхъ монархистовъ»; раздѣляя деревню, отдавая ее на разграбленіе немногимъ богатѣямъ, законъ 9 ноября колоссально увеличиваетъ въ ней элементы классовой борьбы, множитъ число сельскаго пролетаріата, толкаетъ въ ряды арміи революціи полу-пролетарскія массы деревни, обезземеливаемыя богатѣями, т. е. роетъ самъ себѣ яму.

Но для установленія благопріятныхъ условій для развитія капиталистическихъ отношеній въ Россіи вообще и въ деревнѣ въ частности, для приспособленія къ условіямъ буржуазнаго развитія Россіи этого далеко недостаточно. *Экономически* внутренній рынокъ для продуктовъ капиталистическаго производства въ обнищавшей деревнѣ создать нельзя; вотъ почему до сихъ поръ промышленные тузы не склонны оптимистически относиться къ аграрнымъ реформамъ Столыпина. *Юридически* нельзя превратить крестьянина въ «свободнаго фермера» или «собственника» типа западно-европейскаго, не снявъ съ него сословные путы; а снять ихъ или даже сколько-нибудь серьезно ослабить невозможно, не затронувъ дворянскихъ привиллегій и, слѣдовательно, не посягнувъ на помѣщичью *власть и вліяніе*. *Политически* нельзя создать «свободнаго собственника» и его «личной самодѣятельности» въ странѣ азіатскаго деспотизма и абсолютнаго стѣсненія всякой общественной самодѣятельности.

Въ результатѣ неудача *такого* приспособленія къ буржуазному развитію неизбѣжна; гибель *такой* контръ-революціонной политики Столыпина и третьей Думы неминуема.

Но партія пролетаріата не должна, конечно, пассивно ждать конца этой котръ-революціонной игры. Далекая отъ вульгарно-демократической точки зрѣнія, не видящей ничего *новаго* въ курсѣ политики Столыпина-Бобринскаго-Гучкова, она должна удвоить свою агитацію въ пролетарскихъ, а также крестьянскихъ массахъ; должна указывать, что тотъ путь «приспособленія» къ развитію буржуазныхъ отношеній въ деревнѣ, на который вступили Столыпинъ и III Дума, ведетъ неизбѣжно къ распространенію и усиленію организованнаго насилія меньшинства населенія надъ громаднымъ большинствомъ, безпощадному ограбленію богатѣями крестьянской массы, прямому истребленію мало-

земельнаго и, слѣдовательно, революціоннаго крестьянства.

Партія пролетаріата должна разоблачать контръ-революціонный блокъ бюрократа, крѣпостника-помѣщика и промышленнаго туза, который затѣялъ и проводитъ этотъ «новый курсъ» и который хочетъ такъ «перестроить» Россію, чтобы вся сила, вся власть и все богатство остались въ его рукахъ.

С.-д. партія должна безпощадно клеймить путающійся въ ногахъ демократіи предательскій кадетскій либерализмъ, пристающій въ гражданской войнѣ съ разсужденіями о «правѣ», обманывающій демократію (и крестьянство) фразами о «народной свободѣ», а на дѣлѣ предающій кровные интересы крестьянства, какъ въ вопросахъ землевладѣнія (толкованіе «факта» принудительнаго отчужденія Березовскимъ — см. выше), такъ и въ вопросахъ землепользованія (вопросъ о составѣ землеустр. комиссій).

Пролетаріатъ долженъ звать деревенскую бѣдноту къ *крестьянской* ломкѣ стараго аграрнаго строя Россіи — къ конфискаціи помѣщичьяго землевладѣнія.

Не все это въ достаточной мѣрѣ полно освѣтили наши думскіе т-щи. Фракціи и всей партіи остается еще много поработать надъ разоблаченіемъ этого новаго курса аграрной политики правительства и думскаго большинства.

Въ общемъ рѣчи нашихъ депутатовъ были выдержанными революціонно-соціальдемократическими; онѣ были полны цѣнныхъ фактическихъ данныхъ, устанавливали правильную точку зрѣнія на крестьянскія нужды; и ознакомленіе съ ними (равно какъ и съ думскими дебатами по крестьянскому вопросу вообще) должно быть признано безусловно необходимымъ для партійнаго пропагандиста и агитатора, особенно въ крестьянской средѣ.

V. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ III ДУМѢ.

Контръ-революціонная Дума, состоящая въ громадномъ большинствѣ изъ руссификаторовъ различнаго толка, начиная съ кадетскихъ проповѣдниковъ національнизма и «національнаго лица» и кончая черносотенными людоѣдами, не могла не поставить въ порядокъ дня своихъ работъ поѣданіе «инородцевъ» и «иновѣрцевъ».

Думское большинство не пропускало ни одного повода въ своей дѣятельности, чтобы не усилить угнетеніе національностей. Это дѣлало оно систематически, каждый годъ, при обсужденіи бюджета, въ особенности бюджета Минист. Нар. просвѣщенія: дебаты по этой смѣтѣ въ устахъ правыхъ превращались въ сплошную травлю учащихся изъ евреевъ. Мы видѣли уже, при разсмотрѣніи приказчичьяго законопроекта, какъ сравнительно частный вопросъ о воскресномъ отдыхѣ послужилъ основаніемъ для такого угнетенія «иновѣрцевъ», что даже думскіе мусульмане, до сихъ

поръ въ большинствѣ примыкавшіе къ «лояльной оппозиціи» кадетъ, стали на рѣзко-непримиримую позицію по отношенію къ законопроекту. Мы увидимъ это дальше, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ законопроектовъ думскихъ реформаторовъ.

Систематическую травлю правые и октябристы открыли прежде всего противъ евреевъ. Запросъ правыхъ о «попустительствѣ» правительства по отношенію къ евреямъ тов. Гегечкори охарактеризовалъ, какъ «самую злую насмѣшку и глумленіе надъ евреями», и предлагалъ, несмотря на явную нелѣпость запроса, признать его спѣшнымъ, чтобы «сейчасъ же разсмотрѣть и отвергнуть, какъ доказательство человѣконенавистичества тѣхъ людей, которые являются иниціаторами этого запроса».

За явными черносотенцами — правыми не отставили и скрытые антисемиты-октябристы. По поводу предложенія послѣднихъ — о недопущеніи евреевъ въ военно-медицинскую академію—т. Бѣлоусовъ пытался выяснить соціальныя причины антисемитизма; т-щъ указалъ, что «между еврейскимъ ремесленникомъ и пролетаріемъ, между забитымъ нуждой и замордованнымъ рабочимъ, крестьяниномъ единеніе больше, классовое чувство гораздо болѣе сплочено, чѣмъ между сіятельнымъ Бобринскимъ и тѣмъ же крестьяниномъ, котораго онъ эксплуатируетъ»; но объяснять антисемитизмъ, какъ это дѣлалъ т. Бѣлоусовъ, *только* тѣмъ, что «взяточники, казнокрады, спекулянты, карьеристы и бестіи» одурачиваютъ темный народъ — недостаточно. Справедливо, что быть можетъ ни одна другая идеологія не покоится въ большей степени на обманѣ и одурачeніи малосознательныхъ элементовъ населенія; но тотъ фактъ, что во всемъ мірѣ кадры антисемитовъ вербуются главнымъ образомъ среди мелкихъ торговцевъ, мелкихъ хозяйчиковъ, показываетъ, что антисемитизмъ имѣетъ и свою соціальную, классовую основу; у насъ же въ Россіи контръ-революція, тяжелымъ гнетомъ ложащаяся на всю страну, не могла не обрушиться въ еще большей степени на «инородцевъ» вообще и евреевъ въ частности.

Чтобы наброситься на Кавказъ у думскаго большинства былъ спеціальный поводъ: еще свѣжа была память о славной кавказской революціи, живымъ напоминаніемъ о которой были сидѣвшіе въ Думѣ кавказскіе депутаты. Правые понимали, что Кавказъ и теперь представляетъ собою пороховой складъ, который вспыхнетъ при первой искрѣ революціи. Отсюда — рядъ требованій усиленія репрессій на Кавказѣ и запросовъ о «бездѣйствіи» кавказскихъ властей. Наши кавказскіе депутаты (Чхеидзе, Гегечкори) чрезвычайно подробно обрисовали политику правительства на Кавказѣ до 1905 г. и въ періодъ контръ-революціи. Т. Чхеидзе цитатами изъ правительственныхъ документовъ нарисовалъ яркую картину полу-крѣпостническаго положенія крестьянъ на Кавказѣ (наприм. въ Дагестанской области крестьянъ, такъ называемыхъ «раятъ», до сихъ поръ продаютъ помѣщики, продаютъ право сбора податей съ

нихъ, ихъ личный трудъ и т. д.); крайній застой въ земледѣліи, бѣдственное положеніе кавказской деревни; наводненіе Кавказа взяточниками, казнокрадами въ лицѣ такъ называемой «мѣстной администраціи» («посылка на окраины худшихъ элементовъ», какъ благозвучно выражается кавказскій намѣстникъ); гнетъ и произволъ администраціи и полиціи вплоть до послѣдняго стражника, взяточничество, поборы, преслѣдованіе туземцевъ, особенно ихъ языка въ школахъ и т. д. и т. д. Вотъ причины, говорилъ т-щъ, которыя вызвали кавказскую революцію. А т. Гегечкори привелъ рядъ поразительныхъ фактовъ изъ исторіи подавленія революціи на Кавказѣ: казни, убійства массами жителей, сжиганія цѣлыхъ деревень, насилія надъ женщинами и дѣтьми, разгромы селеній, разстрѣлы... Показавъ, что и теперь политико-экономическое положеніе края осталось тоже, что и до революціи, т. Чхеидзе закончилъ: «Успокоилось ли кавказское населеніе? Я отвѣчаю категорически: нѣтъ. Оно не успокоится до тѣхъ поръ, пока (*голосъ справа*: не будетъ введено всеобщее...). Да, пока не будетъ всеобщее избирательное право, между прочимъ, пока, гг., не будетъ свергнуто иго (*обращаясь вправо*) вашего режима, пока не будутъ осуществлены тѣ задачи, тѣ вопросы, которые были выдвинуты освободительнымъ движеніемъ».

Наиболѣе продолжительные и характерные дебаты по національному вопросу разгорѣлись въ Думѣ въ связи съ обсужденіемъ законопроекта *о введеніи земства въ Западныхъ губерніяхъ*.

Сущность этого законопроекта сводилась къ слѣдующему: избирательное право обусловливалась высокимъ цензомъ, учреждались такъ называемыя національныя куріи, т. е. поляки выбираютъ отдѣльно отъ русскихъ, причемъ число гласныхъ отъ поляковъ до смѣшного ничтожно по сравненію съ гласными—русскими; евреи совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ; другія національности (бѣлоруссы, литовцы и латыши) введены въ русскую курію, чтобы подавить ихъ тамъ голосами русскихъ, а въ 3-хъ уѣздахъ Витебской губ. у нихъ цинично-откровенно («механически», какъ выражается правительство) отнята часть мѣстъ въ пользу русскихъ дворянъ; крестьянамъ дается только $^{1}/_{3}$ мѣстъ въ земскомъ собраніи, да и то правительство обсчитываетъ ихъ, давая имъ 6 мѣстъ (а не 7) изъ 20; обязательно вводятся въ земство 3 русскихъ попа, нѣсколько чиновниковъ; нѣкоторыя мѣста въ земской управѣ и среди служащихъ земства должны заниматься непремѣнно русскими и т. д.

Справедливо оцѣнилъ этотъ проектъ т. Покровскій, сказавъ, что «этимъ проектомъ преслѣдуется единственная цѣль—дать возможность русскимъ дворянамъ и чиновникамъ присосаться къ «земскому пирогу» въ Западномъ краѣ», а достигается это тѣмъ, что «цинично—подавляются права евреевъ, безшумно подавляются права мелкихъ національностей—литовцевъ и латышей, недобросовѣстно размежевыва-

ются[1] мѣста съ поляками и то съ поляками только дворянами; и всѣ эти операціи производятся за безотвѣтной спиной русской крестьянской массы, которыхъ затираютъ, которыхъ обсчитываютъ, которыхъ связываютъ, какъ слѣдуетъ по крѣпостнической программѣ; затѣмъ вся эта операція прикрывается шумихой націонализма».

Ни правительство, ни правые, ни октябристы не скрывали (да и не могли скрыть) этой цѣли законопроекта—раздѣлить земскій пирогъ между истинно-русскими крѣпостниками. Они откровенно признавались, что «русскій элементъ» гораздо некультурнѣе польскаго, и что только путемъ насилія русскимъ зубрамъ можно отобрать большинство мѣстъ въ земствѣ. Болѣе откровенныхъ призывовъ угнетать «инородцевъ» еще не раздавалось въ Думѣ изъ устъ октябристовъ; даже нѣкоторые члены этой фракціи не выдержали такой высокой національной «марки», и одинъ изъ нихъ (депутатъ Клименко) смущенно началъ читать воззваніе партіи 17-го октября, подписанное всѣми ея лидерами, гдѣ значилось: «при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ имперіи, при прочно установленныхъ свободахъ, при участіи, равномъ для всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, и въ созданіи правительственной власти». Но до того ли было гучковскимъ молодцамъ, которымъ атукнулъ Столыпинъ, чтобы вспоминать о старой бумажкѣ, написанной еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ революціи! Да и рѣдкость ли для буржуазн. партій измѣнять *на дѣлѣ* либеральнымъ обѣщаніямъ и фразамъ *въ программахъ*!

И среди этихъ циничныхъ, ничѣмъ не прикрашенныхъ заявленій думскаго право-октябристскаго большинства жалкимъ хныканьемъ были рѣчи кадетъ. «Не покрывайте позоромъ русскую государственность», просилъ Шингаревъ; «заявите передъ населеніемъ Россіи, что призывъ собраться всѣмъ около надеждъ нашихъ на свободу и право, еще не сдѣлался правительственной ложью, а остается истиной, которую защищаетъ народное представительство», умолялъ столыпинскихъ молодцовъ Родичевъ. Кадеты не прочь были похвастаться своею «истинною національностью и государственностью»; они знаютъ, какъ «найти жертвы родинѣ» (т. е. монархіи Николая-Столыпина), «жертвы родинѣ не только деньгами, но и жизнью, и кровью» (Шингаревъ); но для этого нужно «не позорить русскую государственность». «Опомнитесь, опомнитесь», гремѣлъ Родичевъ, «что вы дѣлаете? Въ то время, какъ вы создали себѣ слабое мѣсто на сѣверной границѣ, не распространяйте этого ослабленія русской государственности на западной границѣ».

1. Образецъ «добросовѣстныхъ» думскихъ отчетовъ «Рѣчи»: въ № отъ 12 мая 1910 г. *дословно* передавая (не пересказывая) эту часть рѣчи Покровскаго, [illegible] добросовѣстно». Выходитъ, что «размежевка» [illegible]

Польское Коло въ общемъ держалось узко-націоналистической политики. Ораторы его яростно отстаивали интересы польскихъ помѣщиковъ, но хранили гробовое молчаніе, когда рѣчь зашла объ ограбленіи избирательныхъ правъ у евреевъ; даже предложеніе объ увеличеніи гласныхъ—крестьянъ они поддержали потому, что имъ «смягчается» «перевѣсъ помѣщиковъ не поляковъ», т. е. въ надеждѣ, не удастся ли хоть такимъ путемъ прогнать русскихъ дворянъ и усѣсться на ихъ мѣста. Очень ревностно защищалось Польское Коло отъ упрека въ неблагодежности, который бросилъ полякамъ Столыпинъ. «Поляки по своимъ убѣжденіямъ монархисты и конституціоналисты», защищалъ польское Коло отъ клевсты Ваньковичъ, «въ нихъ всегда можно найти сторонниковъ права и законности». «Поляки—самые горячіе поборники общественной *легализованной* самодѣятельности», увѣрялъ польскій буржуа Завиша. «Это было бы преступленіемъ, если бъ поляки пользовались своимъ вліяніемъ во вредъ государству или во вредъ русскому населенію, но вѣдь ничего подобнаго нѣтъ», свидѣтельствовалъ свою благонадежность депутатъ Грабскій.

Послѣдовательныхъ защитниковъ демократія и угнетенныя національности нашли въ лицѣ с.-д. депутатовъ. Т-щи раскрыли бюрократическо-дворянскую подкладку правительственнаго законопроекта: «по существу въ данномъ законопроектѣ правительство выступаетъ, какъ чистѣйшій крѣпостникъ; вмѣсто освобожденія народныхъ массъ отъ порабощенія, ихъ отдаютъ подъ начальство помѣщиковъ;... подъ видомъ защиты русской культуры защищаются истинно-русскія дворянскія вожделѣнія».

Соц.-дем. должнымъ образомъ оцѣнили и лицемѣрную, предательскую политику Польскаго Коло: «Хотятъ представить польское дворянство, какъ элементъ революціонный», говорилъ т. Покровскій: «но вѣдь кому же неизвѣстно, что польскіе дворяне-землевладѣльцы консервативны до мозга костей? Ярые противники демократіи? Даже извѣстный либералъ, съ точки зрѣнія польскаго дворянства, Корвинъ-Милевскій, въ 1906 г. былъ противникомъ участія еврейскаго элемента въ земствѣ и предоставленія евреямъ избирательныхъ правъ въ земскихъ учрежденіяхъ». «Дипломатичное молчаніе» депутатовъ Коло при обсужденіи статьи о недопущеніи евреевъ отмѣтилъ и т. Кузнецовъ и заклеймилъ антисемитизмъ представителей польской буржуазіи.

Въ рѣчахъ нашихъ депутатовъ нашла свое мѣсто и критика либерализма. Тов. Кузнецовъ рѣзко протестовалъ противъ наивности господъ Родичевыхъ — «либеральныхъ кукушекъ», взывающихъ къ чести и совѣсти третье-іюньскихъ бандитовъ; указывалъ, что кадетскія чувствительныя рѣчи показываютъ ихъ полнѣйшее непониманіе совершающихся событій.

И т. Чхеидзе закончилъ слѣдующимъ призывомъ къ инородцамъ: «я за вами, господа, слѣжу 3 года и за все

это время я вижу одно: чѣмъ больше ваше смиреніе, тѣмъ больше васъ сгибаютъ въ бараній рогъ. Это не забудьте. Тутъ есть одинъ исходъ для васъ, г. г. инородцы, это именно мы всегда говорили вамъ и будемъ говорить: свобода русскаго народа есть ваша свобода, и то тѣхъ поръ, пока вы вмѣстѣ съ русскимъ народомъ не завоюете этой свободы, ваша національность будетъ попираться ногами, васъ считаютъ совершенно постороннимъ тѣломъ въ организмѣ русскаго государства, васъ надо или переварить или выбросить. Поймите это и отбросьте это зловонное исчадіе бюрократическаго творчества».

Въ результатѣ, даже въ 3-ей Думѣ законопроектъ едва нашелъ большинство. Противъ него голосовали даже реакціоннѣйшіе балтійскіе дворяне, справедливо опасавшіеся, что вслѣдъ за консервативными польскими панами можетъ настать очередь и реакціонныхъ балтійскихъ бароновъ.

И совершенно правъ былъ т. Покровскій, который сказалъ октябристамъ и правымъ: «шумите, г. г., шумите, сколько угодно; ... совершайте свою историческую миссію, но не заблуждайтесь, не полагайте, что ваша миссія въ возсозданіи былой мощи самодержавія Россіи; нѣтъ, ваша задача, ваша историческая миссія состоитъ въ окончательной ликвидаціи этого самодержавія ..., въ возбужденіи всего русскаго общества, всѣхъ элементовъ, возстановленіи ихъ противъ русскаго самодержавія, и это мы привѣтствуемъ».

Удачное заявленіе отъ имени фракціи сдѣлалъ т. Гегечкори, когда, преслѣдуя польскую національность, правительство внесло въ Думу законопроектъ объ отдѣленіи отъ Царства Польскаго, такъ называемой, Холмской губерніи (частей Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Заявленіе фракціи, указавъ на наше программное требованіе «права на самоопредѣленіе для каждой націи» слѣдующимъ образомъ характеризовало этотъ законопроектъ:

«Такъ какъ настоящій законопроектъ является плодомъ реакціонной политики правительства; такъ какъ онъ представляетъ логическое завершеніе вѣкового насилія самодержавнаго правительства надъ польской націей и является косвеннымъ отвѣтомъ на законное требованіе поляками автономіи; такъ какъ осуществленіе его лишаетъ еврейское населеніе Холмщины часто даже тѣхъ ограниченныхъ правъ, которыми оно тамъ пользуется въ настоящее время; такъ какъ онъ составляетъ посягательство на права и польской націи, и на права русскаго населенія Холмщины, которыми реакція собирается распорядиться безъ его вѣдома; такъ какъ оно преслѣдуетъ опредѣленную цѣль—обострить и разжечь національныя страсти и соперничество; такъ какъ православное населеніе Холмщины не только ничего не выиграетъ отъ того, что оно будетъ подчинено произвольной власти кіевскаго ген.-губернатора, вмѣсто ген.-губернатора Царства Польскаго, но рискуетъ

даже много потерять, ибо такимъ проектомъ вниманіе его отвлекается отъ истинныхъ причинъ его бѣдствій и страданій, т. е. господствующаго соціально-политическаго режима, и направляется въ сторону польскаго народа, который въ большинствѣ своемъ самъ бѣдствуетъ и угнетается... мы предлагаемъ Гос. Думѣ отклонить внесенный правительствомъ законопроектъ безъ передачи его въ комиссію».

Трехгодичный курсъ своихъ работъ Дума закончила, какъ извѣстно, экспропріаціей правъ у Финляндіи. Она приняла правительственный законопроектъ, согласно которому всѣ «общіе съ Россіей» вопросы должны рѣшаться русской Думой и Совѣтомъ съ участіемъ — для видимости — нѣсколькихъ финляндцевъ; а въ эти «общіе» вопросы, въ рѣшеніи которыхъ у Финляндіи отнималась самостоятельность, зачислены: бюджетъ, школа, собранія, союзы, печать, судъ, воинская повинность, почта, таможни, монеты и проч. и проч.

Только нѣкоторые изъ октябристовъ старались вывернуться и сдѣлать видъ, будто этотъ походъ на Финляндію не есть клятвопреступленіе Николая II; трудно было спорить противъ этой очевидности послѣ того, какъ *пять* царей клялись соблюдать автономію Финляндіи (Александръ I «торжественно» клялся «о святомъ сохраненіи основной конституціи Края сего», объ «управленіи этой страной, какъ націей свободной и пользующейся правами, гарантированными ей ея конституціей» и т. д. и т. д.). Другіе октябристы, а въ особенности правые и самъ Столыпинъ, откровенно признавали, что этотъ законопроектъ —голое насиліе надъ Финляндіей во имя «блага Россіи». Лидеръ октябристовъ Анрепъ открыто убѣждалъ отвлечься «отъ чисто юридическихъ нормъ и доктринъ» и «оцѣнить своевременность и необходимость законопроекта», а «этой необходимости да подчинятся всѣ мѣстные законы и всѣ мѣстныя конституціи». А болѣе откровенный Пуришкевичъ прямо заявилъ, что «теперь время дѣйствія, а не словъ» и что «русская армія, находящаяся въ Финляндіи, исполнитъ свой долгъ по первому требованію русскаго самодержца».

Позиція кадетъ была типичной для всѣхъ ихъ выступленій по національному вопросу: выясняя одну юридическую сторону дѣла они то умоляли октябристовъ «быть культурными» («подумайте только, какъ подобные учредительные акты проводятся въ государствѣ, претендующемъ быть культурнымъ» убѣждалъ Милюковъ); то приходили въ ужасъ отъ ихъ недальновидности и непониманія, что такимъ путемъ они вызываютъ и приближаютъ революціонный взрывъ («вы скатите страну по наклонной плоскости въ тотъ же позоръ и въ то же несчастіе, въ которое уже разъ ее скатили», взывалъ Родичевъ; «это такой актъ, послѣ котораго дѣйствительно можетъ быть подорвана вѣра въ

Россію», т. е. третье-іюньскую монархію — страшился Маклаковъ); то, наконецъ, кадеты показывали свое «національное лицо». Эти послѣднія, «государственныя» ихъ рѣчи были тѣмъ болѣе характерны, что дѣло шло о свободѣ маленькаго сосѣдняго «лояльнаго» государства, истинными защитниками котораго кадеты выставляютъ себя уже давно. Кадетскій лидеръ Маклаковъ открыто признаетъ, что «цѣль» и «задача» у него съ правительствомъ общія; но «путь для достиженія этой цѣли избранъ негодный», «нужно было идти путемъ, свойственнымъ силѣ, свойственнымъ могучему государству», ибо, прибавилъ онъ «*быть можетъ, благодаря ошибкамъ императоровъ* (такъ!) на пути уже лежала финляндская конституція,—ею нужно было воспользоваться». Нужно было, по его мнѣнію, отобрать отъ Финляндіи права «конституціоннымъ путемъ», а еслибы «финляндцы въ отвѣтъ на это не показали бы уваженія къ вашимъ интересамъ и сказали бы безумное «не позволимъ», я бы сказалъ вмѣстѣ съ вами, какъ я ни стою за законность, что бываютъ моменты, когда благо народа» (т. е. россійскихъ націоналистовъ) «послѣдній законъ; тогда вы могли бы воспользоваться преимуществомъ силы и совершить государственный переворотъ». А что совѣтуютъ теперь кадеты порабощеннымъ финляндцамъ: «голосъ элементарнаго благоразумія громко требуетъ отъ Финляндіи полной уступчивости» царской шайкѣ!

С.-д. точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ выяснили тт. Гегечкори и Чхеидзе, выступавшіе отъ имени фракціи. Краткимъ и выпуклымъ юридическимъ анализомъ тов. Гегечкори безъ труда показалъ, что въ новомъ «актѣ» мы имѣемъ явное клятвопреступленіе русскаго царя. Но этотъ анализъ нуженъ былъ товарищу, чтобы показать, что «разъ дано обѣщаніе, народъ не долженъ успокаиваться и почивать на лаврахъ своихъ побѣдъ. Мы, наоборотъ, и въ 1905 году призывали народъ не вѣрить обѣщаніямъ», удачно напомнилъ ораторъ с-д. фракціи. «Мы указывали на то, что всякое обѣщаніе, всякая уступка по существу являются вынужденными... Какъ примирите вы то, что сейчасъ происходитъ въ Финляндіи и въ Россіи, съ манифестами 17 и 22 октября?.. Мы всегда говорили и продолжаемъ говорить, что при настоящемъ общественно-политическомъ соотношеніи силъ — сила создаетъ право».

Т-щъ выяснилъ далѣе истинную подоплеку похода на Финляндію: «стремленіе при всеобщемъ запустѣніи уничтожить единственный уголокъ, единственный оазисъ свободной Финляндіи; стремленіе насадить въ Финляндіи истинно-русскихъ чиновниковъ, сдѣлать изъ этой области новый рынокъ для этого сквернаго товара и сравнять эту маленькую культурную страну со всѣмъ непорядкомъ, со всей некультурностью, со всѣмъ произволомъ, характеризующимъ Имперію», а подъ шумиху націонализма, въ атмосферѣ національной вражды и ненависти «обдѣлывать свои сословные интересы и дѣлишки».

А т. Чхеидзе достойно оцѣнилъ тактику кадетъ, «гоняющихся и пристающихъ» къ октябристамъ и «хлопочущихъ о томъ, какъ бы зарѣзать конституцію Финляндіи подъ конституц. соусомъ». Нарисовавъ картину, во что обратится финляндское правосудіе, если во главѣ его станетъ Щегловитовъ, финляндское народное образованіе—при Шварцѣ, Финляндія свободы при Столыпинѣ и Курловѣ, т-щъ сдѣлалъ великолѣпный революціон. выводъ изъ создавшагося положенія: «Да, гг., я полагаю, что ни одинъ заклятый вашъ врагъ не можетъ съ такой очевидностью обнаружить, до какой степени быстро идетъ самовараженіе и развалъ правительства, ни одинъ пропагандистъ не могъ бы лучше способствовать усвоенію той мысли, что кромѣ вреда, отъ вашей дѣятельности и отъ дѣятельности нашего правительства не можетъ быть». И т-щъ закончилъ интернаціональнымъ призывомъ: «мы посылаемъ свой товарищескій и дружескій привѣтъ финляндцамъ и скажемъ: да здравствуетъ свобода финляндская, да здравствуетъ свободный финскій народъ, долой варваровъ и варварское правительство!» [1]

Контръ-революція ставитъ и у насъ національный вопросъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ порядкѣ дня русской жизни. Много причинъ приводило и приводитъ къ этому. Національныя и религіозныя гоненія всегда служили огромнымъ факторомъ революціон. броженія; — естественно, что оправившаяся отъ удара реакція такъ яростно набрасывается на «инородцевъ» и «иновѣрцевъ»; сюда присоединяются и экономическія причины (стремленіе путемъ репрессій и ограниченій подавить конкуррентовъ въ торговлѣ и промышленности), и политическіе расчеты правящей клики (путемъ натравливанія на инородцевъ отвлечь народныя массы отъ истинныхъ нуждъ); въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и чисто карманные интересы промотавшихся дворянскихъ и сіятельныхъ сынковъ изъ «сферъ» и вороватой бюрократіи, жаждущихъ теплыхъ мѣстечекъ въ «покоряемыхъ окраинахъ» и т. д. и т. д. А въ результатѣ національное и религіозное угнетеніе достигаетъ теперь размѣровъ, невиданныхъ еще нашей исторіей.

И передъ думской фракціей встаетъ задача съ думской трибуны отмѣчать и давать оцѣнку и этому проявленію контръ-революціоннаго нашествія; помогать пропагандѣ и агитаціи и по этому вопросу среди пролетаріата вообще, и пролетаріата угнетенныхъ національностей въ частности; популяризировать и пропагандировать соотвѣтствующіе пункты нашей с.-д. программы.

Причемъ, дѣло не только въ разоблаченіи и клеймленіи явнаго черносотенства и узкаго національзма. Не менѣе вредна проповѣдь національзма, которую съ такимъ жа

---

1. Финляндскій законъ обсуждался въ Думѣ, начиная съ 21 мая 1910 г.

ромъ ведутъ за послѣднее время кадетскіе идеологи. Это они прославленіемъ «рус. государственности» и «національнаго лица» *на дѣлѣ* подготовляли походъ «государственности» третье-іюньской монархіи противъ «подчиненныхъ національностей». Это они навязываніемъ Столыпину роли Бисмарка (когда-то «объединившаго» Германію) давали ему возможность подъ «культурнымъ» національнымъ знаменемъ совершать черносотенные подвиги; это они «конституціонными» разговорами о «великой Россіи» давали возможность октябристамъ пытаться «жарить» угнетенныя національности подъ «конституціоннымъ соусомъ»; они перерядившись соколами, летали по заграничнымъ славянскимъ съѣздамъ, прославляя «величіе и мощь Россіи», т. е. царства Столыпина-Пуришкевича-Гучкова.

Этотъ «національзмъ» кадетъ не менѣе вреденъ, чѣмъ явное черносотенство, потому что, обманывая пышными и туманными фразами даже тѣ слои населенія, которые съ отвращеніемъ относятся къ погромной дѣятельности правительства, онъ *на дѣлѣ* поощряетъ и прикрываетъ травлю національностей со стороны контръ-революціоннаго блока. Разоблачать и клеймить и эту националистическую проповѣдь является современной и неотложной задачей партіи и ея органа — фракціи.

Что и на этомъ пути контръ-революціоннаго шествія реакціонныхъ союзниковъ ждать неминуемое пораженіе — это съ очевидностью показала трехлѣтняя работа Г. Думы. Ожесточены евреи, пошатнулись иллюзіи даже у самыхъ политически умѣренныхъ элементовъ еврейства; озлоблены поляки прямымъ издѣвательствомъ надъ ними; нанесенъ ударъ финляндской «лояльности», т. е. приверженности къ «законнымъ методамъ борьбы» финляндскихъ буржуазн. политиковъ; мирные татары массами шлютъ заявленія т. Бѣлоусову, на революціонную с.-д. возлагаютъ свои надежды; встревожились малороссы, литовцы, латыши, даже буряты; сами балтійскіе бароны, твердыня реакціи, по національному вопросу отбрасываются въ оппозицію и голосуютъ за провалъ правительственныхъ законопроектовъ.

Наши думскіе т-щи много сдѣлали въ агитаціи по національному вопросу, но еще больше имъ предстоитъ сдѣлать. Далеко не все сдѣлано ими для агитаціи въ рѣчахъ, запросахъ изъ того необъятнаго матеріала, который даетъ современная дѣйствительность; недостаточно разоблачена ими националистическая проповѣдь кадетъ; недостаточно популяризованы наши программныя требованія въ области національнаго вопроса. Національныя организаціи нашей партіи, будемъ надѣяться, помогутъ нашей фракціи пополнить и этотъ пробѣлъ.

Но что чрезвычайно удачно и очень умѣстно для настоящаго момента подчеркивала наша фракція при каждомъ своемъ выступленіи по національному вопросу, это — то, что освобожденіе Россіи есть необходимое условіе освобожденія угнетенныхъ національностей. Вопреки націоналистическимъ рѣчамъ депутатовъ польскаго Коло, разла-

гольствующихъ о правахъ Польши и шляющихся по передниимъ Столыпина; распинающихся за «польскій народъ» и организующихъ убійства польскихъ рабочихъ—соціальдемократовъ; націоналистической проповѣдью разъединяющихъ польскую и русскую демократію, — с.-д. депутаты выдвигали, наоборотъ, то основное положеніе, что только при побѣдѣ революціи въ Россіи будутъ обезпечены права національностей, объединяли пролетаріатъ всѣхъ національностей на борьбу за общедемократическіе лозунги. «Я думаю», заявилъ, между прочимъ, въ нынѣшнемъ году т. Чхеидзе (при обсужденіи бюджета Мин. Нар. Просвѣщенія 8-го марта), «что завоеваніе элементарныхъ правъ на существованіе для наиболѣе демократическихъ слоевъ русскаго общества, это — первое условіе для того, чтобы инородцы могли въ Россіи развивать свои духовныя силы на пользу себѣ и на пользу всей Россіи. И сходя съ этой трибуны, я обращаюсь съ этимъ призывомъ и здѣсь къ инородцамъ, и къ инородцамъ, населяющимъ Россію».

Каждымъ шагомъ своей дѣятельности контръ-революціонный блокъ доказываетъ истину этого положенія, вбиваетъ этотъ урокъ въ головы даже наиболѣе «мирныхъ», т. е. наименѣе сознательныхъ изъ угнетенныхъ «инородцевъ и иновѣрцевъ».

VI. СОЦ.-ДЕМ. ФРАКЦІЯ И ДУМСКОЕ РЕФОРМАТОРСТВО.

«Органическая» работа 3-ей Думы по существу была контръ-революціонная. Руководители думскаго большинства этого ничуть не скрывали. Порой тайно, порой открыто эту ихъ работу поддерживали и кадеты.

Конръ-революціонная дѣятельность Думы проявилась не только въ соціальномъ законодательствѣ (по рабочему и особенно по крестьянскому вопросу); еще въ болѣе циничной формѣ она выразилась въ рядѣ мелкихъ законопроектовъ.

Первое мѣсто по цинизму занимаетъ пресловутый законопроектъ о «пособіяхъ жертвамъ террора». На наглыя рѣчи черной сотни, танцевавшей дикій танецъ по поводу временнаго «одолѣнія» врага, упивавшейся кровью павшихъ борцовъ революціи, тов. Покровскій далъ отповѣдь смѣлой рѣчью, полной революціоннаго негодованія. «Въ революціонной борьбѣ принимали участіе не разбойныя партіи», отвѣтилъ онъ думской черной сотнѣ, «не разбойныя лица, а принималъ участіе весь народъ, всѣ демократическія массы (*шумъ справа*), и городской пролетаріатъ, многомилліонное крестьянство, стряхнувши косность, поднялось для борьбы съ отжившимъ полиц.-бюрократ. самодержавіемъ (*возгласы справа*: «довольно, довольно)». И т-щъ привелъ ужасающе-длинный синодикъ *нашихъ* жертвъ правительственнаго и буржуазнаго террора: казни, разстрѣлы

карательными экспедиціями, тюрьмы, лишенія мѣстъ, безработица отъ локаутовъ, погромы... «Я думаю, господа», крикнулъ думскимъ шакаламъ т-щъ, «что эти эпизоды изъ исторіи освободительной борьбы вполнѣ достаточны, чтобы характеристику разбойныхъ дѣйствій отнести къ дѣйствіямъ въ этой борьбѣ другой стороны — агентовъ правительства (*голоса:* довольно, довольно, долой; *шиканье, звонки предсѣдателя*; *голоса:* что это такое? нельзя слушать такія вещи!). И подъ ревъ собранія т. Покровскій громко заявилъ требованіе амнистіи, уничтоженія смертной казни. А т. Кузнецовъ внесъ слѣдующую формулу перехода:

«Принимая во вниманіе: 1) что правительство стремится всѣми силами подавить организованную и планомѣрную политическую борьбу; 2) что своей разрушительной войной противъ народа во имя привиллегій кучки крѣпостниковъ и хищниковъ оно вызываетъ и развиваетъ такіе нецѣлесообразные методы борьбы, какъ терроръ; 3) что въ этой войнѣ правительство разрушаетъ производительныя и культурныя силы страны, производя погромы и карательныя экспедиціи, совершая казни, отправляя борцовъ за освобожденіе народа въ каторгу, ссылку и тюрьму; 4) что данный законопроектъ представляетъ собою попытку поддержать эту реакціонную политику правительства со всѣми ея гибельными для страны послѣдствіями, — Гос. Дума отвергаетъ законопроектъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». (Зас. 8 февраля 1908 г.).

Выступленіе нашихъ депутатовъ было тѣмъ болѣе удачно и произвело тѣмъ большее впечатлѣніе, что это было единственнымъ послѣдовательно-демократическимъ заявленіемъ, раздавшимся тогда съ думской трибуны: кадеты явно холопствовали и устами Шингарева заявили: «мы должны, конечно, признать высокую обязанность государства обезпечивать его слугъ... Эта истина — совершенно опредѣленная и ясная (*голосъ справа:* прогрессъ!)». Трудовики, сбитые наглостью черной сотни, лепетали: «вашъ законопроектъ преждевремененъ»; «сама идея, положенная въ его основу, симпатична» (Булатъ); «и спора бы не было объ этомъ законопроектѣ, если бы не то освѣщеніе, какое старались придать ему» (Розановъ)—и т. д.

Облагодѣтельствовавъ жандармовъ и полицейскихъ, Дума рѣшила вознаградить *«пострадавшихъ тюремщиковъ»*. Т. т. Кузнецовъ и Сурковъ нарисовали ужасную картину жизни политическихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ и внесли слѣдующую формулу: «Принимая во вниманіе: 1) что жестокое обращеніе съ заключенными въ тюрьмахъ за послѣднее время сдѣлалось общераспространеннымъ явленіемъ, что кровавыя расправы съ политическими плѣнниками правительства все учащаются и принимаютъ все болѣе массовый характеръ; 2) что правительство не только не принимаетъ никакихъ мѣръ для прекращенія систематическаго избіенія заключенныхъ въ тюрьмахъ, но даже одобряетъ жестокія дѣйствія тюремныхъ агентовъ и такимъ [illegible]

томъ же направленіи; 3) что закономъ о предоставленіи чинамъ тюремнаго вѣдомства, пострадавшимъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, особыхъ пенсіонныхъ преимуществъ предлагается теперь народному представительству взять на себя долю моральной и политической отвѣтственности за преступное обращеніе съ заключенными, за ихъ убійства и нарушенія человѣческаго достоинства, — Госуд. Дума» и т. д. (Зас. 3 декабря 1908 г.).

Дума пошла еще дальше: при постоянномъ протестѣ нашихъ т-щей она озаботилась устройствомъ еще новыхъ сыскныхъ отдѣленій, увеличила количество тюремъ, прибавила жалованье тюремщикамъ и т. д.

Господская Дума старалась рублемъ подкупить на сторону контръ-революціи и *армію*.

Казакамъ предложено было подарить по лошади. Т. Полетаевъ заявилъ при этомъ, что с.-д. протестуютъ противъ этого подкупа и требуютъ «уничтоженія казачества, какъ военной секты (*шумъ справа, возгласы*: ого!) и подведенія казаковъ по отбыванію воинской повинности подъ общій законъ». Къ сожалѣнію, наша фракція и тутъ не воспользовалась случаемъ, чтобы огласить тѣ требованія, которыя предъявляли сами казаки въ революціонные дни и не противопоставила такимъ образомъ разглагольствованіямъ печальниковъ казачества изложеніе казаками ихъ собственныхъ нуждъ.

Октябристы обѣщали пенсіи («изъ особаго налога») нижнимъ чинамъ, которые будутъ искалѣчены на службѣ «царю и отечеству». Наша фракція, разумѣется, голосовала противъ этихъ пенсій.

Боязнь за армію продиктовала законопроектъ о «недопущеніи поднадзорныхъ къ отбыванію воинской повинности до окончанія срока надзора». Т. Шуркановъ протестовалъ противъ этого надругательства надъ поднадзорными, а Кузнецовъ указалъ на тщету всѣхъ попытокъ отгородить армію отъ народа и удачно напомнилъ, какъ въ 1905 и 06 г. г. «почти всѣ новобранцы во всѣхъ городахъ, призываемые въ армію, шли съ революціонными пѣснями и являлись въ призывные участки». «И я отъ имени с.-д. фракціи повторяю», закончилъ т-щъ, «что всѣ ваши способы борьбы противъ искорененія соціалистовъ изъ арміи будутъ безсильны».

Контръ-революціонная Дума позаботилась, конечно, и о томъ, чтобы подпереть расшатанную революціей и войной *«военную мощь» россійскаго самодержавія*. Эту сторону дѣятельности Дума предусмотрительно спрятала отъ народа въ тайникахъ такъ называемой «комиссіи государственной обороны» и въ «закрытыхъ засѣданіяхъ». Этотъ тайный заговоръ противъ народа не прошелъ, конечно, безъ должнаго разоблаченія со стороны нашихъ депутатовъ.

Надо напомнить, что блокъ правыхъ и октябристовъ не только не допустилъ въ эту комиссію никого даже изъ ли-

бераловъ, но и предложилъ дать ей право объявлять свои засѣданія закрытыми.

Кадеты униженно просились, чтобы ихъ пустилъ «купецкій самъ» Гучковъ; мы «безусловно признаемъ необходимость храненія государственной тайны» (отъ народа, очевидно) «народными представителями, клялись они въ своей резолюціи; «намъ всѣмъ обще и дорого чувство величія нашей родины», т. е. монархіи Николая II; «вѣдь вы создаете въ обществѣ возможность кривотолковъ, предположеній, самыхъ невѣроятныхъ мнѣній о томъ, что тамъ происходитъ», усовѣщивалъ Шингаревъ октябристовъ.

Даже трудовики путались, увѣряя октябристовъ, устами своего лидера Булата, въ своей государственной благонадежности и утверждая, что «на лѣвыхъ скамьяхъ нѣтъ и не было не только осужденныхъ, но и судившихся за государственную измѣну». А трудовикъ Кропотовъ говорилъ октябристамъ: «если мнѣ нельзя вѣрить, то вы прямо и скажите, что я недостоинъ быть членомъ Думы, и я тогда уйду отсюда и не буду болѣе членомъ Думы».

Лишь с.-д. ораторы свели споръ съ позорныхъ для демократа просьбъ о «довѣріи» и увѣреній въ своей благонадежности. «Черезъ ваши головы», заявили наши т-щи, «мы обращаемся къ народу съ протестомъ противъ нарушенія элементарныхъ правъ народнаго представительства»; на примѣрѣ японской войны т-щи показали цѣну квасному патріотизму, отказались участвововать въ позорномъ голосованіи и внесли мотированное заявленіе, въ которомъ протестовали противъ «механическаго подавленія меньшинства», противъ «принципа частныхъ соглашеній», остающихся тайной для Государственной Думы и для широкихъ народныхъ массъ, между господствующими въ Думѣ фракціями и бюрократіей»; противъ «нарушенія правъ народнаго представительства и принципа гласнаго обсужденія». «Въ заключеніи», заявилъ октябристамъ т. Гегечкори, «я хотѣлъ сказать вамъ, что нужно быть самимъ собою, что не нужно прикрываться маской, которую мы все равно постараемся съ васъ сорвать».

Дума 3-го іюня ухитрялась придавать контръ-революціонный характеръ даже такимъ законопроектамъ, которые по существу своему могли бы внести хотя и небольшое, но все же улучшеніе въ народную жизнь. Былъ внесенъ, напримѣръ, *законопроектъ объ условномъ осужденіи*; казалось бы, это — невинный и *по существу* полезный законопроектъ, дающій возможность судьямъ не заключать въ тюрьму такъ называемыхъ «случайныхъ преступниковъ». Кадеты уже поспѣшили привѣтствовать этотъ проектъ, какъ «свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ». Наша фракція указала, что «при настоящемъ положеніи вещей, при существованіи исключительныхъ положеній, при полномъ отсутствіи независимости и самостоятельности суда и судей, ждать положительныхъ и благодѣтельныхъ результатовъ отъ введенія настоящаго законопроекта могутъ

только политическіе Маниловы и политическіе младенцы»; и съ полнымъ основаніемъ фракція воздержалась при голосованіи.

Съ чувствомъ возмущенія и негодованія тов. Гегечкори заклеймилъ рѣчь Маклакова, просившаго правыхъ и октябристовъ распространить законопроектъ и на «политическихъ» и умолявшаго спасти «зеленую молодежь», покачнувшуюся въ опредѣленный моментъ, отъ разврата политической тюрьмы. Указавъ, что ни въ какой милости убѣжденные революціонные борцы не нуждаются, что своими словами кадетскій вождь отрекается даже отъ своихъ же осужденныхъ т-щей по партіи, какъ Колюбакинъ, Муромцевъ, Набоковъ, которыхъ за «зеленую молодежь» принять нельзя и которые, по выраженію Маклакова, являются «закоренѣлыми преступниками», т-щъ продолжалъ: «я спрашиваю г. Маклакова, съ точки зрѣнія честнаго демократа, съ точки зрѣнія истиннаго либерала, развратъ ли это»? «Ясно, г. г., до чего, до какихъ, я сказалъ бы, возмутительныхъ курьезовъ могутъ доходить люди, которые сдѣлали своею задачей (idée fixe) во что бы то ни стало примирить непримиримое, люди, которые исключительно занимаются только политической эквилибристикой»[1].

Въ концѣ концовъ законопроектъ принялъ реакціонную форму: освобожденіе было обусловлено унизительными формальностями, исключены «политическіе преступники» и т. д.

Та же участь постигла законопроектъ *о мѣстномъ судѣ*. Опять думскіе лицемѣры и политическіе младенцы стали бить въ литавры по поводу «правового уклада», и опять трезвое предостереженіе раздалось изъ устъ с.-д. депутатовъ. Указавъ на неслыханное безправіе народа и въ особенности демократическихъ элементовъ его, т. Бѣлоусовъ заявилъ: «мнѣ думается, что не съ хвоста слѣдовало начинать реформу правового уклада страны, а съ головы. Пока же дирижерская палочка будетъ находиться въ рукахъ почтенныхъ устроителей русской жизни, пока блестящія парадныя одежды правового государства будутъ прикрывать лишь произволъ, до тѣхъ поръ всѣ эти правовыя реформы будутъ оказываться простыми лоскутьями, оторванными отъ торжественной мантіи культурныхъ государствъ и пришитыми на грязный халатъ азіатской сатрапіи». Мѣстный судъ въ редакціи Щегловитова-Гучкова-Пуришкевича также получилъ реакціонную форму: судьи должны назначаться изъ лицъ съ высокимъ имущественнымъ цензомъ (наша фракція требовала избранія ихъ всеобщимъ голосованіемъ безъ всякаго ограниченія), лишены судейскихъ правъ хоть разъ осужденные за «политическія преступленія», до крайности стѣснено пользованіе «инородцами» на судѣ своимъ языкомъ и т. д.

Даже такой до очевидности простой законопроектъ, какъ *о Народномъ университетѣ имени Шанявскаго*, претер-

1. Засѣд. 26 октября 1909 г.

пѣлъ ту же судьбу: богачъ Шанявскій передъ смертью завѣщалъ свои капиталы на устройство народнаго университета, причемъ обязательнымъ условіемъ поставилъ свободную организацію его (въ завѣщаніи все это было оговорено).Дума, вопреки волѣ жертвователя, исковеркала постановку дѣла, ввела цензуру занятій, фильтровку лекторовъ и т. д.

Одинъ разъ Дума подошла вплотную къ вопросу, дѣйствительно неотложному и современному: она обсуждала *законопроектъ о неприкосновенности личности*. Думская комиссія такъ «обработала» этотъ законопроектъ, что даже октябристы смутились и передали его опять въ комиссію для «переработки», гдѣ онъ покоится и до сихъ поръ.

Тов. Гегечкори въ своей рѣчи выяснилъ все значеніе дѣйствительной неприкосновенности личности для дальнѣйшаго развитія страны вообще, для демократическихъ слоевъ населенія въ частности и для классовой борьбы пролетаріата въ особенности; указалъ, что самую полную свободу нынѣшнее дворянское правительство предоставляетъ помѣщикамъ-крѣпостникамъ и Союзу Русскаго Народа; что репрессіи противъ демократіи и исключит. положенія являются необходимымъ условіемъ существованія современнаго режима и уничтожатся только послѣ низверженія его: «овладѣвшая Россіей кучка такихъ крѣпостниковъ, какъ вы», обратился т-щъ къ думскому большинству, «объявила военную диктатуру и съ ея помощью держится у власти. Самодержавный режимъ есть политическая форма этой дворянской диктатуры, а исключительное положеніе является нормальнымъ условіемъ для существованія самодержавнаго режима». «Дѣйствительная неприкосновенность личности», закончилъ т-щъ, «будетъ завоевана народомъ, она будетъ побѣдоносно вынесена второй русской революціей на своихъ могучихъ плечахъ».

А какъ понимала сама Дума неприкосновенность личности — показываетъ та поспѣшность, съ которой она отказалась отъ признанія неприкосновенности даже депутата и съ которой она отдала на сожраніе Столыпину Косоротова и Колюбакина. По существу *устраненіе* изъ Думы *тов. Косоротова* было просто местью контръ-революціонной Думы представителю революціоннаго пролетаріата; преслѣдовали его за то, что онъ правильно, какъ с.-д., понималъ обязанность депутата, давалъ правильный отчетъ избирателямъ, откровенно рисовалъ имъ нынѣшнее положеніе. Но придраться къ этому Думѣ, приличія ради, было неудобно; все обвиненіе (и осужденіе) было построено на показаніи подкупленнаго стражника, яко-бы слышавшаго, какъ Косоротовъ призывалъ слушателей «стрѣлять въ сѣрыя шинели», т. е. солдатъ.

Наши т-щи (Гегечкори и Косоротовъ) безъ труда вскрыли явную нелѣпость этого показанія. Но не на этомъ сосредоточили свои рѣчи наши ораторы. Наоборотъ, т. Воронинъ прямо заявилъ: «передъ истинно-русскими держи-

мордами я свои права и права своихъ товарищей защищать не буду и не желаю; мы пойдемъ и защитимъ ихъ тогда, когда это будетъ возможно и при другихъ условіяхъ». Т-щи указали, что въ требованіи устраненія Косоротова они видятъ «начало крестоваго похода противъ с.-д. фракціи» (Гегечкори), выдвинули принципіальный вопросъ о депутатской неприкосновенности, какъ «краеугольномъ камнѣ, на которомъ строится народное представительство» (Покровскій). «Устраняя депутата Косоротова, вы бросаете вызовъ пролетаріату», сказалъ тов. Воронинъ, «и этотъ вызовъ безусловно, я думаю, пролетаріатъ приметъ». «Наше правительство», заявилъ т. Егоровъ, «какъ и большинство Гос. Думы, этимъ устраненіемъ члена Думы Косоротова хочетъ какъ бы застращать фракцію с.-д., чтобы она не выступала съ рѣзкой критикой нашего правительства. Но я скажу, что ни правительство, ни большинство Думы насъ, фракцію с.-д., не застращаетъ».

Единственнымъ законопроектомъ изъ всѣхъ, разсмотрѣнныхъ Думой за всѣ 3 года, закон-томъ, направленнымъ къ дѣйствительному облегченію положенія, хотя и небольшой группы населенія, былъ проектъ *о старообрядческихъ общинахъ*. Этимъ проектомъ Дума устанавливала значительную свободу совѣсти старообрядцамъ и даже — о ужасъ! — нѣкоторую свободу пропаганды ихъ ученія.

Секретъ, почему Дума, поѣдавшая «иновѣрцевъ» съ чрезвычайною жестокостью, оказалась милостивой по отношенію къ старообрядцамъ, заключался въ сравнительной политической благонадежности нынѣшнихъ руководителей этой секты, а также въ личной, родственной и выборной связи думскихъ октябристовъ съ «именитымъ старообрядческимъ купечествомъ».

Тов. Бѣлоусовъ въ продолжительной рѣчи напомнилъ гоненія самодержавія и православія на всѣхъ инако-вѣрующихъ, упомянулъ о недавнихъ жестокостяхъ правительства даже въ отношеніи мирныхъ сектантовъ.

Обсужденіе старообрядческаго законопроекта сопровождалось характерными инцидентами. Правые потребовали именного голосованія. Кадеты, опасаясь, что при открытомъ голосованіи «лѣвые» священники и другіе не очень храбрые либералы побоятся голосовать за «лѣвый» законъ, возражали противъ. С.-д. заявили, что и въ этомъ случаѣ они останутся вѣрны своей принципіальной позиціи. будутъ требовать полной отвѣтственности депутата передъ своими избирателями и населеніемъ и поддержали предложеніе правыхъ.

Когда «крамольный» законопроектъ былъ принятъ, правые демонстративно отказались отъ постатейнаго обсужденія, и оппозиція по нѣкоторымъ вопросамъ могла бы имѣть большинство. С.-д. внесли поправку, устанавливающую дѣйствительную свободу совѣсти: право для каждаго совершеннолѣтняго переходить, безъ всякаго разрѣшенія начальства, изъ одной религіи въ другую и во внѣ-

вѣроисповѣдное состоянiе, т. е. право на атеизмъ. Это — элементарное демократическое право, логически вытекающее изъ свободы совѣсти (какъ вынуждены были признать и кадеты), осуществленное уже во многихъ странахъ Запада. Демократы «народной свободы» голосовали противъ такого установленiя свободы совѣсти, за что были ѣдко вышучены т-щами Гегечкори и Полетаевымъ, еще разъ указавшими, какъ защищаютъ интересы демократiи кадеты.

Какъ извѣстно, Госуд. Совѣтъ отвергъ всѣ либеральныя поправки, внесенныя Думой къ этому законопроекту. Сiятельныя старыя песочницы верхней палаты позаботились такимъ образомъ добить конституцiонныя иллюзiи, которыми еще питались нѣкоторые отсталые слои старообрядчества.

Это — все мало-мальски крупное, что совершено было Думой за 3 года по части «реформаторства». Далѣе слѣдовало такое толченiе воды въ ступѣ, что нашимъ т-щамъ приходилось тратить не мало усилiй, чтобы поднимать дебаты на принципiальную высоту.

Очень долго Дума обсуждала законопроектъ *о правѣ застройки* въ городахъ и селенiяхъ. Т. Бѣлоусовъ выяснилъ демократическое требованiе въ области устройства городовъ: «однимъ изъ наиболѣе соотвѣтствующихъ интересамъ городского населенiя разрѣшенiемъ вопроса его культурнаго развитiя является безвозмездная передача всѣхъ земель городскихъ поселенiй въ полное распоряженiе самоуправленiй, основанныхъ на широкихъ демократическихъ началахъ.»

Дума не упустила случая и здѣсь, при опредѣленiи правъ на застройки, ограничить права евреевъ. С.-д. ораторы заклеймили и эту юдофобскую выходку черносотеннаго большинства.

Нѣсколько разъ думская рать, предводительствуемая содержателемъ пьяныхъ бань Челышевымъ, ополчалась на *борьбу съ пьянствомъ*. Три радикальныхъ средства нашли думскiе антиалкоголики, чтобы искоренить пьянство: увеличенiе емкости посуды, сокращенiе времени продажи вина и мѣры—запретительно-карательныя.

Наши т-щи каждый разъ указывали на лицемѣрный характеръ подобной «борьбы съ пьянствомъ», вскрывали связь алкоголизма съ тяжелой и необезпеченной жизнью трудящихся массъ, говорили о препятствiяхъ, которыя ставитъ и не можетъ не ставить дѣйствительной борьбѣ съ алкоголизмомъ правительство, одной рукой *якобы* сражающееся съ пьянствомъ, а другой рукой *дѣйствительно* спаивающее народъ, чтобы пополнить казенный сундукъ, преслѣдующее просвѣтительную дѣятельность и всякое улучшенiе положенiя рабочихъ и крестьянъ. «Для успѣшной борьбы съ пьянствомъ необходима наличность 3-хъ условiй», сказалъ т. Предкальнъ: «поднятiе экономическаго и культурнаго уровня народа до уровня, достойнаго человѣческаго существованiя; широкая самодѣятельность народныхъ

массъ на основѣ прочно установленныхъ гражданскихъ свободъ, наконецъ отказъ правительства дѣлать народное пьянство источникомъ дохода».

Ополчилась Дума и противъ разврата, мѣрами карательными противъ «*торга женщинами*». Тов. Кузнецовъ выяснилъ связь проституціи съ соціальнымъ положеніемъ трудящихся классовъ, указалъ на лицемѣрный характеръ борьбы буржуазіи съ проституціей и закончилъ: «только съ введеніемъ соціалистическаго строя можетъ исчезнуть этотъ порокъ позорной проституціи, который существуетъ въ буржуазномъ обществѣ.»

Два раза фракція поднимала вопросъ о нашей «*верхней палатѣ*»: одинъ разъ — по законопроекту объ измѣненіи порядка замѣщенія членовъ Государств. Совѣта. Т. Предкальнъ выяснилъ тогда реакціонную и антинародную роль верхнихъ палатъ вообще и нашей — въ особенности. И дѣйствительно, за эти три года нашъ Государственный Совѣтъ систематически вычеркивалъ все то немногое, что проскакивало либеральнаго въ думскомъ законодательствѣ: законопроектъ объ условномъ осужденіи онъ исковеркалъ окончательно; свободы старообрядцамъ вычеркнулъ; законопроектъ о страхованіи рабочихъ Министерства Финансовъ изуродовалъ еще больше, чѣмъ это сдѣлала Государственная Дума; изъ бюджета нынѣшняго года уменьшилъ тѣ жалкія подачки, которыя именуются смѣтой народнаго просвѣщенія, на 2 милл. рублей; и т. д. и т. д. Словомъ, даже самымъ слѣпымъ онъ далъ увидѣть все безвластіе Думы даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которые отмежеваны ей государственнымъ переворотомъ 3-го іюня. Недаромъ, когда октябристы по временамъ старались прикрыть свою реакціонную наготу какой-нибудь либеральной «поправочкой», съ правыхъ скамей раздавались возгласы: «трудитесь, трудитесь: Госуд. Совѣтъ все равно не пропуститъ!». И тов. Предкальнъ былъ, конечно, правъ, когда закончилъ свою рѣчь: «для насъ, для фракціи с.-д., существуетъ только одно пріемлемое предложеніе по отношенію къ Государственному Совѣту, это — полное его упраздненіе».

Второй разъ вопросъ о Госуд. Совѣтѣ всталъ въ Думѣ, когда думская черная сотня предложила измѣнить порядокъ выборовъ членовъ Госуд. Совѣта отъ польскихъ губерній съ такимъ разсчетомъ, чтобы обезпечить подавленіе поляковъ «истинно-русскими» черносотенцами. Фракція еще разъ вскрыла реакціонную роль Госуд. Совѣта и заклеймила націоналистическую травлю поляковъ.

Вопросъ о *мѣстномъ самоуправленіи* нашей фракціи удалось нѣсколько освѣтить при обсужденіи законопроекта о введеніи земства въ Астраханской губерніи. Тов. Предкальнъ указалъ на реакціонную политику нынѣшняго узко-дворянскаго земства и заявилъ: «по нашему мнѣнію, интересы рабочаго класса и широкихъ массъ трудового крестьянства, въ организаціи мѣстнаго самоуправленія.

найдутъ удовлетвореніе только въ томъ случаѣ, если къ дѣлу мѣстнаго самоуправленія дѣйствительно будетъ привлечено все мѣстное населеніе, если завѣдываніе дѣлами мѣстнаго самоуправленія не будетъ предоставлено, какъ привиллегія, только тѣмъ или инымъ кучкамъ населенія, если въ качествѣ избирателей въ органы мѣстнаго самоуправленія будутъ участвовать всѣ жители данной мѣстности, достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, если къ земскому дѣлу будетъ привлечено населеніе введеніемъ мелкой земской единицы и введеніемъ болѣе крупной единицы, чѣмъ губернское земство, т. е. введеніемъ областного земства» (зас. 19 ноября 1908 г.).

Судьбѣ угодно было незначительный законопроектъ *объ отпускѣ 300 мил. руб. на постройку Амурской желѣзной дороги* сдѣлать толчкомъ къ самоочищенію нашей фракціи. С.-д. отношеніе къ этому чуть не полу-милліардному подарку правительству было выяснено обстоятельно въ рѣчи т. Чхеидзе и слѣдующей формулѣ перехода, предложенной имъ:

«Принимая во вниманіе, 1) что проведеніе Амур. желѣзной дороги не вызывается въ настоящее время настоятельными экономическими побужденіями и повлечетъ за собою разорительные для страны расходы; 2) что громадныя средства, требующіяся на постройку этой дороги, могли бы найти лучшее примѣненіе въ смыслѣ поднятія экономическаго благосостоянія трудящихся массъ и народнаго образованія; 3) что и въ стратегическомъ отношеніи эта дорога послужитъ не средствомъ обороны, а проводникомъ непріятеля вглубь страны, и что амурская затѣя является продолженіемъ старыхъ дальневосточныхъ авантюръ; 4) что при современномъ направленіи внутренней политики, характеризующейся стремленіемъ къ возстановленію стараго режима во всей полнотѣ, создается удобная почва для внѣшнихъ осложненій, и что при такихъ условіяхъ народное представительство не должно предоставлять въ распоряженіе реакціи новаго оружія для авантюръ, какимъ въ ея рукахъ можетъ оказаться Амурская дорога, — Гос. Дума отвергаетъ законопроектъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ» (зас. 31-го марта 1908 г.).

Деп. Чиликинъ, тогда еще числившійся во фракціи, голосовалъ противъ ея рѣшенія и за награду правительству, согласно желанію пріамурскихъ обывателей. Результатъ оказался благопріятнымъ для фракціи и для Чиликина: «примкнувшій» депутатъ изъ фракціи сбѣжалъ, а фракція освободилась отъ несоціальдемократа-«попутчика».

Въ заключеніе укажемъ на отношеніе фракціи къ *вопросамъ думскаго обихода и распорядка.*

Фракція неизмѣнно воздерживалась отъ выбора президіума, мотивируя свое воздержаніе составомъ контръ-революціонной Думы, за работу которой она ни въ какой мѣрѣ не хочетъ брать на себя отвѣтственности, и постоянно-пристрастнымъ отношеніемъ предсѣдателя къ лѣвымъ де-

путатамъ. Въ концѣ концовъ ей удалось увлечь за собою всю «лѣвую», включая кадетъ, а трудовики выпрямили свою, первоначально путаную, мотивировку, будто они воздерживаются потому, что съ ними заранѣе не столковались на кандидатахъ (сессія 2).

Думскіе товарищи отлично понимали практически важное значеніе различныхъ *правилъ, регулирующихъ пренія*. Поэтому при обсужденіи думскаго «наказа» они энергичнѣйшимъ образомъ боролись за свободу слова съ думской трибуны, противъ насильственнаго прекращенія преній, произвольнаго ограниченія записи ораторовъ и т. д. Фракція боролась также противъ лишенія слова и удаленій даже по отношенію къ правымъ депутатамъ; она голосовала противъ октябристскаго проекта о штрафахъ за удаленіе.

Когда поднялся вопросъ о правѣ Думы выписывать изъ-за границы изданія безъ просмотра цензуры, т-щи устроили демонстрацію противъ цензурнаго гнета вообще. Тов. Предкальнъ указалъ на тяжелое положеніе нашей печати и заявилъ формулу о «необходимости скорѣйшаго осуществленія полной свободы печати». Ударъ былъ такъ неожиданъ и попалъ въ такое чувствительное мѣсто, что даже октябристы смутились; они поспѣшно объявили перерывъ, долго совѣщались и внесли потомъ формулу «о скорѣйшемъ пересмотрѣ законовъ о печати на началахъ манифеста 17 октября».

По законопроекту о назначеніи ежегоднаго (вмѣсто посуточнаго) вознагражденія депутатамъ Гос. Думы фракція внесла слѣд. заявленіе:

«Назначеніе народнымъ представителямъ содержанія, за счетъ государства, въ размѣрѣ, обезпечивающемъ правильное выполненіе ими возложенныхъ на нихъ обязанностей, является естественнымъ законнымъ требованіемъ широкихъ слоевъ населенія, желающихъ имѣть представителей изъ собственной среды, а не изъ среды имъ чуждой и враждебной; но, принимая во вниманіе, что внося такой законопроектъ, бюрократическое правительство какъ бы подводитъ итогъ дѣятельности 3-ей Думы, не разрѣшившей до сихъ поръ ни одного вопроса соціально-политической жизни широкихъ массъ, производитъ оцѣнку ея дѣятельности и выражаетъ ей свое довѣріе, и, прикрываясь этой Думой, стремится вернуться къ до-октябрьскимъ временамъ, с.-д. фракція высказывается противъ принятія разсматриваемаго законопроекта» (зас. 21 іюня 1908 г.).

Государственнымъ переворотомъ 3-го іюня 1907 г. правительство хотѣло опереться на представительство крѣпостниковъ-помѣщиковъ и верховъ торгово-промышленной буржуазіи, заключить блокъ съ этими контръ-революціонными элементами и при помощи ихъ попытаться приспособиться къ новымъ условіямъ жизни.

Первая задача — представительство помѣщиковъ, купцовъ и промышленниковъ, блестяще удалась: громадное большинство Думы состоитъ изъ этихъ элементовъ; оппозиція терпится, какъ вынужденная уступка недавней революціи, отъ с.-д. представителей желали бы отдѣлаться всѣми правдами и неправдами.

Не такъ блестяще обстоитъ дѣло съ «блокомъ». Угодить крѣпостникамъ-зубрамъ и удовлетворить хотя бы скромныя нужды буржуазнаго развитія оказалось не такъ легко. «Ракъ» — крѣпостникъ-помѣщикъ «пятится назадъ», торгопромышленная «щука» «тянетъ въ воду» буржуазнаго реформаторства, а «возъ» «соціальнаго законодательства» и «нынѣ тамъ». И нынѣшній *уже формальный* расколъ октябристской партіи служитъ лишь послѣднимъ и яркимъ выраженіемъ этой побѣды крѣпостниковъ надъ ихъ буржуазными союзниками.

Смѣло, съ большой вѣрой и надеждой, повелъ Столыпинъ свою контръ-революціонную рать по пути приспособленія монархіи Николя II къ капиталистическому развитію. Но 3 года по работѣ «приспособленія» не оправдали надеждъ. «Вся Россія недовольна», принужденъ сознаться и подвести горькій итогъ самъ Столыпинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлала Дума за 3 года своей дѣятельности?

При размотрѣніи бюджета мы видѣли то же безконтрольное и хищническое хозяйничанье бюрократіи, то же расхищеніе народныхъ средствъ, тотъ же застой въ развитіи производительныхъ силъ страны, то же обираніе населенія, низведеніе его до полнаго обнищанія и голодовокъ, тотъ же отказъ въ удовлетвореніи элементарныхъ культурныхъ потребностей, тотъ же произволъ и безсудіе во внутренней политикѣ, тѣ же авантюры — во внѣшней и т. д. и т. д. и т. д. *Никакого* прогресса ни въ области экономической, ни въ области политической. И тѣ немногія робкія буржуазно-либеральныя попытки, ограниченныя узкими предѣлами «незабронированной», т. е. ничтожной части бюджета, *систематически* проваливаются крѣпостниками нашей «Верхней палаты». Въ области соціальнаго законодательства мы видѣли единственную крупную буржуазную реформу — законъ 9 ноября, но проникнута и она дворянскимъ духомъ, и она проводится подъ диктатурой крѣпостника-помѣщика. Все же остальное думское реформаторство ни на іоту ни измѣнило въ чемъ-нибудь существенномъ прежняго, до-революціоннаго положенія, не разрѣшило ни одной задачи, выдвинутой буржуазнымъ развитіемъ Россіи. Робкій намекъ на дѣйствительную буржуазную реформу и рѣшительный прыжокъ назадъ въ объятія крѣпостниковъ, вотъ чѣмъ занималась Дума всѣ эти 3 года.

Въ результатѣ: ни одного требованія широкихъ массъ не удовлетворено; «національности» раздражены «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламеннаго» Кавказа. «Вся Россія недовольна».

Немудрено, что, какъ мыши съ тонущаго корабля, болѣе дальновидные изъ союзниковъ-октябристовъ спѣшатъ оставить блокъ и записаться по разряду «оппозиціи».

Программу контръ-революціоннаго «успокоенія» Столыпинъ-Гучковъ-Пуришкевичъ продѣлывали со всѣмъ жаромъ; въ этомъ направленіи сдѣлано ими все возможное и, кажется, невозможное. Но на «реформахъ» они споткнулись. Лавировать между Пуришкевичемъ и Гучковымъ Столыпину оказалось не подъ силу и онъ предпочелъ держаться поближе къ крѣпостническому берегу, потянувъ туда за собой и своего буржуазнаго союзника.

А партія «отвѣтственной оппозиціи его величества», кадеты, что дѣлали они за эти 3 года?

Смѣсь реакціонности, прямого предательства, либеральныхъ иллюзій, политической близорукости представляла собою за это время тактика кадетъ. Мы видѣли ихъ тактику въ бюджетныхъ преніяхъ: въ общемъ и цѣломъ они все время поддерживали правительство; мы видѣли ихъ выступленія въ вопросахъ соціальнаго законодательства: они растеряли даже свои бывшіе «соглашательскіе» либеральные лозунги (вспомнимъ ихъ нынѣшнее толкованіе принудительнаго отчужденія); мы ознакомились съ ихъ позиціей по національному вопросу: своей проповѣдью національзма они прикрывали «конституціонными» фразами черносотенную травлю «инородцевъ». Въ прошлыя сессіи они развращали населеніе своими надеждами на Столыпина, въ нынѣшнемъ году, «не вѣря больше въ правительство» (деп. Маклаковъ) они начинаютъ приставать и гоняться за октябристами, сѣять иллюзіи на счетъ истинной цѣны реформаторства этихъ контръ-революціонеровъ.

Наша фракція много поработала за это время для разоблаченія контръ-революціоннаго блока; можно сказать, что ни одинъ крупный шагъ его не прошелъ безъ должной оцѣнки со стороны с.-д. представителей.

Но далеко не все сдѣлано нашей фракціей для критики кадетскаго либерализма. Отсутствіе систематической критики его было недостаткомъ, проходящимъ красной чертой черезъ дѣятельность франціи, особенно въ первый годъ. А между тѣмъ, какъ уже неоднократно указывали наши съѣзды, конференціи, резолюціи Ц. К., критика буржуазнаго либерализма должна быть постоянной задачей партіи. Разоблачать его истинный характеръ; уничтожать остатки соглашательскихъ и примиренческихъ тенденцій, которыя служатъ только дѣлу контръ-революціи; отрывать отъ кадетской партіи тѣ демократическіе элементы, которые (какъ показали недавніе выборы) до сихъ поръ плетутся за ней, то по традиціи, то будучи прямо обманываемы либералами, является неотложной задачей Р. С.-Д. Р. П. и ея думскаго представительства.

VII. ЗАПРОСЫ.

Громадное агитаціонное значеніе думскихъ запросовъ отлично понимали правительство и думское большинство. Поэтому и закономъ, и думскими правилами («Наказомъ») установлены самыя стѣснительныя условія для нихъ. Для предъявленія запроса нужна подпись по крайней мѣрѣ 30 депутатовъ; когда запросъ вносится, сначала обсуждается его спѣшность, т. е. разсматривать ли его немедленно, или передать въ комиссію, и въ этомъ случаѣ говорить можно *только* съ формальной стороны о спѣшности, не входя въ существо запроса. По большей части Дума неизмѣнно отвергала спѣшность «лѣвыхъ» запросовъ и передавала ихъ въ комиссію. А какъ гноили ихъ эти комиссіи, показываетъ тотъ фактъ, что нѣкоторые запросы пролежали въ нихъ *безъ движенія больше 2-хъ лѣтъ* и такимъ образомъ, конечно, утратили свою современность и злободневность. Потомъ обсуждается вопросъ, «принять» ли запросъ; и только если Дума его приметъ, черезъ мѣсяцъ послѣ этого представитель правительства долженъ дать отвѣтъ.

Однако, даже связанная этими формальностями, наша фракція много сдѣлала для агитаціи этимъ путемъ.

Своимъ правомъ запросовъ она пользовалась прежде всего и больше всего для того, чтобы раскрывать борьбу правительства противъ организацій рабочаго класса, чтобы разоблачать отношеніи различныхъ думскихъ фракцій къ рабочему вопросу, чтобы освѣтить и облегчить борьбу пролетаріата.

Въ этомъ смыслѣ главнѣйшее значеніе имѣлъ *запросъ о преслѣдованіяхъ профессіональныхъ союзовъ.*

Богато обоснованный цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, запросъ этотъ долженъ былъ послужить пробнымъ камнемъ рабочелюбія думскихъ фракцій и выяснить отношеніе с.-д. къ профессіональному движенію.

Чутьемъ жандарма тов. министра Курловъ угадалъ, чѣмъ можно спаять вокругъ правительства и противъ пролетаріата всѣ буржуазные элементы Думы. Онъ сталъ разрисовывать «красную опасность»; доказывалъ, что союзы наши «занимаются не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ», что они — простое отдѣленіе Р. С.-Д. Р. П. «Если правительство не приметъ своевременно мѣръ, то мы встрѣтимся сначала съ политической забастовкой, а потомъ, быть можетъ, и съ вооруженнымъ возстаніемъ», припугнулъ онъ.

Разсчетъ его оказался правильнымъ, и эта его основная мысль была усвоена. Конечно, октябристъ-фабрикантъ Протоповъ хотѣлъ бы, чтобы «пресѣченія» по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ практиковались въ болѣе просвѣщенной формѣ, а не по рецепту: «тащить и не пущать», онъ хочетъ союзовъ «мирныхъ» и рѣшительно противъ согласованія ихъ дѣятельности съ с.-д. партіей, ибо это— [illegible] встрѣтить рѣшительное

осужденіе всѣхъ искреннихъ доброжелателей трудящагося люда». Конечно, кадеты Щепкинъ и Герасимовъ требуютъ отъ правительства еще большей «просвѣщенности», считаютъ достаточными тѣ проволочныя загражденія, которыя установлены правилами 4-го марта о союзахъ и умоляютъ «не обострять и не усложнять» «конфликтъ между трудомъ и капиталомъ».

Такимъ образомъ весь буржуазный блокъ сосредоточилъ все свое вниманіе на вопросѣ: какъ лучше всего бороться съ нынѣшнимъ профессіональнымъ движеніемъ, и споръ шелъ о наиболѣе цѣлесообразной формѣ борьбы: правительство и болѣе отсталая часть буржуазіи отвѣчали на это: путемъ репрессій. Октябристы, кадеты и всѣ «просвѣщенные» буржуа старались обезвредить союзы отъ с.-д. партіи, отъ «политики», ратовали за «нейтральность». Не отсталъ въ этомъ хорѣ и представитель польской буржуазіи, «народовый демократъ» Ржондъ; онъ тоже не можетъ «не упрекнуть» наши союзы «въ смѣшеніи этихъ двухъ элементовъ — политики и профессіональныхъ задачъ»; онъ сѣтуетъ на правительство, что оно не «возбуждаетъ довѣріе» въ союзахъ и «не привлекаетъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ спокойные элементы рабочаго класса».

Почему-то и трудовикъ Петровъ счелъ нужнымъ защищать союзы тѣмъ, что они «занимаются безобиднымъ дѣломъ, поддерживаютъ своихъ несчастныхъ безработныхъ т-щей», а заниматься политикой ихъ «заставляло безправное положеніе».

С.-д. ораторы, конечно, безъ труда вскрыли, что правительство лицемѣритъ, будто оно преслѣдуетъ проф. союзы за «политику» въ нихъ; они безъ труда доказали, что правительство не терпитъ *никакой* классовой организаціи пролетаріата. Но вопреки рѣшеніямъ Штуттгартскаго международнаго конгресса и нашего Лондонскаго съѣзда, вопреки неоднократнымъ постановленіямъ Ц. К. нашей партіи, т-щи, выступавшіе отъ имени фракціи, почему-то стали на точку зрѣнія «нейтральности» профес. союзовъ. А т-щъ Чхендзе даже счелъ возможнымъ заявить, будто «нейтральность проф. организацій на Штуттгартскомъ конгрессѣ была указана съ исчерпывающей ясностью».

Лишь т. Покровскій подходилъ къ партійной точкѣ зрѣнія, говоря: «если здѣсь говорятъ о естественной связи, которая существуетъ между политическими организаціями пролетаріата и профессіональными его организаціями, то мы утверждаемъ: да, эта связь несомнѣнно существуетъ и эту связь вы ни въ какомъ случаѣ, никакими полицейскими мѣропріятіями не уничтожите... Все проф. движеніе въ своемъ организаціонномъ развитіи и развитіи своей идейной дѣятельности, несомнѣнно приводитъ къ тѣсному соприкосновенію съ дѣятельностью политическихъ соціалистическихъ партій». И дальше: «что рабочая среда является для партіи пролетаріата естественной средой, это также понятно, какъ то, что для гг. Пуришкевичей

такой же средой является объединенное дворянство, или для гг. Гучковыхъ и бар. Тизенгаузеновъ — среда мукомоловъ, сахарозаводчиковъ и другихъ промышленниковъ.»

Но отъ этого еще далеко до опредѣленной резолюціи Штуттгартскаго конгресса, которая, между прочимъ, гласила: «борьба пролетаріата будетъ тѣмъ плодотворнѣе и успѣшнѣе, *чѣмъ тѣснѣе будетъ связь между проф. союзами и партійными организаціями*, при чемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду единство профессіональн. организаціи. Конгрессъ заявляетъ, что рабочій классъ долженъ стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ странахъ *создалась и упрочилась связь* между партіей и проф. союзами»... «Профессіональные союзы только тогда въ состояніи будутъ выполнять свой долгъ въ дѣлѣ освободительной борьбы рабочихъ, когда дѣйствія ихъ будутъ проникнуты *соціалистическимъ духомъ»*... и т. д.

А нашъ Лондонскій съѣздъ постановилъ: ... «съѣздъ напоминаетъ партійнымъ организаціямъ и соц.-дем., работающимъ въ проф. союзахъ, объ одной изъ основныхъ задачъ с.-д. работы въ нихъ — о содѣйствіи признанію профес. союзами идейнаго руководства с.-д. партіи, а также установленію организаціонной связи съ ней, и о необходимости тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволяютъ, проводить эту задачу въ жизнь».

Отношеніе правительства къ рабочимъ наша фракція выясняла также, внеся запросъ о незаконныхъ *циркулярахъ Глав. Фабричнаго Присутствія*, которые освобождали многія предпріятія, вопреки закону, отъ фабричнаго надзора, предписывали фабричнымъ инспекторамъ не составлять протоколовъ за нарушеніе правилъ хозяевами, «если это вызвано недостаточнымъ знакомствомъ съ закономъ»; незаконно передавали штрафныя деньги хозяевамъ въ предпріятіяхъ, освобождаемыхъ отъ надзора фабричной инспекціи и т. д. Въ объясненіяхъ по этому запросу фракція связала всѣ эти беззаконія съ общей политикой правительства, репрессивной по отношенію къ рабочимъ и благожелательной — къ капиталистамъ.

Далѣе слѣдовалъ рядъ запросовъ, касающихся положенія отдѣльныхъ категорій рабочихъ или отдѣльныхъ случаевъ притѣсненій и репрессій противъ нихъ.

Нѣсколько разъ наша фракція вносила запросы объ обираніи и притѣсненіяхъ *уральскихъ рабочихъ*, находящихся, какъ извѣстно, въ полукрѣпостной зависимости отъ заводовладѣльцевъ. Каждый разъ т. Егоровъ въ обстоятельной рѣчи, съ полнымъ знаніемъ жизни уральскаго пролетаріата, рисовалъ картину положенія горнозаводскихъ рабочихъ. Сущность этихъ запросовъ видна изъ слѣдующей формулы перехода, предложенной фракціей въ засѣданіи 30 апрѣля 1909 г.:

«Гос. Дума, выслушавъ объясненіе правительства по запросу о тагильскихъ заводахъ, признаетъ необходимымъ [illegible]

истекшее время, съ отчисленіемъ этой суммы за счетъ заводовладѣльцевъ Демидовыхъ; 2) немедленное принятіе мѣръ надзора за тѣмъ, чтобы владѣльцы производили разсчеты съ рабочими и служащими каждыя двѣ недѣли исключительно деньгами, а не талонами и товаромъ, и при нарушеніи законныхъ сроковъ разсчета неукоснительно штрафовались горнымъ надзоромъ; 3) оказаніе ежемѣсячнаго пособія безработнымъ и нуждающимся рабочимъ и служащимъ на случай сокращенія или пріостановки работы заводовъ въ счетъ поссессіонеровъ, съ участіемъ рабочихъ въ распредѣленіи этихъ суммъ; 4) признавая необходимымъ принятіе означенныхъ экстренныхъ мѣръ, Госуд. Дума придаетъ имъ значеніе палліатива; для кореннаго же рѣшенія вопроса необходимы: а) полная, немедленная и безвозмездная ликвидація поссессіоннаго права, какъ крѣпостническаго института и в) окончательное землеустройство мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ поссессіонныхъ, казенныхъ и частновладѣльческихъ горныхъ заводовъ на Уралѣ — при участіи землеустроительныхъ комитетовъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія».

Два другіе запроса, касавшіеся уральскихъ рабочихъ, указывали на неправильную постановку лѣченія ихъ и на незаконный залогъ поссессіонныхъ земель на Уралѣ ихъ владѣльцами.

Взрывы на копяхъ Донецкаго басейна и строительная катастрофа въ Петербургѣ дали поводъ нашимъ т-щамъ въ Думѣ указать, какъ преступно-небрежно нарушаютъ капиталисты элементарнѣйшія требованія безопасности работъ, и потребовать назначенія парламентской комиссіи для «всесторонняго разслѣдованія причинъ и условій, вызывающихъ непрерывный рядъ подобныхъ несчастій въ копяхъ Донецкаго района, а также и разслѣдованія положенія семей погибшихъ и пострадавшихъ при взрывѣ рабочихъ».

«Мнѣ думается, сказалъ при обсужденіи запроса о Рыковской катастрофѣ т. Кузнецовъ, «что рабочій классъ можетъ обезвредить себя отъ такихъ катастрофъ только тогда, когда образуются крѣпкія профессіональныя организаціи и когда онъ, какъ одинъ человѣкъ, станетъ подъ знамя Р. С.-Д. Р. П., этой дѣйствительной представительницы рабочаго класса, яркой и стойкой выразительницы и послѣдовательной защитницы его интересовъ». «Только законодательное сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ въ сутки,... установленіе уголовной отвѣтственности предпринимателей и привлеченіе представителей рабочихъ къ надзору за безопасностью горныхъ работъ можетъ явиться дѣйствительнымъ средствомъ для сокращенія числа несчастныхъ случаевъ».

По поводу *ареста 23 московскихъ рабочихъ* за участіе въ простой экономической забастовкѣ наши товарищи въ своемъ запросѣ и рѣчахъ указывали, чѣмъ была вызвана и

какъ протекала эта забастовка, какъ провоцировала полиція бастующихъ на насильственныя дѣйствія и съ какимъ наглымъ нарушеніемъ закона стачечники были арестованы.

Рядъ запросовъ, внесенныхъ нашей фракціей, касался *положенія политическихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ*. Репрессіи, издѣвательства, избіенія, разстрѣлы — длинной вереницей прошли въ этихъ запросахъ. Потрясающіе факты изъ жизни главнѣйшихъ тюремъ всей Россіи, собранные нашими товарищами, ясно доказывали правильность ихъ заключенія, что «тюремная администрація практикуетъ систематическія избіенія и истязанія заключенныхъ, неоднократно кончавшіяся ихъ смертью, а тюремная стража, по распоряженію начальниковъ тюремъ, стрѣляетъ въ заключенныхъ безъ всякаго предупрежденія чрезъ окна, убивая ихъ; что вслѣдствіе переполненія тюремъ, число заключенныхъ въ которыхъ въ настоящее время въ 3-4 раза превышаетъ норму, крайне антисанитарнаго состоянія ихъ и недостаточнаго и недоброкачественнаго питанія заключенныхъ, въ подавляющемъ большинствѣ тюремъ свирѣпствуетъ тифозная эпидемія, а также наблюдаются частые случаи скоротечной чахотки, и что такимъ образомъ мѣста заключенія превращаются въ кладбища для заключенныхъ и очаги заразы для остального населенія» (зас. 12 мая 1909 г.).

Комедія суда (стоившая каторжныхъ работъ для многихъ обвиняемыхъ) по дѣлу такъ называемой *Новороссійской республики*, когда на судѣ путемъ доносовъ, лишеній мѣстъ, высылокъ оказывалось давленіе на свидѣтелей, на судей, на защитниковъ, когда были сдѣланы прямые подлоги слѣдователемъ (это было установлено даже оффиціально), дала основаніе тов. Гегечкори еще разъ указать, какъ судъ превратился въ «боевую организацію» правительства, и напомнить временнымъ побѣдителямъ: «не захлебывайтесь, господа, временной побѣдой, иначе я тутъ скажу не громкія слова, не пустую фразу; а я скажу слова, которыя соотвѣтствуютъ и вытекаютъ изъ исторической правды: грозенъ будетъ часъ мщенія; грозна будетъ та буря, которую вы сами создаете, сѣя вѣтеръ; поистинѣ горе тѣмъ, которые злоупотребляютъ временнымъ безсиліемъ и долготерпѣніемъ народныхъ массъ».

Провокація, систематически практикуемая правительствомъ въ борьбѣ съ революціей, послужила предметомъ ряда запросовъ въ Думѣ.

Впервые дебаты о провокаціи возникли въ Думѣ по поводу запроса нашей фракціи *о провокаціи Виленскаго Охраннаго Отдѣленія*. Это почтенное учрежденіе ухитрялось на правительственныя средства перевозить черезъ границу противоправительственную литературу и оружіе, подкупая для этого черезъ сыщиковъ пограничную стражу.

Характерная картина развернулась въ дебатахъ и по этому вопросу. Смѣсь политической наивности, лицемѣрія и простого заигрыванія передъ Столыпинымъ представля-

ли собою рѣчи кадетъ: «я скажу совершенно искренно», говорилъ Маклаковъ, «что не подозрѣваю въ томъ, чтобы центральная власть поощряла и покровительствовала провокаціи... Это дѣло низшихъ агентовъ, а не центральной власти». Правильнѣе и цинично-откровеннѣе поставили вопросъ правые. «Запросъ этотъ нужно отвергнуть, ибо требовать отъ правительства то, чего оно дать не можетъ —чистыхъ пріемовъ въ нечистомъ дѣлѣ, нельзя», откровенничалъ Марковъ: «дѣйствительно, можетъ быть дѣйствіе охраннаго отдѣленія незакономѣрно..., некрасиво, нечестно, неблагородно, но такъ ведется дѣло и такъ должно вестись». Словомъ, идетъ борьба между правительствомъ и революціей, говорили правые, война жестокая, не на животъ, а на смерть, а вы требуете «чистыхъ средствъ»; наивно и глупо... Къ сожалѣнію, наши товарищи недостаточно опредѣленно приняли бой на той позиціи, на которую ставила вопросъ думская черная сотня; не вскрыли, что когда идетъ гражданская война, то всѣ «нечистыя средства» можно уничтожить только побѣдоносной борьбой съ врагомъ; т.щи должны были рѣшительно свести споръ съ смѣшныхъ разговоровъ о «закономѣрности» въ гражданской войнѣ и рѣзко заклеймить кадетское лицемѣрное разсужденіе о голубиной невинности «центра» правительства въ провокаціи; показать, наоборотъ, что провокація—нормальное и обязательное условіе существованія самодержавія.

Недостатки эти фракція въ значительной степени исправила при обсужденіи *запроса объ Азефѣ*.

Конечно, с.-д. фракція защищала свой самостоятельный запросъ, а не кадетски-октябристскій, который, какъ справедливо замѣтилъ т. Покровскій, своей узко-юридической формулировкой («извѣстно ли правительству, что Азефъ совершалъ террористическіе акты?» запрашивали либерали) давалъ возможность правительству стать въ благородную позу и подрѣзать весь запросъ заявленіемъ: «нѣтъ, Азефъ въ террористическихъ актахъ участія не принималъ».

Наоборотъ, с.-д. запросъ указывалъ почву провокаціи. «Система провокаціи», говорилъ т. Покровскій, перешла въ настоящее время въ систему управленія страной; система провокаціи является неотъемлемой частью режима умирающаго самодержавія (*голоса справа*: что такое? этого нельзя позволять; легче! *Звонокъ предсѣдателя*); провокація необходима правительству, разъ оно объявило войну своему народу, всей странѣ; не можетъ отказаться отъ провокаціи правительство азіатскаго деспотизма съ его политикой каторги, пытокъ и висѣлицъ».

Дальнѣйшіе дебаты еще болѣе рѣзко вскрыли разницу позиціи с.д-ской и либеральной. Кадеты договорились до того, что съ пламеннымъ негодованіемъ обвиняли правительство: «правительство имѣло возможность своевременно захватить цѣлый рядъ лицъ, причастныхъ къ организаціи» террористовъ, но оно «преступно бездѣйствовало, и въ

этомъ заключается второе преступленіе, въ которомъ я его обвиняю» (Пергаментъ). «Наша власть въ плѣну у охраны, и потому (!) наша внутр. политика пошла за политикой охраны», плакался Милюковъ; «правительство само не понимаетъ, что говоритъ и куда насъ ведетъ», просвѣщалъ онъ Столыпина. «Мы хотѣли засыпать пропасть между русскимъ обществомъ и правительствомъ», откровенно признавался лидеръ партіи соглашенія, вспоминая о своихъ тайныхъ переговорахъ въ 1906 г. съ Треповымъ въ генеральской передней.

Къ сожалѣнію все это, и многое еще другое, о чемъ разоткровенничался Милюковъ, осталось неиспользованнымъ ораторами нашей фракціи, если не считать краткаго замѣчанія т. Полетаева, почему народъ не пошелъ за кадетами, какъ они въ первыхъ двухъ Думахъ хотѣли обмануть «справедливой оцѣнкой» революціонное крестьянство, требовавшее конфискаціи всей земли, и какъ они ведутъ себя въ 3-ей Думѣ, «декламируя противъ висѣлицъ и тюремъ, а на дѣлѣ голосуя заемъ и давая деньги правительству, которыя пойдутъ на тѣ же тюрьмы и висѣлицы».

Изъ области внѣшней политики самодержавія, т-щи внесли въ прошломъ году запросъ о контръ-революціонныхъ похожденіяхъ въ Персіи знаменитаго *полковника Ляхова*. Объясненія нашего оратора по этому запросу вышли неудачны. Провоцируемый предсѣдателемъ, не дававшимъ говорить объ оффиціальныхъ дипломатахъ; прерываемый на каждомъ шагу «шумомъ, заглушающимъ слова оратора», какъ говорится въ стенографическихъ отчетахъ, тов. Покровскій сбился на противопоставленіе между оффиціальными и «самозванными» дипломатами, говоря о «двойственномъ положеніи» русской дипломатіи и т. д. Случай этотъ еще разъ показываетъ, въ какой тяжелой обстановкѣ приходится выступать с.-д. въ Думѣ.

Фракція освѣщала при обсужденіи запросовъ и крестьянское безправіе: по поводу истязаній при выколачиваніи податей въ Вятской губ. губернаторомъ Горчаковымъ, тов. Астраханцевъ охарактеризовалъ это событіе, какъ одно изъ проявленій крестьянскаго безправія. «Воронъ ворону глазъ не выклюетъ, и было бы наивно думать, что власть пойдетъ противъ власти», заявилъ т-щъ либераламъ, молившимъ Столыпина «положить предѣлъ» «беззаконію» Горчакова. «Только безпристрастный народный судъ раскроетъ во всей полнотѣ дѣянія господъ Горчаковыхъ, Рейнботовъ и другихъ угнетателей многоизмученнаго милліоннаго народа, и мы твердо увѣрены», закончилъ т-щъ, «въ томъ, что рано или поздно переполнится чаша народнаго гнѣва и вновь воспрянетъ духъ людской».

Огромное впечатлѣніе произвелъ запросъ нашей фракціи о нарушеніи правительствомъ такъ назыв. *96 ст. Основ. Законовъ*. Краткій смыслъ этой длинной исторіи «нарушенія», заключался въ томъ, что царь простымъ росчеркомъ пера уничтожилъ одно изъ правъ Думы по обсужденію

бюджета Морского Министерства: «основные законы» ясно говорятъ, что новые расходы по этому министерству требуютъ разрѣшенія Гос. Думы. Въ прошломъ году обсуждались штаты Морского Министерства. Поднялся страшный шумъ и въ печати, и въ Думѣ. Черная сотня утверждала, что Дума не имѣетъ права разсматривать ассигновокъ на эти штаты, что это значитъ «покушаться на державныя права царя», «отдѣлять армію отъ ея державнаго вождя» и т. д. Однако Дума, въ которой большинство составилось изъ октябристовъ, кадетъ и лѣвыхъ, рѣшило не уступать этого своего права. Разыгрался цѣлый «политическій кризисъ». Черная сотня грозила, что разгонятъ Думу октябристовъ-«младотурокъ», что выгонятъ «конституціоналиста» Столыпина и т. д.

27 апрѣля 1909 г. Николай, вождь черной сотни, разрѣшилъ вопросъ: рескриптомъ на имя Столыпина онъ отнялъ у Думы право разсматривать морскіе штаты, а 24 августа 1909 г. правительствомъ были изданы «правила», которыя «разъясняли» это ограниченіе правъ Думы. Такимъ образомъ изъ этого частнаго вопроса сдѣлали вопросъ общій— о правахъ царя, о правахъ самодержавія и о безправіи Думы, объ ограниченіи ея и безъ того урѣзанныхъ правъ.

Конечно, думская черная сотня ликовала, доказывая призрачность конституціи и реальность самодержавія; конечно, октябристы забили отбой, отказались отъ своихъ прошлогоднихъ либеральныхъ рѣчей и заискивающе восклицали: «имя вождя державнаго россійской арміи есть дѣйствительно великое имя!» (Шубинскій). Конечно, кадеты *отказались* дать свои подписи подъ запросомъ нашей фракціи, а въ рѣчахъ путались между формальными юридическими изысканіями и увѣреніями въ своей благонадежности. «Конституціоналисты» 3-ей Думы еще и еще разъ показали, насколько храбры они въ защитѣ «русской конституціи» отъ самодержавнаго пинка.

Тов. Гегечкори, выступившій отъ имени нашей фракціи, выяснилъ прежде всего, почему с.-д., «принципіальные противники основныхъ законовъ» и «менѣе кого либо другого заботящіеся о поддержаніи авторитета, если таковой имѣется, 3-ей Гос. Думы», вносятъ этотъ запросъ». «Именно мы, принципіальные противники существующаго политическаго строя, протестовали всякій разъ, когда реакція стремилась въ свою пользу урѣзать права народнаго представительства»; с.-д. должны «быть всегда впереди, когда рѣчь идетъ объ удержаніи за собою *завоеванныхъ* правъ населенія и правъ народнаго представительства».

И подтвердивъ обстоятельнымъ юридическимъ анализомъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ наглымъ нарушеніемъ писанной «конституціи», т-щъ добавилъ: «если мы вносимъ этотъ запросъ, если мы пускаемся въ область юридическихъ толкованій, то это только для того, чтобы лишній разъ раскрыть лицемѣріе правительства». «Мы, конечно, прекрасно знаемъ, что не юридическими норма-

ми, не юридическими толкованіями и хитросплетеніями въ концѣ концовъ устанавливаются взаимоотношенія народовъ, государствъ, а тоже классовъ и сословій внутри государства. Мы прекрасно знаемъ, что въ концѣ концовъ все дѣло рѣшаютъ взаимоотношенія существующихъ борющихся общественныхъ реальныхъ силъ», и «наши законы только тогда будутъ соотвѣтствовать интересамъ и потребностямъ массъ населенія, когда они будутъ продиктованы непосредственной волей народа».

А другой с.-д. ораторъ, т. Покровскій, специально указалъ на политическіе выводы, которые слѣдуютъ изъ этого нарушенія конституціи: «народъ не обольщается вашимъ конституціоннымъ цвѣткомъ, изъ-за котораго черезчуръ выпукло проглядываетъ кровавая пасть до конституціоннаго звѣря». «Подъ вліяніемъ вашей работы», обратился онъ къ холопствующимъ «конституціоналистамъ» третьей Думы, «конституціонныя иллюзіи гибнутъ, и остается черная дѣйствительность, и изъ этой комбинаціи русскій народъ сумѣетъ сдѣлать надлежащіе выводы».

И совершенно правъ былъ т. Гегечкори, когда, подводя итоги преніямъ по запросу, онъ сказалъ: «задача, которая преслѣдовалась нашимъ запросомъ, весьма ясна и опредѣленна. Задача эта естественно и логически проистекаетъ изъ основной задачи всего нашего пребыванія въ Госуд. Думѣ. Мы полагаемъ, что каждымъ нашимъ выступленіемъ мы должны освѣщать фактическое положеніе вещей, и въ настоящемъ случаѣ, пользуясь наиболѣе яркимъ обстоятельствомъ, изданіемъ правилъ 24 августа, съ нашей точки зрѣнія безусловно незакономѣрныхъ, мы хотѣли доказать пролетаріату и народнымъ массамъ, что для нашего правительства право, что для нашего правительства законъ, это — звукъ пустой, и этой цѣли, этого результата мы безусловно достигли».

Наша фракція воспользовалась дебатами по этому запросу, чтобы отвѣтить отпоромъ, достойнымъ представителей революціоннаго пролетаріата, на доносъ на фракцію сіятельнаго доносчика, графа Бобринскаго, на съѣздѣ «благородныхъ» дворянъ и на его мольбы къ правительству «убрать» изъ Думы с.-д. депутатовъ. «Я заявляю», смѣло отвѣтилъ т. Гегечкори, «что несмотря на доносъ, несмотря на насилія и угрозы, фракція, которая засѣдаетъ въ этихъ стѣнахъ, *ни на іоту не отступитъ отъ предначертанныхъ ею задачъ и цѣлей защиты интересовъ рабочаго класса.*»

Заключеніе.

Въ «введеніи» мы указали, что въ спорахъ объ отношеніи къ думской фракціи успѣли выразиться и оформиться опредѣленныя теченія внутри партіи. Опытъ трехлѣтней дѣятельности фракціи даетъ возможность подвести *практи-*

ческіе итоги этимъ спорамъ *и съ точки зрѣнія уроковъ жизни* дать оцѣнку этимъ теченіямъ.

Начнемъ съ отзовизма.

Первымъ и существеннѣйшимъ вопросомъ является вопросъ о томъ, какъ представляютъ себѣ отзовисты роль и значеніе 3-ей Государственной Думы; ибо въ зависимости отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на 3-ю Думу, опредѣлится и наше отношеніе къ с.-д-скому представительству въ ней.

Черезъ всю литературу отзовистовъ-ультиматистовъ (и ихъ преемниковъ — «впередовцевъ») красной нитью проходитъ ихъ та основная ошибка, что они не замѣчаютъ, не понимаютъ или не учитываютъ рѣзко измѣнившагося за послѣніе годы политическаго положенія, а, слѣдовательно, и значенія 3-ей Думы въ этой перемѣнѣ. Абсолютизмъ, искавшій въ 1905-06 гг. формы приспособленія, колебавшійся, нельзя ли править вмѣстѣ съ кадетской Думой, отвѣчавшій государственными переворотами на измѣненія политическаго положенія, — съ 1907 года становится на путь сознательнаго приспособленія къ условіямъ буржуазнаго развитія, работаетъ надъ созданіемъ себѣ соціальной опоры въ буржуазныхъ классахъ. Этой особенности момента, а также роли и значенія 3-ей контръ-революціонной Думы, не оцѣниваютъ тт. отзовисты.

Напримѣръ, ихъ петербургская резолюція (приведенная въ № 44 «Пролетарія») отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «наша Государственная Дума не можетъ быть разсматриваема, какъ парламентъ, работающій въ рамкахъ политической свободы и при извѣстной свободѣ классовой борьбы пролетаріата, а является лишь сдѣлкой между царизмомъ и крупной буржуазіей и попыткой при помощи этой поддѣлки подъ парламентъ сохранить основы самодержавно-бюрократическаго режима».

Оставимъ въ сторонѣ выраженный здѣсь ложный общетеоретическій взглядъ о якобы противоположности «парламента» «сдѣлкѣ». Любой парламентъ во всемъ мірѣ представляетъ собою арену сдѣлокъ между господствующими классами: или между различными буржуазными партіями противъ пролетаріата, какъ въ странахъ демократическихъ и республиканскихъ (Франція, Америка); или сдѣлка эта происходитъ, также противъ пролетаріата, между различными буржуазными классами и представителями *старой* власти (императорами, королями и другими пережитками средневѣковья) — какъ въ Германіи, Испаніи и т. д. Это буржуазные демократы любятъ разглагольствовать объ «общенародномъ» законодательствѣ въ «парламентахъ»; с.-д., наоборотъ, не только не затушевываютъ этого значенія буржуазныхъ парламентовъ, но ставятъ своей задачей разоблачать каждую сдѣлку противъ пролетаріата со стороны буржуазныхъ парламентеровъ.

Но насъ интересуетъ сейчасъ взглядъ отзовистовъ на нашу 3-ю Думу. Выходитъ по ихъ резолюціи, что наша

Дума, какъ не «работающая въ рамкахъ политич. свободы» «не можетъ быть разсматриваема, какъ парламентъ», а какъ простая «сдѣлка между царизмомъ и буржуазіей».

Что наша 3-ья Госуд. Дума не есть «парламентъ» въ общепринятомъ смыслѣ, т. е. что она не олицетворяетъ собою правового уклада государства — это совершенно вѣрно: она не имѣетъ даже такого элементарнаго права, (которое имѣли и средневѣковые сословные парламенты), какъ права въ отказѣ въ бюджетѣ, даже права обсуждать *весь* бюджетъ; ея вотумы, по закону, не имѣютъ никакого вліянія на составъ министерства и, слѣдовательно, на направленіе политики; ея дѣятельность можетъ быть парализована контръ-рѣшеніями Госуд. Совѣта; въ настоящій моментъ отсутствуютъ элементарнѣйшія парламентскія и политическія свободы (что, конечно, затрудняетъ дѣло использованія думской трибуны) — и т. д.

Но для правильнаго пониманія значенія 3-ей Думы одного этого указанія далеко недостаточно.

Буржуазные демократы полагаютъ, что если данное представительное учрежденіе работаетъ «въ рамкахъ политич. свободы», то это настоящій, не фиктивный «парламентъ». Марксисты же смотрятъ не только на то, есть ли «рамки политич. свободы», а и на то, *какъ* выражаетъ данное представительное учрежденіе взаимоотношеніе различныхъ классовъ. И наша 3-ья Дума, хотя она и работаетъ «въ рамкахъ» полнаго отсутствія политической свободы, гораздо болѣе реальный, гораздо менѣе фиктивный «парламентъ», чѣмъ 1-я и 2-я Думы, когда политич. свободы было больше; ибо 3-я Дума *гораздо правильнѣе*, чѣмъ первыя двѣ кадетскія, выражаетъ *взаимоотношеніе господствующихъ классовъ и правящей власти*. Не разъ уже мы указывали, что актомъ 3-го іюня, создавшимъ 3-ю Думу, правительство заключило союзъ съ черносотенными помѣщиками и торгово-промышленными тузами; что этотъ союзъ правительство облекло въ форму представительства отъ этихъ классовъ въ національномъ масштабѣ. На рядѣ фактовъ изъ трехлѣтней дѣятельности 3-ей Думы мы видѣли (см. главы о бюджетѣ, о соціальномъ законодательствѣ), какъ реализовался (или дѣлались попытки реализовать) этотъ блокъ Столыпина съ Пуришкевичемъ и Гучковымъ. Впервые теперь этотъ союзъ (простыя «сдѣлки» бывали и прежде, гораздо раньше) царизма съ контръ-революціонной буржуазіей заключается на аренѣ обще-государственныхъ учрежденій, наглядно показывается на рядѣ примѣровъ. И пусть «демократы» изъ кадетъ, «соціалисты» изъ с.-р-овъ произносятъ напыщенныя фразы насчетъ «фиктивности» «картоннаго» парламента. Классовый анализъ, которымъ пользуется марксизмъ, долженъ предохранить с.-д-въ отъ поверхностнаго вульгарно-демократическаго «пренебреженія» истиннымъ значеніемъ контръ-революціонной Думы.

А если 3-я Дума есть заключающійся во всероссійскомъ

масштабѣ союзъ контръ-революціонныхъ силъ противъ демократическихъ слоевъ населенія, то задача с.-д-іи здѣсь, въ центрѣ враговъ, съ думской трибуны разоблачать этотъ союзъ, раскрывать его передъ всѣмъ народомъ, звать демократію и прежде всего пролетаріатъ къ борьбѣ противъ этого контръ-революціоннаго блока, организовывать борьбу.

Но вамъ не удастся этого сдѣлать, предсказывали отзовисты: «с.-д-ія не можетъ использовать Думу для агитаціонной и организаціонной цѣлей путемъ думской трибуны», пишутъ петербургскіе отзовисты; въ томъ же духѣ вторятъ ихъ московскіе т-щи (см. ихъ резолюцію въ № 31-мъ «Пролетарія»).

Трехлѣтній опытъ теперь уже *фактами* доказалъ, какими плохими пророками были отзовисты. Каждый крупный шагъ контръ-революціоннаго блока служилъ для нашей фракціи поводомъ для революціоннаго выступленія, агитаціоннаго или пропагандистскаго характера. Послѣ рѣчей нашихъ депутатовъ въ связи съ обсужденіемъ бюджета, по поводу рабочаго, крестьянскаго законодательства и другихъ реформъ 3-ей Думы, послѣ ряда запросовъ, теперь не можетъ быть двухъ мнѣній, что наша фракція не только *можетъ использовать*, но *использовала и используетъ* 3-ю Думу для пропагандистскихъ и агитаціонныхъ цѣлей. Это замѣтили и усвоили, несравненно лучше отзовистовъ, наши реакціонеры. Мы уже говорили о доносѣ гр. Бобринскаго и его просьбѣ «убрать» с.-д. депутатовъ изъ 3-ей Думы; указывали мы и на крестовый походъ со стороны Щегловитова—Столыпина, «убравшихъ» т-ща Косоротова. 8-го марта нынѣшняго года правый депутатъ Березовскій заявилъ въ Думѣ: «я не думаю, чтобы успокоеніе въ странѣ, когда мы слышимъ съ этой трибуны призывъ къ будущей революціи, наступило скоро и окончательно». Вотъ какъ оцѣнили значеніе фракціи наши лютѣйшіе враги. «Служители реакціи практики, не краснобаи», какъ давно еще сказалъ Лассаль.

«Главная работа с.-д. депутатовъ», утверждали московскіе отзовисты, «свелась къ разработкѣ законопроектовъ, къ засѣданію въ комиссіяхъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ, къ внесенію мелкихъ поправокъ».

Это — образецъ поразительной неосвѣдомленности, непониманія и недальновидности тт. отзовистовъ. Никогда, за все это время, «главная работа с.-д. депутатовъ» не сводилась къ комиссіонной дѣятельности. Думскіе дебаты, наоборотъ, выдвигали такую массу вопросовъ, требующихъ *настоятельно* с.-д. освѣщенія, что только ограниченныя силы нашей фракціи не давали возможности всѣхъ ихъ должнымъ образомъ использовать. Наша фракція имѣла такую массу выступленій, разработала съ думской трибуны такую массу вопросовъ, что утверждать, будто «главная работа» фракціи совершалась гдѣ-то въ тайникахъ комиссій, можно *въ лучшемъ случаѣ* по незнанію. А что касается «разработки законопроектовъ», то *слабая* сторона

дѣятельности фракціи состоитъ въ томъ, что она не успѣла ихъ достаточно «разработать»: внесеніе собственныхъ рабочихъ законопроектовъ (о стачкахъ, союзахъ, 8-ми час. рабочемъ днѣ, страхованіи), сопровождающихся объяснительной запиской и популяризирующихъ нашу рабочую программу, имѣло бы громаднѣйшее агитаціонное значеніе; и нѣтъ сомнѣнія, что фракція въ ближайшемъ будущемъ выполнитъ и эту свою задачу[1].

Какимъ образомъ вся эта пропагандистская и агитаціонная дѣятельность можетъ «способствовать укрѣпленію конституціонныхъ иллюзій», какъ утверждаютъ, вопреки логикѣ и фактамъ, московскіе отзовисты, это остается ихъ секретомъ. Вѣдь *вся* дѣятельность нашей фракціи за *все* разсматриваемое время была направлена на то, чтобы на *каждомъ* примѣрѣ доказывать, что «органическое законодательство» 3-ей Думы *безсильно* рѣшить задачи, выдвинутыя революціей. «Подъ вліяніемъ вашей работы конституціонныя иллюзіи гибнутъ», говорилъ т. Покровскій думскому большинству при обсужденіи запроса о 96 ст.; «остается черная дѣйствительность, и изъ этой комбинаціи русскій народъ сумѣетъ сдѣлать надлежащіе выводы». И этотъ выводъ изъ «ихъ» работы т-щи повторяли и доказывали неоднократно. Наша партія содѣйствовала бы «укрѣпленію конституціонныхъ иллюзій», если бы она наоборотъ, отказалась съ думской трибуны разоблачать истинное значеніе 3-ей Думы и ея дѣятельности. Укрѣпляютъ конституц. иллюзіи такіе бойкотисты, которые, какъ с.-р., провозглашаютъ[2]: *такъ какъ* «большинство Думы не хочетъ слушать лѣвыхъ депутатовъ», то «идти въ Думу безполезно». Это — самый доподлинный буажуазный парламентскій кретинизмъ, который цѣнить Думу только съ точки зрѣнія возможности урвать тамъ «шерсти клокъ», т. е. хоть какихъ-нибудь реформъ, и который совершенно не понимаетъ, что парламентскую трибуну нужно цѣнить прежде всего съ точки зрѣнія революціонной пропаганды и агитаціи.

Много писали и говорили отзовисты о «личномъ составѣ» нашей фракціи, якобы совершенно безнадежномъ въ смыслѣ способности къ революціоннымъ выступленіямъ. «Фракція не могла и не можетъ быть твердой и послѣдовательной представительницей революціоннаго пролетаріата» «и по причинѣ ея неудовлетворительнаго состава», предсказывали петербургскіе отзовисты; «качественный составъ с.-д. фракціи дѣлалъ также невозможной агитаціонную и организаціонную дѣятельность ея», твердили и московскіе отзовисты. Т. Роза Люксембургъ доказала уже (см. ст. «Ре-

---

1. Надо, однако. и здѣсь не упускать изъ виду, что нигдѣ въ мірѣ въ этой области с.-д. фракція не работаетъ безъ содѣйствія партіи, которая даетъ ей не только частныя указанія (какъ это бываетъ и у насъ), но и цѣлыя резолюціи и обработанные законопроекты соціально-политическаго характера, санкціонированные съѣздами партіи и профессіональныхъ союзовъ.

2. См. ихъ сборникъ «за народъ», изд. Ц. К., передовица № 17.

волюціонное похмѣлье» въ № 44 «Пролетарія») всю не соціальдемократичность подобныхъ ссылокъ на «личный составъ». Она указала, что «личный составъ парламентскихъ фракцій имѣетъ для буржуазныхъ партій и для партіи сознательнаго пролетаріата совершенно различное значеніе соотвѣтственно основному различію въ отношеніи той и другихъ къ парламентаризму вообще»... «Для буржуазныхъ партій, политическая борьба которыхъ исчерпывается стремленіемъ къ проведенію опредѣленныхъ законодательныхъ мѣръ, равно какъ къ занятію правительственныхъ постовъ, въ парламентѣ сосредоточивается весь механизмъ политическихъ преобразованій, центръ политической борьбы. И личныя достоинства и недостатки фракцій имѣютъ поэтому для нихъ громадное значеніе. Какъ поле для всякихъ сдѣлокъ съ правительствомъ и съ другими партіями, для безпринципныхъ комбинацій и искуснаго использованія конъюнктуры въ погонѣ за звонкой монетой осязательныхъ успѣховъ, буржуазный парламентъ является превосходнымъ поприщемъ для личныхъ талантовъ партійныхъ лидеровъ. Однако, и тутъ личный элементъ находитъ свои объективныя границы въ томъ чисто «матеріалистическомъ» обстоятельствѣ, что и въ буржуазныхъ классахъ не личные таланты парламентскихъ вождей создаютъ могущество или ничтожество партіи, а, наоборотъ, общее политическое положеніе партіи въ странѣ, ея вліятельность или безсиліе, въ силу ея классового характера и связаннаго съ нимъ общаго направленія ея политики, создаютъ поприще для талантливости или бездарности ея парламентаріевъ... Въ Россіи рядъ безъ сомнѣнія блестящихъ парламентскихъ талантовъ, которыми располагаетъ партія кадетовъ, является ввиду внутренняго безсилія и банкротства этой партіи, трагикомической ненужностью, еще болѣе лишь подчеркивающей ея плачевное положеніе, въ то время, какъ господами положенія въ Думѣ являются грубые и идейно безграмотные Пуришкевичи.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ партіи пролетатаріата. Считая парламентскую дѣятельность лишь однимъ изъ орудій классовой борьбы, пролетаріатъ направляетъ свои усилія прежде всего не на достиженіе непосредственныхъ осязательныхъ успѣховъ въ видѣ мелкихъ законодательныхъ реформъ, а на выясненіе въ парламентѣ при каждой возможности своихъ классовыхъ интересовъ и задачъ. Парламентская фракція соціальдемократіи и ея дѣятельность являются, такимъ образомъ, лишь отраженіемъ политическаго сознанія передовыхъ слоевъ пролетаріата, и дѣятельность фракціи приходится считать тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе и точнѣе она отражаетъ и передаетъ то, что составляетъ духовное содержаніе классовой борьбы пролетаріата въ странѣ. Личное значеніе и таланты отдѣльныхъ парламентскихъ дѣятелей здѣсь несравненно меньше рѣшаютъ, чѣмъ въ буржуазныхъ партіяхъ. Соціальдемократическіе парламентаріи являются, такимъ образомъ, по самому своему призванію лишь глашатаями тактики, устанавливаемой самой пролетарской партіей въ

цѣломъ, при возможно широкомъ участіи и контролѣ возможно болѣе широкихъ рабочихъ массъ. Поэтому, независимо отъ второстепеннаго вопроса о большей или меньшей талантливости парламентскихъ выступленій, тактика пролетарскихъ депутатовъ въ цѣломъ, какъ и въ каждой частности, не можетъ по своему существу быть дѣломъ самихъ парламентаріевъ, а можетъ являться лишь дѣломъ партіи въ цѣломъ».

Эти общепринципіальныя соображенія блестяще подтвердились и опытомъ нашей фракціи 3-ей Думы. Всѣ предсказанія, основанныя на «личномъ составѣ», рушились. Наша партія, въ лицѣ Ц. К. и конференцій и при посредствѣ партійной печати, выпрямляла и несомнѣнно улучшила дѣятельность фракціи при томъ же «личномъ составѣ». Вспомнимъ, какія ошибки допустила фракція первоначально въ своей деклараціи и какъ неизмѣнно-революціонно выступала она въ послѣднее время; вспомнимъ, какъ колебалась она первоначально въ бюджетныхъ преніяхъ, и какъ выпрямила свою позицію потомъ, и т. д. и т. д. Конечно, есть и еще недостатки, которые фракціи слѣдуетъ устранить въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Мы указывали ихъ выше, а здѣсь обратимъ вниманіе еще на внѣшнюю форму рѣчей нашихъ депутатовъ: желательно было бы облекать эти рѣчи въ форму болѣе популярную, дѣлать ихъ болѣе доступными для массовой пропаганды и агитаціи, придавать имъ такой характеръ, чтобы ихъ можно было бы перепечатывать для распространенія въ массахъ.

Минувшій опытъ даетъ не только надежду, но и увѣренность, что при постоянной поддержкѣ партіи фракціи удастся устранить и эти недостатки своихъ выступленій.

Все, рѣшительно все, сказанное объ откровенныхъ отзовистахъ, относится *всецѣло* и къ скрытому отзовизму «ультиматистовъ». Послѣдніе, какъ и первые, не только не помогали думской работѣ партіи, но, наоборотъ, всячески препятствовали ей. Стремясь къ отзыву думской с.-д. фракціи ультиматисты замѣняли длительную работу воспитанія фракціи предъявленіемъ ей немедленнаго ультиматума. Цѣль у тѣхъ и другихъ — общая: отзывъ фракціи. Общая и тактика: бойкотъ думской работы. Общи и всѣ основныя разсужденія.

Значенія 3-ей Думы, какъ центра контръ-революціонныхъ силъ, не понимаютъ и ультиматисты; имъ чуждо сознаніе измѣненія *политической* обстановки въ которой приходится теперь дѣйствовать с.-д-іи. Пустой и вредный «лозунгъ» отозванія фракціи и отказа отъ агитаціи съ думской трибуны ультиматисты величаютъ «грандіозной и прекрасной демонстраціей» (см. дискус. ст. т. Максимова въ № 31 «Пролетарія»); они также, какъ и отзовисты, промахнулись съ своимъ предсказаніемъ «неспособности» нашей фракціи

«вести достаточно широкую и глубокую организаціонную и пропагандистскую работу» (см. отчетъ «устраненныхъ» изъ б-ской фракціи Максимова, Николаева и другихъ); и т. д. и т. д. И различіе между отзовизмомъ и ультиматизмомъ такое же, какъ между открытой и скрытой формой одной и той же болѣзни.

Однако уроки жизни и с.-д. критика («Пролетарія» и «С.-Д.») дѣлали свое дѣло; и образованная отзовистами-ультиматистами группа «Впередъ» увидѣла себя вынужденной еще болѣе притупить и прикрыть всѣ эти ошибки отзовизма. Но и сквозь ея осторожныя и нарочито-туманныя фразы проглядываютъ тѣ же старыя отзовистскія ошибки.

Начать съ того, что «платформа» впередовцевъ, наполненная очень длинными разсужденіями на тему о современномъ положеніи, ни слова не говоритъ о дѣйствительной особенности настоящаго момента, — о попыткахъ самодержавія приспособиться къ буржуазному развитію и о значеніи Думы въ дѣлѣ осуществленія этихъ попытокъ. А потому впередовцы также безсильны оцѣнить значеніе агитаціонной дѣятельности с.-д. депутатовъ въ контръ-революціонной Думѣ при данныхъ политическихъ условіяхъ (при торжествѣ конръ-революціи, отсутствіи массоваго движенія и т. д.); потому всякое указаніе на это значеніе они истолковываютъ не иначе, какъ «думизмъ», приписываніе «центральнаго и основного значенія думской работѣ» (см. «Платформу»); и это пишется, вопреки многократнымъ утвержденіямъ партійной печати, это говорится вопреки точному смыслу и буквѣ резолюціи декабрьской конференціи, разсматривавшей думскую работу, какъ *одну* изъ формъ и притомъ *подчиненную*, обще-партійной дѣятельности.

Эта явная неправда нужна впередовцамъ, очевидно, только для того, чтобы ссылкой на «думизмъ» отыграться отъ изложенія *своего* отношенія къ революціонно-с.-д-ому использованію думской трибуны.

Въ самомъ дѣлѣ, все *практическое* отношеніе группы «Впередъ» *исчерпывается* предложеніемъ формально подчиняться постановленіямъ партіи, высказывавшейся противъ «пренебреженія думской работой» (см. стр. 28 «Платформы»). Но во 1-хъ, партія «высказалась» не только противъ пренебреженія думской работой, но и за ея чрезвычайную важность при настоящихъ условіяхъ и за необходимость обратить на нее самое серьезное вниманіе; а во 2-хъ, «Платформѣ» слѣдовало бы сказать *о собственномъ* отношеніи къ думской работѣ (нужна она или не нужна, по мнѣнію впередовцевъ, полезна или вредна), а не ограничиваться ссылкой на формальное постановленіе партіи; и мудрено ли, что при такихъ умолчаніяхъ, недоговоренностяхъ, формальныхъ отпискахъ подъ платформой могли объединиться такіе разнообразные элементы, какъ отзовисты и «антибойкотисты» (по крайней мѣрѣ по рекоменда-

ціи составителей платформы)[1].

Но послѣ трехлѣтняго опыта нельзя уже отдѣлываться ни тѣмъ, что вопросъ объ отношеніи къ фракціи «споренъ» (какъ пытались отговориться «устраненные» ультиматисты), ни тѣмъ, что партія формально обязала «не пренебрегать» думской работой. Неясностямъ и недомолвкамъ теперь нѣтъ и не должно быть мѣста.

Переходимъ теперь къ другому уклоненію отъ позиціи революціонной соц.-д-іи — къ отношенію къ фракціи со стороны редакціи «Голоса С.-Д.».

Въ полномъ согласіи съ оппортюнистами всѣхъ странъ м-ки изъ «Голоса» признавали дѣловую, товарищескую критику дѣятельности фракціи неприличной «травлей» фракціи, «придирчивой и недоброжелательной кампаніей» противъ нея (буквально такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ оппортюнистовъ въ германской с.-д. партіи Тиммъ на Нюренбергскомъ съѣздѣ обвинялъ ортодоксальный Ц. О. германской партіи въ «беззастѣнчивомъ натравливаніи» на парламентскую фракцію). «Кавказская делегація» на нашей декабрьской общепартійной конференціи (т. т. Аксельродъ, Данъ, Семеновъ) настаивали, что «слѣдуетъ исключить изъ резолюціи указанія на ошибки фракціи», что это «дискредитируетъ» фракцію передъ избирателями (отчетъ Кавказской делегаціи, стр. 23), «толкаетъ фракцію», пытались они терроризировать конференцію, «къ логическому выводу — сложенію съ себя полномочій».

И *на словахъ* какъ бы защищая фракцію, какъ бы выступая ея истинными доброжелателями, «голосовцы» *на дѣлѣ*, высказываясь противъ критики и направленія дѣятельности фракціи, *вредили* ей. Достаточно привести тотъ очевидный фактъ, что въ то время, какъ Пролетарій и Ц. О. не пропускали ни одного мало-мальски крупнаго выступленія фракціи безъ оцѣнки, безъ указанія на ошибки, если таковыя были, безъ практическихъ совѣтовъ для будущаго, «Гол. С.-Д.» за 2½ года своего существованія не далъ *почти ничего* въ этомъ отношеніи. 2-3 незначительныхъ замѣчанія, 3-4 статьи съ оцѣнкой крупныхъ думскихъ дебатовъ, это — все, въ чемъ выразились въ печати «доброжелательныя указанія фракціи» со стороны «Голоса». Да и въ этихъ статьяхъ можно было встрѣтить оцѣнку, рѣшительно противорѣчащую постановленіямъ партіи, и «Го-

1. А какъ обезпложиваетъ политическую агитацію пренебреженіе Думой и думской работой с.-д. фракціи, показываетъ появившійся не такъ давно 1-й сборникъ группы «Впередъ». Это изданіе, посвященное «вопросамъ современнаго движенія», дипломатично обходитъ такой острый для его сотрудниковъ вопросъ, какъ значеніе III Думы и отношеніе къ с.-д. фракціи въ ней. И потому то, что дѣйствительно отличаетъ настоящій политическій моментъ, что даетъ матеріалъ для повседневной политической агитаціи — то совершенно оставляется въ сторонѣ «сборникомъ, посвященнымъ очереднымъ вопросамъ» ...

лось» такимъ образомъ подталкивалъ фракцію на новыя ошибки и выступленія въ разрѣзъ съ партійнымъ мнѣніемъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ, оцѣнивающей выступленіе нашей фракціи по запросу о преслѣдованіи профессіональныхъ союзовъ, когда, какъ мы отмѣтили выше, т. Чхеидзе, вопреки рѣшеніямъ партійнаго и международнаго съѣздовъ, проповѣдовалъ съ думской трибуны нейтральность профессіональныхъ союзовъ,—«Голосъ» говоритъ: «рѣчью т. Чхеидзе, а также соотвѣтствующимъ мѣстомъ рѣчи тов. Покровскаго, вопросъ объ отношеніи профессіональныхъ союзовъ къ политикѣ былъ *почти исчерпанъ*». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы указать, что безусловной обязанностью депутата, говорящаго оффиціально отъ имени партіи, является изложеніе оффиціальнаго мнѣнія партіи, а не предразсудковъ партійнаго меньшинства, т-щи изъ «Голоса» одобряли это противорѣчащее партійнымъ рѣшеніямъ выступленіе депутатовъ и такимъ образомъ толкали ихъ къ совершенію новыхъ аналогичныхъ ошибокъ.

Только злѣйшіе враги нашей фракціи могли повредить ей такъ, какъ составители знаменитой первой декларацін, подсунувшіе ее фракціи; эти «тоже доброжелатели» посѣяли тогда надолго охлажденіе между фракціей и с.-д. пролетаріатомъ своей поистинѣ медвѣжьей услугой фракціи. Партія должна была рѣшительно осудить ошибочность этого перваго крупнаго выступленія фракціи; и не доброжелатели, а враги фракціи могли бы требовать замалчиванія этой ошибки, прикрыванія ея, поощренія на новыя оппортюнистическія выступленія.

Опытъ и здѣсь рѣшилъ безповоротно, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ: тотъ-ли, кто проповѣдовалъ замалчиваніе ошибокъ фракціи и соблюдалъ по отношенію къ ней «доброжелательный индифферентизмъ», или тѣ, кто шагъ за шагомъ критически освѣщалъ дѣятельность фракціи, выпрямлялъ ее въ революціонно—с.-д. направленіи, помогалъ ей. И если дѣятельность фракція улучшилась, какъ это вынуждены были признать даже отзовисты-ультиматисты, то это въ значительной мѣрѣ обусловлено постояннымъ воздѣйствіемъ на нее партійнаго общественнаго мнѣнія, постоянной (хотя и далеко-далеко еще недостаточной) помощью ей со стороны партіи.

Теперь, послѣ 3-хъ лѣтъ думской работы, лучшимъ опроверженіемъ обоихъ уклоненій отъ позиціи революціонной с.-д-іи — въ сторону анархо-синдикализма и въ сторону парламентскаго оппортюнизма — является указаніе на этотъ итогъ работъ нашей фракціи. Нашъ парламентскій опытъ въ 3-ей Думѣ еще и еще разъ подтвердилъ правильность позиціи революціонной соціальдемократіи.

Изъ этого опыта слѣдуетъ вывести мораль и для *Партіи*. Почти три года тому назадъ, въ самомъ началѣ работъ думской фракціи, Ц. К. постановилъ: «Ц. К. рекомендуетъ

партійнымъ организаціямъ слѣдующій образъ дѣйствій въ данномъ отношеніи: по всѣмъ вопросамъ, живо затрагивающимъ интересы рабочихъ массъ, — каковы особенно поставленные теперь во фракціи на первую очередь вопросы о безработицѣ, дороговизнѣ, профессіональныхъ организаціяхъ, условіяхъ труда и жизни рабочихъ, — необходимо развивать энергичную агитацію среди рабочихъ, добиваясь того, чтобы отъ имени этихъ широкихъ рабочихъ массъ направлялись во фракцію петиціи и заявленія, рекомендующія фракціи возбудить тотъ или другой конкретный вопросъ въ Думѣ. Содержаніемъ этихъ петицій и заявленій долженъ быть возможно болѣе обильный конкретный матеріалъ, касающійся положенія рабочихъ и безработныхъ, движенія цѣнъ, положенія профессіональныхъ союзовъ, незакономѣрныхъ дѣйствій властей, грубыхъ пріемовъ эксплоатаціи со стороны капиталистовъ, локаутовъ, стачекъ и т. п.»... Тоже рекомендовала организаціямъ и обще-партійная конференція (см. ея резолюціи въ «Приложеніи»).

И до сихъ поръ это элементарно-необходимое дѣло не было выполнено нашими организаціями достаточно полно: доставленіе съ мѣстъ извѣстій и данныхъ для рѣчей, запросовъ и законопроектовъ не было поставлено систематически; непосредственныя сношенія фракціи съ мѣстными организаціями не налажены.

Наша партія недостаточно использовала думскую работу и въ агитаціонно-пропагандистскихъ цѣляхъ, — по крайней мѣрѣ до самаго послѣдняго времени. И нужно рѣшительнымъ образомъ привѣтствовать тотъ путь, на который встали петербургскіе т-щи (см. корреспонденцію въ № 14 «С.-Д.»), подвергающіе основные моменты думской работы (какъ походъ правительства и Думы на Финляндію) обсужденію на рабочихъ собраніяхъ и резолюціи этихъ собраній пересылающіе рабочимъ депутатамъ въ Думѣ.

Мы уже видѣли, какую массу вопросовъ освѣтили наши думскіе товарищи въ своихъ рѣчахъ за истекшій годъ. Стенографическіе отчеты Государственной Думы (которые можно выписывать черезъ депутатовъ), приложенія съ думскими отчетами къ правительственной газетѣ «Россія», которыя можно покупать за нѣсколько копѣекъ, даже номеръ любой газеты съ изложеніемъ думскихъ рѣчей с.-д. депутатовъ можетъ и долженъ служить въ рукахъ т-щей могучимъ орудіемъ партійной агитаціи и пропаганды. «Вотъ мнѣніе нашего представителя въ Думѣ по данному вопросу», можетъ сказать каждый с.-д. въ любомъ, даже легальномъ, рабочемъ собраніи, въ проф. союзѣ, просвѣтительномъ обществѣ, кооперативѣ, клубѣ. Проф. союзы и проф. печать имѣютъ право и теперь разбирать вопросы рабочаго законодательства, а, слѣдовательно, обсуждать рѣчи и контръ-проекты нашихъ депутатовъ. Это — почти непочатая область пропаганды и агитаціи въ связи съ думской дѣятельностью.

А нелегальныя организаціи и нелегальная печать должны договаривать и углублять то, чего не досказываютъ,

въ силу своего «легальнаго» положенія и условій обстановки, наши т-щи въ Думѣ Нашимъ депутатамъ трудно конкретизировать наши тактическіе лозунги; много разъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, наши т-щи доказывали, что только новой революціонной борьбой пролетаріатъ и крестьянство добьются своихъ демократическихъ правъ; организаціи должны подхватить эти призывы къ борьбѣ, конкретизировать формы ея, пользуясь неисчерпаемымъ урокомъ массовой борьбы 1905-6 гг.

Нашимъ т-щамъ въ Думѣ затрудняютъ борьбу за армію. Организаціи должны помочь въ этомъ фракціи. Они должны доводить до свѣдѣнія солдатъ и матросовъ черезъ высакія стѣны, которыми отгородило ихъ отъ міра самодержавіе, какъ рабочіе депутаты защищаютъ ихъ въ Думѣ, должны облекать думскія с.-д. рѣчи плотью непосредственныхъ мѣстныхъ нуждъ, должны звать армію стать на защиту демократическихъ слоевъ населенія въ предстоящей революціонной борьбѣ.

Нашимъ депутатамъ не даютъ договаривать ихъ республиканскихъ убѣжденій. Партійныя организаціи должны доводить ихъ демократическія рѣчи до конца, развивать и пропагандировать наши лозунги республики и учредительнаго собранія.

И т. д. и т. д.

Можно безъ преувеличенія сказать, что не было ни одного крупнаго выступленія нашей фракціи, которое не могло бы быть использовано съ громадной пользой для партійной пропаганды и агитаціи. И громаднѣйшее большинство этихъ выступленій настолько принципіальны настолько интересны, затрагиваютъ такіе разнообразные вопросы, что одно ознакомленіе съ ними въ пропагандистскомъ кружкѣ, на рабочемъ собраніи, массовкѣ имѣло бы громадное значеніе.

Но одного ознакомленія съ рѣчами депутатовъ, конечно, еще недостаточно. Нужно еще, чтобы партія и организаціи критически разбирали ихъ, производили имъ с.-д. оцѣнку, поддерживали депутатовъ въ ихъ правильныхъ шагахъ, отмѣчали ихъ ошибки. Напримѣръ, достаточно развернутая агитація въ связи съ запросомъ о преслѣдованіи проф. союзовъ, солидарная подготовка съ фракціей къ протесту по поводу суда надъ с.-д. депутатами 2-ой Думы, запросы о безработицѣ, о дороговизнѣ жизни, объ эпидеміи промышленныхъ катастрофъ и т. д. и т. п. могли бы подготовить пролетаріатъ къ массовой демонстраціи противъ его нынѣшняго положенія.

При такихъ условіяхъ партія и ея думская фракція будутъ работать еще энергичнѣе и успѣшнѣе надъ тѣмъ, чтобы предстоящій неизбѣжно новый революціонный натискъ былъ побѣдоноснымъ.

Приложеніе.

Резолюціи Всероссійск. Конференціи Р. С.-Д. Р. П.

(декабрь 1908 г.).

I. Резолюція о современномъ моментѣ и задачахъ партіи.

Современное политическое положеніе характеризуется слѣдующими чертами:

а) старое крѣпостническое самодержавіе разлагается, дѣлая еще шагъ по пути превращенія въ буржуазную монархію, прикрывающую абсолютизмъ лжеконституціонными формами. Открыто закрѣпленъ и признанъ государственнымъ переворотомъ 3-го іюня и учрежденіемъ 3-ей Думы союзъ царизма съ черносотенными помѣщиками и верхами торгово-промышленной буржуазіи. Ставъ по необходимости окончательно на путь капиталистическаго развитія Россіи и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранялъ бы за крѣпостниками землевладѣльцами ихъ власть и ихъ доходы, самодержавіе лавируетъ между этимъ классомъ и представителями капитала. Ихъ мелкіе раздоры используются для поддержанія абсолютизма, который вмѣстѣ съ этими классами ведетъ бѣшеную контръ-революціонную борьбу съ обнаружившими свою силу въ недавней массовой борьбѣ соціалистическимъ пролетаріатомъ и демократическимъ крестьянствомъ;

б) такимъ же буржуазнымъ характеромъ отличается аграрная политика современнаго царизма. Онъ потерялъ всякую вѣру въ наивную преданность крестьянской массы монархіи. Онъ ищетъ союза съ богатыми крестьянами, отдавая имъ деревню на разграбленіе. Самодержавіе дѣлаетъ судорожныя усилія, чтобы поскорѣе сломать все общинно-надѣльное землевладѣніе и укрѣпить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряетъ во сто кратъ всѣ противорѣчія капитализма въ деревнѣ и ускоряетъ раздѣленіе деревни на ничтожное меньшинство реакціонеровъ и революціонную пролетарскую и полупролетарскую массу;

в) либеральная буржуазія, съ партіей к-д во главѣ, вступившая на контръ-революціонный путь уже при первыхъ крупныхъ выступленіяхъ массъ въ революціи, продолжаетъ идти по этому пути, сближаясь съ октябристами, и своей царистско-націоналистической агитаціей фактически служитъ службу абсолютизму и крѣпостникамъ-помѣщикамъ;

г) крестьянскія массы, какъ показываетъ даже ихъ придавленное и искаженное представительство въ 3-ей Думѣ, продолжаютъ — несмотря на всѣ преслѣдованія демократическихъ элементовъ деревни — оставаться, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ, на сторонѣ революціонно-демократическаго аграрнаго переворота, который, совершенно уничтожая помѣщичье землевладѣніе, обезпечилъ бы тѣмъ наиболѣе быстрое, широкое и свободное развитіе производительныхъ силъ въ капиталистической Россіи. Законъ 9-го ноября только ускоряетъ раздѣленіе крестьянскихъ массъ на непримиримо-враждебныя и сознательно-политическія силы;

д) на пролетаріатъ обрушилось и обрушивается всего больше ударовъ и со стороны самодержавія, и со стороны быстро объединяющагося и наступающаго капитала. Несмотря на это пролетаріатъ сохраняетъ по сравненію съ другими классами наибольшую сплоченность и наибольшую вѣрность своей классовой партіи, съ которой слила его революція. Пролетаріатъ продолжаетъ борьбу за свои классовые интересы и углубляетъ свое соціалистическое классовое сознаніе, оставаясь единственнымъ классомъ, способнымъ послѣдовательно руководить новой революціонной борьбой;

е) въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно, что объективныя задачи буржуазно-демократической революціи въ Россіи остаются нерѣшенными. Продолжающійся экономическій кризисъ, безработица и голодовка показываютъ, что новѣйшая политика самодержавія не можетъ обезпечить условій капиталистическаго развитія Россіи. Эта политика неизбѣжно ведетъ къ углубленію политической борьбы различныхъ классовъ. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшіе революцію 1905 года, продолжаютъ дѣйствовать, и новый революціонный кризисъ назрѣваетъ при такомъ экономическомъ и политическомъ положеніи неизбѣжно;

ж) общее обостреніе на міровомъ рынкѣ, объясняющееся главнымъ образомъ измѣненіями промышленнаго положенія Западной Европы въ сторону кризиса, перешедшаго въ 1908 году въ форму депрессіи, и революціонными движеніями на Востокѣ, знаменующими собою созданіе національныхъ капиталистическихъ государствъ, усиливаетъ конкурренцію, ведетъ къ учащенію международныхъ столкновеній, обостряя этимъ классовое противорѣчіе между буржуазіей и пролетаріатомъ и дѣлая общую международную обстановку все болѣе революціонной.

Исходя изъ такого положенія вещей, всероссійская конференція Р. С.-Д. Р. П. признаетъ, что основными задачами Партіи являются въ настоящій моментъ слѣдующія:

1) Разъясненіе широкимъ массамъ народа смысла и значенія новѣйшей политики самодержавія и роли соціалистическаго пролетаріата, который, ведя самостоятельную классовую политику, долженъ руководить демократическимъ

крестьянствомъ въ современной политикѣ и въ предстоящей революціонной борьбѣ. Цѣлью этой борьбы является по прежнему свержепіе царизма, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ, опирающимся на революціонные слои крестьянства и совершающимъ буржуазно-демократическій переворотъ путемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія и созданія демократической республики.

2) Всестороннее изученіе и широкая популяризація опыта массовой борьбы въ 1905 — 1907 годахъ, давшаго незамѣнимые уроки, подтвердившіе правильность революціонно-соціальдемократической тактики.

3) Укрѣпленіе Р. С.-Д. Р. П., какъ она сложилась въ революціонную эпоху; веденіе по прежнему непримиримой борьбы какъ съ самодержавіемъ и реакціонными классами, такъ и съ буржуазнымъ либерализмомъ; борьба съ отступленіями отъ революціоннаго марксизма и съ укорачиваніемъ лозунговъ Р. С.-Д. Р. П., обнаруживающимися съ особенной силой въ настоящее время среди нѣкоторыхъ партійныхъ элементовъ, поддавшихся вліянію распада.

4) Всестороннее содѣйствіе экономической борьбѣ рабочаго класса, согласно резолюціямъ Лондонскаго и Штуттгартскаго конгрессовъ.

5) Использованіе Думы и думской трибуны для революціонной соціальдемократической пропаганды и агитаціи.

6) На очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитанія, организаціи и сплоченія сознательныхъ массъ пролетаріата. Затѣмъ, въ подчиненіи этой задачѣ, необходимо распространіе партійной работы на крестьянство и армію, особенно въ формѣ литературной пропаганды и агитаціи, причемъ главное вниманіе должно быть обращено на соціалистическое воспитаніе пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ въ крестьянствѣ и арміи.

II. Резолюція о думской соц.-дем. фракціи.

По поводу дѣятельности думской с.-д. фракціи, являющейся однимъ изъ служебныхъ органовъ, подчиненныхъ Партіи и ея Центральному Комитету, конференція — въ цѣляхъ поднятія на должную высоту необходимой для партіи дѣятельности фракціи и въ интересахъ правильнаго освѣщенія ея работъ всей партіей въ агитаціи и пропагандѣ — констатируетъ:

Что въ дѣятельности фракціи за истекшій періодъ, наряду съ правильными выступленіями, были уклоненія отъ политической линіи нашей партіи, каковыми слѣдуетъ признать въ особенности:

а) отсутствіе въ программной декларацін, съ которой фракція выступила въ началѣ первой думской сессіи, опредѣленно выраженнаго классоваго и соціалистическаго содержанія и урѣзываніе и затушевываніе въ ней послѣдо-

вательно-демократическихъ требованій нашей программы-минимумъ;

в) отсутствіе въ общихъ бюджетныхъ рѣчахъ и формулѣ соціалистической мотивировки голосованія соц.-демократіи не только противъ бюджета современнаго русскаго государства, но и противъ всякаго бюджета буржуазнаго государства;

с) голосованіе за 6½ милліон. — вмѣсто воздержанія — на нужды первоначальнаго народнаго образованія, въ дѣйствительности ассигнованные въ распоряженіе ультра-черносотеннаго министерства Шварца;

д) неоднократное некритическое восхваленіе 1 и 2 Думъ, въ ихъ цѣломъ, какъ Думъ «народныхъ» и пр. и отсутствіе указаній, что и въ нихъ голоса представителей рабочихъ и крестьянъ подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельныхъ классовъ;

е) отсутствіе принципіальной мотивировки отказа въ разрѣшеніи правительству займа на 450 милліоновъ рублей и отсутствіе критики либеральной оппозиціи, соглашавшейся голосовать за заемъ въ нѣсколько уменьшенномъ только размѣрѣ и т. д.;

что фракція вообще не давала должнаго освѣщенія буржуазной оппозиціи съ к.-д. партіей во главѣ, фактически ставшей на путь имперіализма и явной поддержки контръ-революціи;

что фракція неоднократно не исполняла прямыхъ постановленій Ц. К.

Въ виду всего этого конференція, — констатируя вмѣстѣ съ тѣмъ, что вина за уклоненія фракціи лежитъ не на ней одной, ибо она работаетъ при особенно тяжелыхъ условіяхъ черносотенной Думы, а въ нѣкоторой степени также на всѣхъ организаціяхъ партіи и на ея Ц. К., которые далеко не сдѣлали еще всего необходимаго и возможнаго для правильной постановки думской работы партіи, — находитъ, что:

1) въ своей дальнѣйшей дѣятельности фракція должна служить Партіи, въ Духѣ, указанномъ Лондонскимъ съѣздомъ и въ согласіи съ директивами Ц. К. Партіи.

2) основной задачей фракціи въ контръ-революціонной 3-ей Думѣ является — служить въ качествѣ одного изъ органовъ партіи дѣлу с.-д. пропаганды, агитаціи и организаціи, отнюдь не становясь на путь т. наз. положительнаго законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и, не ограничиваясь выступленіями только по вопросамъ, выдвигаемымъ думскимъ большинствомъ, всячески стараться подымать въ Думѣ вопросы, волнующіе рабочія массы и нашу партію;

3) въ интересахъ выполненія этихъ агитаціонно-пропагандистскихъ задачъ фракціи необходимо въ возможно близкомъ будущемъ:

а) внести въ Думу самостоятельные проекты рабочаго

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[illegible]
